

ლიტერატურა

ტრუზია

12

1977

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

12
ДЕКАБРЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქართული
ზოგადი განათლების
მინისტრის

ქრველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივლისიდან

№ 12

დეკემბერი 1977 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Гурам АСАТИАНИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE

(заместитель главного
редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН,

Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

Издается

с июня 1957 года

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ**

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59
Главный редактор — 93-65-15
Заместитель главного редактора — 93-13-57
Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43
Отдел поэзии и искусств
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
Отдел критики и литературоведения
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19
Отдел публицистики и очерка
(редактор БРАЙЛОВСКАЯ Е. И.) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание:

«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ» — 20

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ	4
ПОЗДРАВЛЕНИЯ. ПРИВЕТСТВИЯ. ПОЖЕЛАНИЯ	5
РАСУЛ РЗА. Песня. Перевод с азербайджанского Александра Грича	8
ГЕВОРГ ЭМИН. Из цикла «Америка, Америка». Переводы с армянского Льва Озерова, Лазаря Шерешевского, Давида Самойлова	8
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Долголетие. Завтрашний ветер	9
СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ. «От своих переулков кривых...». «Стал один знаменитый король...»	10
МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ. Ветер. Элегия. Тбилиси. Балет. Кирпич. Космогония. Ковровщицы. «В стране волшебной Сакартвело...»	11
ЮОЗАС НЕКРОШЮС. Уроки. Завершенная картина. Перевод с литовского Юрия Кобриня	13
КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Двадцать лет тому назад...	14
МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ. Герой ее картины. Рассказ. Перевод Камиллы Коринтэли	16
ГЕОРГИИ ЦИЦИШВИЛИ. Дольше всего живет надежда. Рассказ. Перевод Камиллы Коринтэли	21
—	
ГЕНРИХ МИТИН. Смеющийся да задумается!	51
ШОТА РЕВИШВИЛИ. Касаясь проблем грузинской литературы (По страницам сборника «Георгинен»)	57
ОТАР ЧИДЖАВАДЗЕ. Когда кричит павлин. Роман. Окончание	59
ГЕОРГИИ ДЖИБЛАДЗЕ. Илья Чавчавадзе	67
ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Баски и грузины.	74
НУГЗАР ГОГИБЕДАШВИЛИ. Первенец	82
МАРИКА ТУРМАНИДЗЕ. Незвестный мастер?	85
СЕМЕН КОГАН. Иосиф Прибик и Тифлисский оперный театр	87
—	
ВЫШЛИ В СВЕТ	90
—	
ХРОНИКА	92
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1977 ГОД	93

«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ» — 20

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

ПЕРВЫЙ номер «Литературной Грузии», вышедший в 1957 году, предваряли слова: «Рождение нашего журнала — новое свидетельство неустанной заботы партии и правительства о дальнейшем подъеме многонациональной советской литературы, о повышении идейного и культурного уровня трудящихся, о развитии и укреплении дружбы народов СССР». С первого же номера журнал отвечал тем принципам и требованиям, по которым «Литературная Грузия» строила и строит сегодня свою работу. Рядом с романом грузинского писателя Шалвы Дадиани были напечатаны стихи азербайджанского поэта Сулеймана Рустама и абхазца Михаила Лакербая, осетина Гафеза и курдского поэта Тогара Броева... Николай Тихонов прислал для «Литературной Грузии» рассказ «Цхнетские вечера» и сердечное приветствие, в котором выражал надежду на то, что журнал «будет местом встречи грузинских и русских литераторов... еще более усилит нашу дружескую связь».

Слова эти оказались пророческими. Если бы сегодня, когда «Литературная Грузия» отмечает свое двадцатилетие, наш журнал собрал всех своих авторов, — один перечень их имен занял бы несколько страниц. Редакция получила поздравления от многих своих друзей. С некоторыми мы сегодня знакомим наших читателей. Вместе с тем мы рады возможности напечатать также новые стихи Расула Рза, Геворга Эмина, Юозаса Некрошюса, Станислава Куняева, Евгения Евтушенко и Михаила Синельникова, присланные специально для нашего юбилейного номера. Своеобразный подарок журналу — воспоминания Константина Лордкипанидзе, рассказы Михаила Мревлишвили и Георгия Цицишвили — трех редакторов «Литературной Грузии».

Да, журналу — двадцать лет! Это не столь уж значительная дата. Но за это время журнал сделал немало, пропагандируя грузинскую литературу, у него установились определенные традиции, появились многочисленные верные друзья и соратники, вместе с которыми он вносит свой вклад в развитие многонациональной советской литературы...

ПОЗДРАВЛЕНИЯ. ПРИВЕТСТВИЯ. ПОЖЕЛАНИЯ.

ОТ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Горячо поздравляем коллектив редакции и читателей журнала «Литературная Грузия» со знаменательной датой — двадцатилетием со дня основания. За период своего существования журналом проделана большая работа в деле пропаганды грузинской и всей многонациональной советской литературы. На страницах «Литературной Грузии» публиковались лучшие произведения всех жанров литературы, писателей Грузии и других республик, в которых отражены героическое прошлое народа, ратные и трудовые подвиги трудящихся республики, нерушимое братство народов СССР.

От всего сердца желаем всему коллективу редакции, писателям братской Грузии, их переводчикам, многочисленным читателям журнала успехов в выполнении задач, поставленных XXV съездом КПСС.

МАРКОВ, БАРУЗДИН, ВЕРЧЕНКО, КАЗАКОВА, ОЗЕРОВ, САРТАКОВ, СУРОВЦЕВ, СИМОНОВ, ТИХОНОВ, ШЕСТИНСКИЙ

«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ» — 20 лет. Это — большой праздник нашей литературы. На протяжении двух десятилетий журнал ведет полезную и плодотворную работу, популяризируя достижения современной грузинской литературы среди многомиллионной читательской аудитории нашей великой Родины. Являясь как бы фасадом здания грузинской литературы, он представляет требовательному и взыскательному читателю во всех братских республиках нашей страны все лучшее, что ею создано.

Одна из значительных заслуг юбиляра — в умении собрать вокруг себя всех друзей и почитателей нашей литературы, в том числе выдающихся представителей современной русской литературы, переводчиков, продолжающих прекрасную эстафету, начатую лучшими поэтами современности — Николаем Тихоновым, Борисом Пастернаком, Павлом Антокольским, Николаем Заболоцким и другими.

За прошедшие годы журнал завоевал доверие и любовь читателей не только у нас в республике, но и за ее пределами. К сожалению, нынешний тираж «Литературной Грузии» не соответствует тем большим требованиям, которые она ей предъявляет. Есть у журнала и другие нерешенные проблемы, скорейшее разрешение которых поможет полнее и лучше удовлетворить эти запросы. Но в столь торжественный момент мы не будем останавливаться на них подробно, а пожелаем всему коллективу «Литературной Грузии» неуклонного улучшения ее идейно-художественного уровня, что, несомненно, еще больше расширит круг читателей журнала в лице ее истинных друзей, которых мы тоже поздравляем в связи с этой юбилейной датой.

Григол АБАШИДЗЕ,
председатель правления Союза писателей Грузии

Сердечно поздравляю дорогих друзей — весь творческий коллектив журнала «Литературная Грузия» с большим днем, с двадцатилетием журнала. Журнал «Литературная Грузия» за годы своего существования стал выдающимся явлением в общественной и литературной жизни социалистической Грузии, играл и играет выдающуюся роль в деле дружбы народов, в развитии социалистической культуры, в общении всех литературных сил Советского Союза. Он способствовал развитию всех областей грузинской литературы, приходу новых молодых сил, являлся выразителем передовых взглядов советской общественности.

Желаю Вам, дорогой Гурам Леванович, и всему творческому коллективу новых успехов в жизни журнала, новых достижений в дальнейшем росте «Литературной Грузии», крепкого здоровья и личного счастья.

С самым сердечным приветом

Николай ТИХОНОВ

Дорогие коллеги!

Примите сердечные поздравления от вашего ровесника — журнала «Вопросы литературы». Как тоже двадцатилетние, мы с особым чувством желаем вам, вступившим в этот прекрасный возраст, новых больших творческих удач в благородном деле взаимообогащения и упрочения братского единства наших литератур. Желаем, чтобы страницы вашего издания с еще большей щедростью одарили читателя новыми талантливыми произведениями. Уверены, что опытный и высококвалифицированный коллектив журнала сделает все возможное, чтобы весомое слово грузинской советской литературы во всей полноте и многообразии донесло до широкой читательской аудитории яркий сегодняшний день тружеников вашей солнечной республики, вместе со всем советским народом борющихся за претворение в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС.

Редакция журнала «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Дорогие товарищи и коллеги! Редколлегия «Дружбы народов» горячо приветствует и поздравляет вас со славным двадцатилетием журнала. Желаем вам новых творческих успехов, новых ярких публикаций, а всем сотрудникам — здоровья и счастья.

Сергей БАРУЗДИН, Леонид ТЕРАКОПЯН, Валерий ГЕЙДЕКО, Людмила ШИЛОВЦЕВА, Бронислав ХОЛОПОВ, Александр РУДЕНКО, Инна СЕРГЕЕВА, Игорь ЗАХОРОШКО, Лев АННИНСКИЙ, Серафима РЕМЕНИЖ

Редколлегия и читатели журнала «Нева» горячо поздравляют «Литературную Грузию» со славной годовщиной.

За двадцать лет своего существования ваш журнал проделал огромную работу, пропагандируя лучшие достижения грузинских советских писателей, выявляя и укрепляя связи между братскими литературами.

На страницах «Литературной Грузии» впервые увидели свет произведения, получившие ныне широкое признание.

«Литературная Грузия» по праву пользуется славой журнала, который смело и принципиально ставит порою сложные и острые проблемы, утверждая высокие идеалы нашего общества, творческие нормы социалистического реализма.

Двадцатилетие — возраст пылкой юности, увлечений, исканий. Миновав эту веку, «Литературная Грузия», конечно, сохранит эти черты и в зрелые годы.

Желаем вашему журналу дальнейшего процветания, а сотрудникам, авторам и читателям «Литературной Грузии» — большого личного счастья и новых успехов в работе на благо советской литературы, на благо нашей Родины.

Редколлегия журнала «НЕВА»

По-братски приветствуем «Литературную Грузию» в день ее двадцатилетия. «Литературная Грузия» через посредство талантливых произведений грузинских писателей доносит до всесоюзного читателя неповторимый аромат грузинской земли, пульс ее полнокровной жизни, многообразие ее характеров и красок, показывает ее сегодняшний день и ее богатейшую историю. За двадцать лет своего существования «Литературная Грузия» внесла существенный вклад в развитие традиционных дружественных связей между литературами Закавказья и всей нашей страны.

Желаем ей оставаться всегда молодой и дерзновенной и вместе с тем — мудрой в поисках и решениях ответственных задач, в служении литературе и народу.

От имени редакции и редколлегии журнала

И. ТРЕТЬЯКОВ,
главный редактор журнала «Литературный Азербайджан».

«Литературной Грузии» двадцать лет!

Уже два десятилетия, как замечательный журнал наших близких соседей и добрых друзей представляет всесоюзному читателю литературу Грузии, которая во много десятков раз старше нашего юбиляра.

Великолепные традиции грузинской литературы, корни которой уходят в глубину веков, нашли своих достойных продолжателей в лице талантливых современных писателей Грузии, высокохудожественными произведениями отражающих величественные социальные преобразования, становление нового человека, человека труда, духовно богатого, наделенного прекрасным чувством братской дружбы.

Журнал «Литературная Грузия» в течение двух десятилетий публиковал на своих страницах лучшее из всего того, что было создано литераторами республики.

Поздравляя «Литературную Грузию» с двадцатилетием, искренне желаем редакционной коллегии, всему коллективу большого счастья, новых творческих успехов в деле выявления и пропаганды истинных художественно-эстетических ценностей, в деле коммунистического воспитания своих читателей.

Карэн СИМОНЯН,
главный редактор журнала «Литературная Армения»

Советская Грузия... Многовековая Грузия... Солнечная Грузия... Мудрая Грузия... Рабочая Грузия...

Все эти понятия органично вобрало такое близкое нашему сердцу — «Литературная Грузия».

Журналу-юбиляру, славному собрату в большой журнальной семье, шлю сердечные поздравления от имени «Нового мира» — редакторов его, читателей и авторов, от себя лично.

Будь счастлива, «Литературная Грузия»!

Твой Сергей НАРОВЧАТОВ

Расул РЗА,
народный поэт Азербайджана

Песня

В каждой песчинке
кроется мира суть,
с каждым днем
все длиннее за нами путь.
Служим народу —
это наша забота,
силы отдавай, и душу,
и верным будь.

Пусть далеко и долго еще идти —
да укрепится воля твоя в пути.
Помни завет,
что нас в дорогу зовет:
тот, кто ищет, — найдет.

Отзвуки дня
нас будят в каждой ночи,
каждое утро
бьются в окно лучи.
Край ты мой, отчий,

нету тебя богаче:
горные весны,
в недрах земных ключи.

Край мой,
очаг поэта и мудреца!
Песням твоим задумчивым
нет конца.
Ждут нас в дороге дальней
новые песни,
жаждой грядущего
наши полны сердца.
Пусть далеко и долго еще идти —
да укрепится воля твоя в пути.
Помни завет,
что нас в дорогу зовет:
тот, кто ищет, — найдет.

Перевод с азербайджанского Александра ГРИЧА

Геворг ЭМИН

Из цикла „Америка, Америка“

Мартину Роббинсу — бостонскому поэту.

1.

Чем ясней и проще ты хочешь сказать,
Тем хуже тебя понимают люди.
Зачем человеку — спрошу опять —
Дан язык?
Ответа не будет.
Зачем и кому нужны слова?
Ты произносишь правдивое слово —
Бездна непониманья мертва
И отчужденье встает сурово.

Спрошу я:
Можно ли
Ниже пасть,
Чем падает часто судьба поэта:
Быть мастером слова,
Не веря во власть
Слова...

Что же — трагедия это?
Комедия это?
На каком языке —
Не все ли равно —
Истошно кричать
Или тихо роптать?
Не все ли равно,
На каком из них
Тебя не поймут?
Что же делать?

Молчать?
Онеметь?
Окна закрыть?
Двери, уста?
Не доглядишь!
О, блаженство!
Безмолвие, тишь...

Перевод с армянского Льва ОЗЕРОВА

2.

Был прочен порядок вещей неизменный:
Всегда на поверхности
Всплывала лишь пена.

А жемчуг —
Известно с младенчества мне —
Мерцал в глубине,
Оставался на дне...

Но в наши дни
Попрана закономерность —
И донный осадок
Взметен на поверхность,
Он стал вездесущ:
Все от взгляда закрыла
Смесь мути и грязи и вязкого ила...

...О, как же была та эпоха блаженна,
Когда на поверхность
Всплывала лишь пена!

Перевод с армянского Лазаря ШЕРЕШЕВСКОГО

3.

Вчера рассматривал
Огромный глобус —
И вдруг увидел мира
Новый образ.

Все параллели
И меридианы
Охватывали
Материки
И океаны,
Как арматура
Строящихся зданий.

Настало ль время
Исполнения мечтаний?
И перестраивают
Шар земной
Согласно новым
Начертаньям...

От радости не спал до зорьки ранней.

Перевод с армянского Давида САМОЙЛОВА

Евгений ЕВТУШЕНКО

Долголетие

Я,
переживший по возрасту
Пушкина,
Лермонтова,
Есенина,
Маяковского,
удачу,
мною незаслуженную,
видимо, с молоком всосал.
Я был в шестидесяти четырех странах—
больше, чем все поэты России
до меня.
Мне аплодировали
цивилизованные народы
и первобытные
племена.
Чего говорить —
конечно,
счастливчик с двумя макушками!
Ведь вообще за границу
не выпускали Пушкина.
После судьбы Кюхельбекера,
после судьбы Полежаева
моя судьба сверхъестественна,
моя судьба поражающа.
Убили Колю Отрада,
на финской,
двадцатилетнего,

а я до сих пор удивляюсь
собственному уцелению.
Я говорил с президентами,
с государственными секретарями.
Лишь в силу определенных
исторических обстоятельств
не удалось установить контакта
с царями.
Я выступал во Дворцах спорта,
иногда выбирался в президиум.
Русский поэт с такою судьбою
морально уже подозрителен.
Но честное слово поэта —
я славой не слишком укачивался,
в поэзии беспрецедентно создав
прецедент удачливости.
Прошу ко мне относиться
критически, но уважительно.
Поэты сорокалетние
у нас, на Руси,
долгожители.
Но как мне сполна расплатиться
за славу,
с излишком отпущенную,
за то, что я стал должником,
за то, что я старше Пушкина?

И побрел, обездоленный, в мир
по убогим житейским дорогам.
А вослед искуститель Шекспир
разглагольствует варварским слогом:

— Где вы, сильные мира сего?
На кого вдохновенье накатит
разменять свою власть? У кого
и смиренья и мужества хватит?

Лир корону сорвал с головы!
А не эта ли царская милость
всех величественней?..

Но, увы,
знают все, что в итоге случилось.

Потому-то в партерах гремят
три столетия аплодисменты
и, рыдая, на сцену глядят
то диктаторы, то президенты.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Ветер

В. Пхакадзе.

Здесь «космос» эллинский и «олим»,
Олимп и вавилонский ад
Сошлись во мне, как небо с полем,
И воплотились в долгий взгляд.

Усилье взора с плотью цвета,
Глубинный холод, горний жар,
Майдан с махиной минарета,
Широколобий Авлабар.

Весь округ неба, вся округа
Подбитой зеленою землей,
Мост, кладбище с могилой друга,
Как воздух, в грудь мою вошли.

Роскошной вечности утехи,
Пространства пышные пиры.
Между Харпухи и Метехи —
Дыханье мерное Куры.

Обрезки Брейгеля и Босха,
Но фрески — более всего...
Сотрутся линии с наброска,
Погаснет краски вещество.

Года, как стаи голубятен,
За сизой скроются плевой.
Лишь ветер внукам будет внятен.
Лишь ветер плавно-гулевой!

Лишь ветер уличный и юный
В тот синий час, когда народ
Хлебов полуторные луны
В жилища темные несет.

Ведь легче с ним, прельстясь юдолюю,
Весь этот мир в себе нести,
Его времен хотя бы долю.
Хотя бы часть его пути.

Элегия

А. Ц.

Перенося колено над оврагом,
Круша Эльбрус, карая Арарат,
Здесь Демон шел
Задумавшимся шагом.
И по пятам катился камнепад.

Скажи, откуда эти самоцветы
И небо небывалой глубины?
Иль пригоршней камня древней
Мцхеты
Подарены, на память вам даны?

Но серных бань рожучие своды
Наводнены, забыты, залиты
Высокогорным воздухом свободы,
Беснующимся эхом глухоты.

Забыто все, и намертво забыто...
И мы приходим греться у огня,
В круговороте радостного быта,
В долине вечерющего дня.

Нетяжела цветочная корзина,
А цепь цветений, точно, нелегка...
Идут по луже мимо магазина
Грузинские живые облака.

Струятся тучи по челу Тбилиси,
По улице, как мысли по лицу.
К низинам приклонившиеся выси
Сродни железу, зелени, торцу.

И прошлому, лежащему во прахе,
Упавшая любезна высота,
Ороговших крыльев черепахи
Пугливая, пернатая мечта.

Туманны гор чернильные отроги.
Река стоит, и смотрит в небо мост.
Я поздно встал,

Я встретил на дороге
Закат кровавых и беспечных звезд.

И мчатся тучи фильмов в тридцать
серий,

И в небо отворяется окно...
И отразилась в зеркале мистерий
История, как стереокино.

Еще не раз вода воспламенится,
И снова станет сухой океан,
Когда-то будет городом гробница,
Распахнутая плугами крестьян,
И царская стрела в зенит вонзится,
И в серный ключ опустится фазан.

Тбилиси. Балет

Э. Думбадзе.

Запах сладкий мяты и забвенья,
Розовое масло желтых роз,
Трепетно-задумчивые звенья
Золотых сцепившихся стрекоз.

Может быть, растаяла от муки
И давно в полете умерла
Тетива, застывшая на луке,
В воздухе висящая стрела.

Неподвижность каждого движенья,
Скорость света, ровный ход планет.
Будущего головокруженья...
Прошлого и не было, и нет.

Как твое недолговечно счастье,
Хрупкое Адамово ребро!
И до устья кисти и запястья
В три ручья струится серебро.

Ветер славы мчится, негодую,
Шевеля подвески потолка.
И не может помнить поцелуя
Балерины теплая рука.

Кирпич

Я камнем в стене больше быть не могу.
Я буду лежать на крутом берегу.

Мне сердце пронзила седая трава,
Но сверху и снизу скользит синева...

И плоские волны идут надо мной.
Я — галька, которую гладит прибой.

И рыбы, как птицы, летят по реке
И песню поют на своем языке.

Но как недоступны во веки веков
И мрамор вершин и порфир облаков!

Я — смуглая туча, дитя темноты,
Леплю города, высекаю цветы.

Огромному солнцу открою окно
Сегодня и завтра, вчера и давно...

Шумят надо мною сырые хвощи,
И ящеров кости скрестили хрящи.

И я воскрешен мириадами лет,
Я вымерший мамонт и мамонтов след.

Я — пляшущий смерч из пустыни
Усть-юрт.
В багряных драконах пылающих юрт.

И красные пасти распахнутых крыш
Струят безысходно-безмолвную тишь,

И к солнцу встают сквозь меня
города...
Я — гулкий песок, и топочет орда.

Я — молот и пламень, и гром, и огонь,
Тропа пешехода и мчащийся конь.

Прошедшее время — костра головня.
Грядущее время — копыто коня.

Когда же миражи уйдут в никуда,
Мне снится сухая, как жажда, вода.

Верблюды бредут по колено в воде...
Я — близкий огонь на далекой звезде.

И тянут, и тянут ко мне кулачки,
Ведут хоровод золотые волчки.

Планеты и дети по кругу идут
Толпой заключенных в пространство
минут.

Пожалуй, запомнить меня вы должны.
Я — красная буква в странице стены.

Смотрю на себя изнутри иль извне?
Я — уголь, я—глина, я—камень
в стене.

Космогония

Не повторяется природа.
Но лепит Новое. Взгляни,
Какая сила и свобода
В ее делах. И в наши дни.

Одни цветут, другие вянут,
И только смертью жизнь жива,
То пламень плотной формой стянут,
То руки статуи устанут,
Вновь глиной станет голова.

Как первобытная порода,
Уходит мрамор в чернозем.
И нет из вечности исхода.
Все повторяется во всем.

Ковровщицы

Нет подвижника в исламе, но старухи
Астары
Золотистыми узлами ткут зеленые
ковры.

Только розовые пятна шелестят,
касаясь век.
И забвенье благодатно, как струенье
райских рек.

И загробной жизни снится изумрудная
канва,
И влетают ковровщицы зелень
в зелень, как слова.

* * *

В стране волшебной Сакартвело
Душа моя жила досель,
И часто, вспоминая тело,
Пыталась петь осиротело
Сорокоустая свирель.

Но в ожидании напрасном
Не мог тростник коснуться рта,
Под ветром яростным и властным
Небесно-синий с винно-красным
Сменялись надо мной цвета.

И не слепить воды и глины.
Зачем глаза в глаза глядят,
Меж тем как вдоль речной долины
Быков холмящиеся спины
Уходят парами в закат?

Как ствол анчара зол и черен,
Касаясь розовых пустот
Большого неба, ветру вторя,
Растет дубняк на косогоре,
А нас трава перерастет.

Осталось дожидаться года,
Когда, забвением дыша,
Войдет, как воля и свобода,
Вольется в шарик водорода
Вся жизнь — и тело, и душа.

И гальки звонкую монету
Бросая на своем пути,
Слегка напоминая Лету,
Пойдет река по белу свету,
Чтоб море где-нибудь найти.

Юозас НЕКРОШЮС

Уроки

Горы учат гордости.
Горы учат мужеству.
Бурные реки — резкости.
А терпеливости — камень.
Нежности учит небо.
Полету — орел горный.

А матери трудолюбивые,
Матери добрые, тихие
Учат любить Родину.

Завершенная картина

Палитра —
Алазанская долина.
Тополя —
Кисти живописца.

В буйстве осени —
Завершенная картина:
Облака
Касаются серебристых скал;
Величье истории
Иллюстрирует
Каменная графика крепостей;
В виноградных лозах
Щедрость осени
Превращается в сладчайший хмель;
Над деревней плывет в простор
мелодия;
На скачущем всаднике ветер рвет
бурку.

Тополя-кисти
Тонут в голубизне,
Вырастая из палитры Алазанской
долины.

Где же художник?
Тишина...
Предо мной — Кахетия.

Перевод с литовского Юрия КОБРИНА

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Двадцать лет тому назад...

ПЕРЕДО мной самая первая книжка «Литературной Грузии», вышедшая два десятилетия тому назад — в начале 1957 года, — вся она светится голубизной, как дорогое воспоминание. В ней заключено столько радостных, волнующих переживаний, хлопот и тревог, связанных с созданием первого в Грузии русского литературно-художественного журнала!

Все, кто был причастен к выпуску первых номеров «Литературной Грузии», сполна сознавали всю меру ответственности за издание, которое должно было донести все ценности грузинской литературы, культуры, искусства, достижения нашей республики во всех областях жизни до огромной читательской аудитории Советского Союза, выйти за его рубежи к многомиллионным массам, владеющим языком межнационального общения.

Коллектив редакции, редакционная коллегия, составленная из опытных, знающих толк в журнальном деле профессиональных литераторов — Э. Аналиашвили, А. Кузьмичева (заместитель редактора), А. Кутелия, Д. Шенгелая и бессменных, по сегодняшний день не покинувших своего поста в журнале — М. Златкина, В. Мачавариани, Э. Фейгина, хорошо, наверное, помнят, как в то трудное и счастливое время — в пору рождения «Литературной Грузии» — долго и серьезно обсуждались программа и задачи журнала, какие высказывались надежды и пожелания. Все это было сформулировано в первом обращении редакции «Литературной Грузии» к читателю.

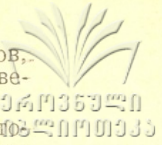
«Наш журнал призван знакомить русского читателя со всем лучшим, что создает грузинская советская литература. Журнал будет публиковать произведения русских писателей, живущих и работающих в Грузии. Рядом с романами, повестями, рассказами и стихами мастеров прозы и поэзии мы широко покажем творчество нашей талантливой молодежи и тем самым поможем ей совершенствовать художественное мастерство».

И еще. «Мы надеемся, — говорилось в том обращении, — что и у «Литературной Грузии» появятся многочисленные друзья — требовательные и взыскательные и с их помощью мы сумеем внести свой посильный вклад в общенародное дело развития и укрепления дружбы братских советских литератур».

И журнал действительно сразу же почувствовал тепло дружеского участия и крепкую поддержку истинных друзей, верность которых уже испытана на протяжении всех лет существования журнала.

На первую же просьбу редакции тотчас отозвался замечательный русский поэт Николай Тихонов, нежно и горячо влюбленный в Грузию и ее поэзию. Он прислал для первого номера «Литературной Грузии» изумительный рассказ «Цхнетиские вечера», который, мне кажется, навсегда останется гордостью и украшением русской литературы.

И мне необычайно приятно сознавать, что на протяжении всех лет существования журнала Николай Семенович Тихонов постоянно сотрудничает с ним и в качестве автора, и как переводчик, и как добрый наставник, напутствующий

ций и рекомендуемый журналу многих молодых, начинающих литераторов. И в этот юбилейный, праздничный для журнала номер он прислал слова привета, выказывая этим свою верность и преданность «Литературной Грузии».

Журнал «Литературная Грузия» стал местом встречи литераторов, прежде всего всех грузинских поэтов, прозаиков, критиков, знакомящих русского читателя со своими лучшими произведениями. В «Литературную Грузию» охотно присылал свои новые произведения Борис Пастернак (как приятно видеть в комментариях солидных академических изданий ссылку: «впервые опубликовано в журнале «Литературная Грузия»). Здесь постоянно печатаются: Арсений Тарковский, Константин Симонов, Михаил Луконин, Михаил Дудин, Александр Межиров, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Елена Николаевская и многие, многие другие — всех не перечислить...

Я рад отметить, что традиции, родившиеся тогда, вместе с журналом, бережно сохраняются сегодня, живут, развиваются. А сколько новых интересных страниц в биографии журнала, новых рубрик, интересных замыслов, прекрасных свершений!

Двадцать лет — пора зрелой молодости. Журнал прошел период становления, поиска своего читателя, он вырос, возмужал, обрел степенность и уверенность.

Его многочисленные книжки сполна отражают события этих двадцати лет в нашей республике и стране. По ним можно проследить и процесс развития литературы этих лет, в них появились новые интересные имена грузинских и русских писателей, поэтов, выступающих в журнале как авторы и переводчики. По произведениям литераторов старшего поколения можно проследить за расцветом их таланта и мастерства.

А сколько прекрасных писателей, которых мы сегодня все знаем и высоко ценим как гордость грузинской литературы, приносили в свое время в «Литературную Грузию» свои первые литературные опыты...

Пусть же «Литературная Грузия» достойно продолжает свое огромное важное дело. И не роняя высокой чести, выполняет основную задачу журнала, которую так четко сформулировала на самой первой своей странице: «В ярких художественных образах раскрыть богатый и сложный духовный мир советского человека, воспитанного социалистическим строем, мудрой Коммунистической партией».

ГЕРОЙ ЕЕ КАРТИНЫ

● Рассказ

КОГДА молодая художница Магда Хирсели покупала билет в городской железнодорожной кассе, ей и в голову не могло прийти, что на смену сверкающему весеннему дню придет ненастная ночь.

Выйдя из кассы на площадь, Магда посмотрела на башенные часы. Стрелки показывали половину десятого. Майское, еще не жгучее солнце разливало в

воздухе приятное тепло, а веселое чириканье воробьев в Пушкинском сквере ласкало слух.

Просторная площадь жила своей обычной повседневной жизнью. Автомашин, как жуки, пробегали по ней и скрывались в расходящихся в разные стороны улицах. Степенно катили по отполированному асфальту переполненные пассажирами автобусы и троллейбусы. Торопливо проносились грузовики. Широкие тротуары не вмещали множества пешеходов. Взрослые и дети, женщины и мужчины — все были подчинены единому ритму большого города.

Магда не обращала внимания на сутолоку и суету. Занятая своими мыслями, она шла своим обычным шагом и, сама не замечая, жадно вдыхала живительный воздух майского утра. Равнодушно смотрела она на нежную молодую листву платанов и так же равнодушно созерцала пронизывающий кроны деревьев и щедро льющийся на асфальт солнечный свет.

До отхода поезда оставалось часов пять. Этого времени было вполне достаточно, чтобы управиться со всеми делами, которые всегда в изобилии возникают перед отъездом.

Придя домой, Магда выложила на стол покупки, привела себя в порядок, переоделась, вытащила из шкафа дорожную сумку и принялась укладываться.

Небольшая сумка очень скоро заполнилась необходимыми в поездке предметами. Не уложенными оставались лишь альбом для эскизов и карандаши. Магда окинула взглядом эти вещи и замешкалась. Лоб ее прорезала морщинка, она повернулась и прошла в галерею.

Залитая светом галерея служила ей мастерской. Войдя сюда, Магда оставалась, безразличным взглядом окинула разбросанные в беспорядке эскизы, потом каким-то скованным шагом подошла к довольно большой работе, стоявшей в углу. Это был портрет. С полотна глядели на художницу безжизненные пустые глаза незнакомого юноши.

Губы Магды изогнулись в горькой усмешке. Она побледнела. Потом еще раз оглядела свою мастерскую и, понутив голову, вернулась в комнату. Стала возле доверху наполненной дорожной сумки и задумалась.

Близился срок сдачи дипломных работ. От Магды Хирсели в училище ждали многого. Профессора, партийная и комсомольская организации, студенты — все были уверены в ее таланте. Магда выбрала для дипломной работы довольно простую тему: она писала портрет молодого строителя коммунизма. Ее герой должен был воплощать в себе негнбаемую волю и силу духа недавних защитников Сталинграда и энтузиазм нынешних строителей мирной жизни, которые засевают поля, строят города, возводят плотины, изменяют течение рек. Однако портрет, который был фактически готов, повергал молодую художницу в полное отчаяние: изображенный на нем молодой человек глядел на Магду пустыми, ничего не выражающими глазами. Ни единой живой черточки, никакого волнения не отражалось на этом лице, а ведь с точки зрения техники все в работе было правильно, и цветовое решение говорило о вкусе художницы.

«Я просто-напросто бездарна». — заключила с горечью Магда. И придя к такому убийственному выводу, решила не позориться, не выставлять свою работу на суд профессоров.

Но и приняв это решение, Магда не сложила оружия. Она обратилась к книгам, снова и снова изучала картины и репродукции с картин великих мастеров живописи — русских, итальянских, голландских, испанских, искала то неуловимое нечто, которое бы оживило ее героя. Но все оказалось тщетным: не смогла она вдохнуть жизнь в свое творение.

Совсем немного времени оставалось до злополучного дня сдачи дипломных работ. Магда знала, с каким интересом ждут ее картину, и сгорала со стыда.

Смятение Магды первой заметила одна из ее ближайших подруг, секретарь комсомольской организации Эленэ. После долгой задушевной беседы с ней Эленэ убедила ее, что ей необходимо на время переменить обстановку, чтобы успокоиться, обрести душевное равновесие.

— Тебе непременно надо выехать из города, хотя бы дней на десять, и как можно скорее, — уговаривала ее Эленэ.

Магда и сама это понимала, но ей просто некуда было ехать. У нее, уроженки Тбилиси, не было родственников, живущих в деревне, где она могла бы погостить, а для того, чтобы достать путевку, нужно было время.

— Знаешь, Магда, отправляйся-ка ты в мою родную деревню, поживи у моей мамы, — предложила Эленэ.

Спустя неделю колебаний и раздумий Магда приняла предложение подружки. Конечно, это был отличный выход. Там, на лоне природы, в тишине и покое она действительно отдохнет, наберется сил, окрепит и сможет потом уже снова взяться за этот ускользающий от нее портрет.

Эленэ обрадовалась ее согласию, тотчас написала письмо матери, а Магде, опасаясь, как бы та не передумала, даже начертила план ее маршрута.

— Вот тебе твоя путевка, — смеясь сказала она подружке, вручая план. — А письмо отдашь маме. Теперь слушай: я-то тебе все начертила, но на всякий случай, как сойдешь с поезда, там же, на платформе, спроси первого встречного, он тебе покажет, как до нашего дома добираться. Словом, не заблудишься, тем более что это очень близко от станции, — поясняла Эленэ, надписывая адрес на конверте.

На прощанье она пообещала обязательно прийти на вокзал — «если завтра собрание не состоится».

Всякая поездка имеет свою прелесть и привлекательность. Расставшись с Эленэ, Магда предалась мечтам. Впервые в жизни ей предстояло ехать куда-то одной, к тому же — в совершенно незнакомое место.

Однако позднее, когда все было позади и билет был у нее на руках, когда она сидела возле своей дорожной сумки, уже готовая в дорогу, Магда почувствовала себя растерянной и, вспоминая беседу с Эленэ, сожалела о том, что согласилась принять ее приглашение. «Как-то по-детски все это получилось, — размышляла Магда. — Она предложила, а я сразу же согласилась, собралась и вот, еду... А куда еду? К кому? К незнакомому человеку...» В какой-то миг она решила было сдать билет и никуда не ехать, остаться дома, но, взглянув на портрет, стоящий в галерее, внутренне поехала и отбросила эту мысль.

Она встала, уложила в сумку альбом, карандаши, застегнула сумку.

Стенные часы пробили два раза. До отхода поезда оставалось совсем немного времени.

В открытое окно ворвался гудок автомашины.

— Это Эленэ! — обрадовалась Магда.

Оглядев комнату напоследок, она заперла окно, надела пальто и, подхватив свой багаж, выбежала на лестницу.

Уютно устроившись на сидении мягкого вагона, Магда слушала монотонный перестук колес. Эти звуки успокаивали ее. Мерно раскачивалась чья-то сумка, висевшая у окна.

Знакомые очертания родного города давно скрылись из глаз. Перед Магдой простирался карталинский ландшафт: горы и лесистые холмы, развалины древних крепостей, сады и огороды, утопающие в зелени дома с красными черепичными кровлями, каменистые проселки и опять горы, горы...

Вскоре ей наскучило смотреть в окно, она вынула из сумки книгу, раскрыла ее и погрузилась в чтение.

Ее спутники расположились обедать. Извлекли из корзинок и сумок различную снедь, у кого что было с собой, и вино появилось, и стаканы. Завязалась оживленная беседа. Худоцавый молодой человек, очень вежливый и обходительный, пригласил Магду к общему столу и тут же протянул ей жирную куриную ляжку. Магда смутилась и от угощения отказалась.

Поезд мчался, останавливался на шумных станциях, снова мчался.

Предмет беседы часто менялся. Сидевший напротив Магды невысокий коренастый и плотный мужчина рассуждал о политике, ругал американских заправил. Худоцавый молодой человек рассказывал о достижениях своей МТС. Парень атлетического сложения, который сидел рядом с Магдой, говорил о

спортивных событиях. Потом на какое-то время в купе установилась тишина. Каждый углубился в свои мысли. В тишине отчетливо и ритмично стучали колеса леса.

— Как пасмурно стало, дождь, что ли, собирается? — нарушил молчание сидевший напротив Магды коренастый мужчина.

Все сразу посмотрели в окно. Действительно, погода портилась, огромная черная туча закрыла полнеба.

Заговорили об атмосферных явлениях. Худощавый молодой человек с жаром стал рассказывать о страшнейшем урагане, пронесшемся то ли где-то в Индии, то ли над Суматрой.

Магда встала, вышла в коридор. Прислонилась к блестящему, как зеркало, окну. Грусть овладела ее сердцем. Опять закружился в голове тот же вопрос: «Куда я еду? К кому?..».

Мимо окна проплывали вспаханные поля, зелены. Электроантенны и телеграфные столбы бежали друг за другом. Проехали мимо какого-то села. Во дворе, поросшем молодой ярко-зеленой травой, маленький мальчик играл с теленком. Женщина с подоткнутым выше колена подолом гнала по дороге гусей.

Подходил к концу обычный деревенский день. Рано смеркалось, потому что тучи скрыли солнце. Магда продолжала смотреть в окно на пронесившиеся мимо пейзажи. На какое-то время она полностью отключилась от одолевавших ее мыслей.

— Приготовьтесь, сейчас ваша платформа, — сказал ей проходивший мимо проводник, — поезд стоит там очень мало.

Магда вошла в свое купе. Надела шапку, пальто. Взяла сумку. Попрощалась со спутниками.

— Я провожу вас до выхода! — любезно предложил худощавый молодой человек и взял у Магды из рук дорожную сумку.

Поезд замедлил ход. Заскрежетали тормоза. Смолкли колеса. Состав остановился. Проводник открыл дверь. Ветер со свистом ворвался в тамбур.

— Поторапливайтесь! — прозвучал голос проводника.

Магда спустилась на платформу, приняла у провожавшего ее молодого человека свою дорожную сумку, поблагодарила его и улыбнулась на прощанье.

Проводник закрыл дверь. Электровоз загудел, и поезд тронулся. Тяжело громыхая, потянулись друг за другом вагоны. И вот уже состав скрылся вдали, и только красный глазок сигнального фонаря продолжал маячить между рельсами.

Магда непроизвольно сделала несколько шагов вслед за поездом, словно хотела догнать его, и остановилась, огляделась по сторонам. Вокруг не было ни единой души. Стояла полная тишина. Уже завечерело. Через дорогу чернел лес. Магда растерялась. Испуганно озиралась она по сторонам. Вдруг в глубине леса в просвете между деревьями замерцал огонек. Он то гас, то вновь загорался. Оттуда же доносился собачий лай.

— Вот и деревня! — обрадовалась Магда.

Тем временем совсем стемнело. Налетевший ветер с шумом пробежал по лесу. Молния прорезала небо. Раскатился гром. По листьям тяжело застучали, зашлепали первые капли дождя.

Магда сделала усилие, чтобы двинуться в путь.

Идя полем, она снова увидела пропавший было огонек между деревьями. Прибодрившись, зашагала быстрее. Опять сверкнула молния, и в синеза-том свете ее Магда увидела впереди, на опушке, какие-то машины, за ними — непонятное строение, вроде бы избушку на каких-то колесах. Оттуда и светил огонек.

Магда уже бегом добежала до избушки и несмело кликнула хозяйку. В ответ яростно и хрипло залаяла собака. Магда попятилась.

Скрипнув, растворилась дверь. Свет вырвался наружу и снопом лег на землю. В освещенном проеме встала фигура мужчины.

— Келеша, молчать! — повелительно прикрикнул мужчина на собаку, и та замолчала.

Мужчина подался вперед, вглядываясь в темноту.

— Кто там? — крикнул он.

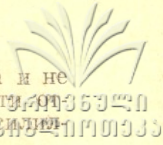
— Если вас не затруднит, я вас очень прошу, покажите, пожалуйста, мне дорогу!

Не отвечая, мужчина спустился по лесенке. Подошел к Магде, оглядел ее с головы до ног.

— Куда это вы направляетесь в такую пору? — с удивлением спросил он. — Гроза ведь!

— Я, вероятно, заблудилась, мне в Сауджармо надо попасть, — пояснила Магда.

— Да, плохо вы шли, — проговорил незнакомец.

Магда в недоумении молчала. Она не поняла, что означают его слова и не знала, что отвечать. В какой-то миг она подумала было повернуться и уйти сюда, но куда ей было идти, в каком направлении? К тому же дождь ужасно шумит, теперь он лил сплошными потоками.

Ослепительный зигзаг молнии расколол небо, следом прогремел гром. Сильный порыв ветра пронесся по полю и с шумом ворвался в лес.

— Вы совсем вымокнете, входите в дежурку, — сказал незнакомец и жестом предложил Магде следовать за собой.

Войдя, Магда опустилась на тахту. Осмотрелась. Стол из неоструганных досок, треногая скамейка, железная печка-временка — вот и все убранство комнаты, которую озарял неяркий свет так называемой «летучей мыши». Огромная лохматая овчарка подошла к Магде, помахивая хвостом, легла у ее ног. Магда со страхом посмотрела на нее, потом перевела взгляд на хозяина.

Широкоплечий детина, присев на корточки перед печуркой, раздувал огонь. Короткие вспышки пламени высвечивали его загорелое бронзовое лицо, спадавшие на лоб черные волнистые волосы, поблескивавшие, как гишер.

Вскоре огонь весело загудел, отблески его заплескали по стенам, сразу стало тепло, уютно.

Поднявшись, хозяин подошел к госте поближе, поглядел на нее.

— Скиньте пальто, оно же мокрое, вон там в углу бурка, закутайтесь в нее да поближе к огню подсаживайтесь, — сказал он съездившейся, как воробышек, Магде.

Магда встала.

— Нет, — сказала она, — спасибо, я уже пойду, только скажите, как мне добираться.

Хозяин добродушно усмехнулся.

— Да ты что, сейчас я тебя ни за что не отпущу, гляди, какая непогода на дворе, дождь хлещет как из ведра, ветер завывает.

— Ничего, я пойду, вы только чуточку проводите меня, — умоляющим тоном проговорила Магда.

— Я свой пост оставить не могу, дежурный ведь я, а сама ты дорогу сейчас не найдешь.

— Что же мне делать?! — в полной беспомощности вырвалось у Магды.

— Да что делать, как я говорю, так и делай. Подсаживайся к огню, обсохни, обогрейся, а я за это время соображу насчет ужина. Голодна, небось, с дороги-то, — ласково произнес парень и улыбнулся.

Что-то очень располагающее было в его улыбке и одновременно ободряющее, обнадеживающее.

Он направился к дверям.

— Хотя бы сказали, как вас зовут, — проговорила Магда.

— Люди Парной меня кличут, а вообще-то имя мое Парнаоз, — снова улыбнувшись, отвечал парень уже с порога.

Оставшись одна, Магда сняла с себя промокшее пальто, укуталась в бурку и под села к печке, как сказал ей Парна.

Тепло быстро разморило ее, она почувствовала вдруг сильнейшую усталость. Пересела на тахту. Заметив мутаку, облокотилась на нее.

Дождь не прекращался, свист и завывания ветра вторили раскатам грома. Буря, казалось, грозилась снести эту избушку на курьих ножках.

«Какой необыкновенный сегодня у меня день, — думала Магда. — Верно, это и есть жизнь...». Она прикрыла веки, и мысли ее постепенно смешались.

...Тихо, на цыпочках приблизился к ней молодой парень. Наклонился. Заглянул в глаза. Он был похож на Парну, но это был не Парна. Со знакомого портрета смотрели на Магду все те же безжизненные пустые глаза.

В испуге она приподнялась. Огляделась. Нет, никого... На дворе шумел дождь. Собака дремала подле нее на полу. Магда протянула руку, погладила ее по голове. И снова улеглась, снова задремала.

Парна вошел в комнату. Поставил на стол поднос с едой. Искося глянул на спящую.

— Ну и красавица! — невольно подумал парень.

Медленно повернувшись, он вышел.

Сладко спящую Магду разбудил какой-то гул. Она с удивлением осмотрелась. Не сразу сообразила, где находится. Встала, вышла.

Ненастная ночь сменялась солнечным утром. Широкая долина, раскинувшаяся перед Магдой, пестрела всевозможными красками. Прозрачный, чистый, как хрусталь, воздух был наполнен ароматом весенних цветов. На траве и на

листьях деревьев все еще сверкали капли дождя. Что-то вечное, непреходящее было в этом утре, в лазури высокого неба, в разноголосье проснувшейся природы.

Вдруг вблизи что-то прогремело. Огромное дерево на лесной опушке дрогнуло и медленно повалилось. Затрещали ветви.

Огромный трактор выполз из лесу. С ляганьем, скрежетом приблизился он к Магде и остановился.

— Доброе утро, гостя дорогая! — услышала Магда знакомый голос. — Как спалось?

Она подняла голову, взглянула на трактор и замерла. За рулем сидел ее герой, парень с ее картины, стоящей в галерее у нее дома! Только был он живой, с живыми выразительными черными глазами. Улыбающийся, как это утро, полный бодрости и силы.

— Парна! — воскликнула Магда.

Парна смотрел на побледневшую Магду. Она подошла совсем близко к трактору, поднялась на ступеньку. Заглянула прямо в глаза юноше и вдруг широко улыбнулась. Потом дотронулась пальцем до его груди.

— Что это, Парна? — спросила она.

— Это я получил под Сталинградом.

— А это?

— Это на подступах к Берлину.

— А это? — продолжала она расспрашивать.

— Это значок ударника социалистического труда.

— Так, значит, ты... — она не договорила. Огляделась. Долго смотрела на свежеспаханное поле. Потом перевела взгляд на огромное дерево с корнями, привязанное к трактору. Обвела глазами весь горизонт и свободно, полной грудью вздохнула.

— Что же я — не понимаю? — удивленно спросил Парна.

— Значит, ты и есть он!.. Именно ты и есть! — прошептала зардевшись Магда и прыгнула наземь.

Гул трактора снова огласил весенние поля.

Магда стояла и смотрела на долину, звучащую множеством тихих и громких голосов, смотрела на удалявшийся трактор и Парну, уверенно правившего громоздкой машиной, и повторяла с восторгом:

— Это именно и есть он... герой моей картины!

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

ДОЛЬШЕ ВСЕГО ЖИВЕТ НАДЕЖДА

● Рассказ

СЕРОЕ НЕБО — тяжелое, давящее, бескрайнее — гигантским куполом нависло над землей. Нависло так низко, что кажется: руку протяни — коснешься.

Огромные ели в снеговых бурках стоят неподвижно, застывшие от мороза, стоят как нарисованные, резными верхушками упираясь в небосвод.

Плавно, бесшумно, мерно падает снег.

Тишина вокруг — удивительная тишина...

Смерзшаяся, обожженная морозом, изрытая окопами, прошитая колючей проволокой, исковерканная дотами, землянками, блиндажами, искромсанная гранатами и минами земля — точно покойник под белым саваном. Но это лишь до тех пор, пока не пронесется над ней боевой вихрь и не изорвет снежный покров, обнажив изъязвленное тело ее.

Едва забрезжит первый луч рассвета, и залп первой пушки кинжалом вспарывает тишину. А следом вступают остальные орудия, и грохот их мощно прижимает тебя к земле, берет в тиски, не отпускает.

Разрывы мины или гранаты вздымают кверху целые фонтаны земли, и белый нетронутый снег, выпавший в ночь, к вечеру становится черным. Непорочная белизна оскверняется багрово-ржавыми пятнами и черными пеленами.

Удивительная и непривычная тишина установилась на наших позициях с самого утра одного из морозных декабрьских дней.

Орудия и на нашей, и на вражеской стороне, словно по уговору, согласно молчали. Медленно, уныло, нехотя подползал к своему рубежу полный тревог и гроз сорок второй год. Для нашего фронта он был не легче сорок первого и казался длиннее и тягостнее его.

Тишина на передовой — страшное дело. Она похожа на тот обманчивый покой, который наступает в природе перед ураганом. Ты все время в напряжении, все время с затаенным волнением ожидаешь, когда же гроыхнут пушки, затрещат пулеметы, завизжат мины...

Вероятно, поэтому я и выходил то и дело из укрытия и наблюдал за немецкими позициями, находившимися шагах в трехстах перед нами. Но оттуда не доносилось ни звука.

Причину этой странной тишины мы, впрочем, разгадали довольно скоро: приближалось рождество, и немцы хотели отпраздновать его в более или менее «мирной» обстановке.

«Мир», какой худой он ни был, на этих порах устраивал и нас: недели через две нам предстояло перейти в наступление всем фронтом, к которому надо было подготовиться тщательно и обстоятельно.

Потому-то по обе стороны «ничейной» земли царил тишина, хотя наблюдения не прекращали ни на минуту ни мы, ни они.

Тихо было и в тот памятный для меня день. К исходу его, в предвечерье, когда сырость пробирает до костей, ко мне в землянку ввалился над комиссар Астахов, веселычак и рубаха-парень, и сообщил, что по распоряжению штаба полка сейчас к нам придут бригада артистов и даст концерт.

Из каждого взвода предписывалось выделить по два отделения и направить их в большую землянку на запасных позициях. Кроме того, нам надлежало накормить артистов ужином, угостить их как можно щедрее и поделиться с ними нашей порцией водки. Организация всего этого дела поручалась мне как командиру батареи.

Закончив необходимые приготовления, я велел одному из взводных пригласить бойцов и с соседних батарей, а сам вместе с Астаховым отправился встречать гостей.

С тыла, примерно в полутора километрах, за нами был густой лес. Наши автомашины и тягачи днем не покидали лесной опушки, потому что стоило кому-нибудь из них высунуть оттуда нос, как немцы, беспрепятственно наблюдавшие за нами и всегда все прекрасно замечавшие, тотчас открывали огонь и с первых выстрелов выводили их из строя. Поэтому автомашины, подвозившие нам продукты и боеприпасы, останавливались в лесу, а мы уже сами, на собственных спинах волокли оттуда грузы или, в лучшем случае, везли на телеге, запряженной клячей.

Едва мы с Астаховым вошли в лес, навстречу нам, пофыркивая, выкатился старенький обгоревший автофургон с брезентовым перекрытием. Сидевший в кабине сержант с автоматом через плечо браво соскочил на землю и с какой-то особенной торжественностью, громко и бойко отрапортовал о прибытии артистов.

Кто побывал на фронте, тот хорошо помнит, какую неповторимую радость приносил бойцам приезд на фронт музыкантов или певцов. Самая простая, незатейливая мелодия, бесхитростные звуки гармоника чудесно преображали тебя, наполняли каким-то возвышающим чувством и с удивительной живостью восстанавливали в твоём воображении пленительные картины мирной жизни, заставляя беспричинно смеяться или проливать слезы.

Мне не впервой доводилось испытывать это, и, вероятно, потому так было понятно восторженное состояние сержанта, тем более что он и не пытался его скрывать. Зато я как командир стеснялся проявлять свое настроение и старался вести себя как можно «обыкновеннее».

Я приподнял брезент над задним бортом и заглянул в автофургон. Из сумрачной глубины на меня смотрели бледные изможденные лица... Сердце у меня жалось от сострадания.

Артисты, словно подсудимые, сидели на проложенных вдоль бортов досках. Они принужденно улыбались и, не знаю уж, от сознания ли, что находятся на фронте, или от чего другого, выглядели жалко и растерянно.

Дай бог здоровья нашему общительному и находчивому комиссару: он пророкотал какое-то приветствие, поздравил гостей с благополучным прибытием, и все это сопровождалось энергичными взмахами его длинных рук — точно ветряная мельница скидывала крылья. Затем он бросился откидывать крюки, цепи, опустил борт, чтобы гостям было сподручнее спрыгивать с машины, и крикнул им с грубоватым добродушием: «А ну, вылазьте-ка быстрее, пока немцы по нас не рванули!».

У гостей от холода и долгой неподвижности онемели руки и ноги. С грехом пополам выбрались они из машины. Комиссар с раскрасневшимся лицом кому подавал руку, кого хватал в охапку и с осторожностью, точно малого ребенка, опускал на землю.

Всего артистов оказалось двенадцать. Двенадцать нахохлившись, съездившихся человек, кутавшихся бог знает в какое старье. Для суровой северной зимы одеты они были чрезвычайно легко. Лишь двое были в ватных штанах и полушубках.

Очутившись на земле, они начали прыгать, чтобы как-то размять затекшие члены, вернее, не имея сил, просто топтались на месте, не переставая улыбаться смущенно и виновато.

Я молча стоял возле машины, и, наверное, лицо мое было суровым и хмурым, как бывало всегда, когда все мое существо пронизывала острая жалость.

Как я уже говорил, это была не первая моя встреча с артистами на передовой. Но на этот раз я выступал в роли хозяина и был очевидцем их первого вступления на землю, которая носила магическое имя «передовой линии». И внезапно мне открылась во всей своей наготе слабость и уязвимость этих людей, и я осознал то великое чувство долга, которое привело их сюда, к нам, и ту огромную ответственность, которая лежала на нас, на мне и моих друзьях, ответственность, обязывавшую нас защищать и оберегать их — беспомощных, безоружных...

Я глянул на комиссара. Он тоже показался мне непривычно задумчивым и притихшим. Я понял, что и его обуревали те же чувства.

Хотя, если уже так говорить, почему они представлялись мне такими жалкими, эти люди. Возможно, напротив, — они жалели нас, потому что это мы постоянно находились там, где в мгновение ока человек может оказаться добычей смерти...

И тогда я понял, что забота о другом человеке и есть та великая точка опоры, которая дает тебе энергию, силу и порой заставляет творить невозможное.

Мы с Астаховым взирали на наших гостей так, как родители на грудных младенцев, к которым они испытывают не только любовь, но и необъяснимую жалость, — вероятно, из-за полной беспомощности последних.

Оттого-то к радости, которую дарит каждая новая встреча с искусством, радости, по которой мы так истосковались, примешивалось чувство то ли укоризны, то ли упрека. У меня сердце сжималось, когда я смотрел, как они бродили мелкими неуверенными шажками, поднимая сжатые плечи и втянув потупленные головы, как испуганно озвучались вокруг, как делали друг другу знаки, слыша стрекот пулемета или видя, как вражеская ракета освещает окрестность блеклым мертвенным светом.

Я шагал за ними и никак не мог разобраться, почему мне так нестерпимо жаль этих людей, истощенных и измученных ленинградской блокадой, — за это вот страдание, которое довелось им испытать, или еще за что-то, пока мне неясное.

На этот вопрос ответ мне дал, сам того не подозревая, все тот же Астахов. Тем временем мы подошли к большой землянке, приспособленной под клуб. Он остановился у порога, пропуская вперед гостей, и, когда они поодиночке вошли через узкий вход внутрь землянки, обернулся ко мне, положил руки мне на плечи и, глядя в глаза, сказал:

— Я сын ремесленника, понимаешь ты, в искусстве не много смыслю, но артиста я всегда представлял красиво одетым, гордым и уверенным. В детстве я даже втайне завидовал им. Да, артиста я мог себе представить только гордым. Он должен быть недоступным, недосыгаемым, сытым! — во, брат, сытым! — понимаешь ты, а эти... мне Шмага вспомнился из «Без вины виноватых»...

Я находился во власти подобных же мыслей, и слова Астахова запали мне в сердце.

— Они пришли к нам не как жрецы искусства, — возбужденно продолжал Астахов. — Они пришли как люди, вынужденные какими-то обстоятельствами находиться здесь, чтобы развлечь, усладить нас своим искусством, — точно так, как было когда-то в Древнем Риме... Понимать это и глядеть на них — тяжело, брат! А ну, задумайся: люди, которым вовсе не до песен и плясок, голодные, холодные, не евшие, может статься, целую неделю, измученные физически и душевно, должны петь и плясать для того, чтобы доставить тебе удовольствие. Разве это не трагедия?

— Ты прав, — проговорил я. — Но попробуй, скажи это вслух — обидятся если не все, то большинство, потому что чувство долга и желание причаститься к общему делу заставляет их от всего сердца делать то, чего в иных условиях и в иное время они своей волей ни за что бы не сделали. Они знают, что идут на жертву, и именно это сознание помогает им преодолевать страшные трудности... Да, если бы им пришлось с самого начала сражаться с оружием в руках, вероятно, из них получились бы вояки не хуже нас с тобой, но теперь между нами резкая грань. Но беда не в том, что они приехали сюда развлекать нас — я уверен, что об этом они и не задумывались и не считают это бедой, — а беда в том, что война вырвала их из празднично освещенных театров, из нарядных концертных залов, сверкающих хрусталем и мрамором, и швырнула в дремучие леса и дикие поля, поставила перед такой аудиторией, которая, пожалуй, не всегда оценит их высокое искусство, их профессионализм, их мастерство, приобретаемое ценою жизни. Как знать, может статься, сердца сегодняшних зрителей, огрубевшие в суровых руках войны, не смогут понять и прочувствовать того, чем гордятся они, что является целью всей их жизни...

Когда я с комиссаром спустились в землянку, она была полна людей. По стенам развесили лампочки, снятые на время концерта с автомобиля, наскоро подсоединив их толстыми черными проводами к установленным тут же аккумуляторам. Нашим непривычным к электрическому свету глазам землянка показалась ярко освещенной. Астахов даже затенил глаза козырьком ладони. Вход надежно завесили старыми выцветшими и испещренными бог знает какими пятнами солдатскими одеялами — чтобы не нарушать светомаскировки. С обеих сторон двери стояли по старшине. Каждый раз, когда открывалась и закрывалась дверь, они поправляли одеяла, чтобы свет не проникал наружу.

В противоположном от входа углу вытянутой в длину землянки в нерешительности топтались артисты. Они ждали нас с Астаховым, видимо, не зная, начинать готовиться к концерту или нет. А шагах в двух от них замерла живая плотина коротко остриженных людей в выцветших зеленых гимнастерках суровыми лицами и сверкающими глазами. Кто успел сесть — сел на прилощенные вдоль стен доски, служившие лавками, остальные разместились прямо на земляном полу. Иные сидели, поджав ноги на восточный манер, иные — подтянув к подбородку колени и упираясь в них локтями.

Стоял тяжелый запах пота, махорки, кожи, запах солдатских сапог и оружия, который перекрывает все запахи, все ароматы и пропитывает тело.

Стояла тишина ожидания, напряженная звонкая тишина. Каждый думал о своем.

Но кто знает, о чем именно думали сейчас эти оторванные от родимого очага и привычного дела парни с сильными большими руками, в вылинявших гимнастерках, на которых поблескивали ордена и медали. Шел всего лишь 1942 год, но у некоторых было уже по несколько наград.

Улыбающийся Астахов успел скинуть свою шубу. На его богатырской груди сверкало два ордена Боевого Красного Знамени. Артисты как замороженные глядели на этого статного красивого мужчину с орлиным профилем генерала Ермолова.

Комиссар, многозначительно потирая руки, направился к ним широким уверенным шагом хорошо знакомого со всеми человека. Кого-то дружески потрепал по плечу, с кем-то перебрисился шуткой, лукаво улыбаясь, кому-то сказал что-то вроде комплимента, кому-то шепнул на ухо соленую, но подходящую к обстановке остроту, всех заставил рассмеяться и, высвободив артистов из плена застенчивости и робости, загудел своим бархатным басом:

— Товарищи артисты, пожалуйста к столу, немного закусить с дороги! — и театральным жестом указал на узкую дверь в соседнее помещение. Это получилось так естественно и мило, что все неволью заулыбались.

Рядом в маленькой комнате, где еще недавно помещался узел связи, сейчас на скорую руку был накрыт небогатый солдатский ужин для гостей.

Но гости замялись, начали смущенно переглядываться.

Один из них, высокий, худощавый, несмело обратился к комиссару:

— Может быть, лучше после концерта... — он умолк, не закончив фразы, робко улыбаясь.

Мы с комиссаром обменялись взглядом. Нужно обладать большой выдержкой и мужеством, чтобы, умирая от голода, отказываться от пищи, когда тебе ее предлагают. И мне, и Астахову доводилось испытывать на себе неодолимую, умопомрачающую силу голода, поэтому мы по достоинству оценили силу духа этих людей. Но жертву их не приняли — комиссар хитро подмигнул мне и безапелляционно заявил:

— И после концерта, и до! — затем, хлопнув в ладоши, выкатил глаза и воскликнул: — А ну, за мной, братцы! — Первым направившись к двери, он толкнул ее. Дверь распахнулась, но комиссар замешкался — не по богатырским плечам оказался узкий проем, бочком пришлось протискиваться.

Артисты еще раз переглянулись меж собой, потом засуетились, повеселели и поспешили следом за комиссаром.

Помещение было хорошо протоплено. Во всю длину его красовался сколоченный из оструганных досок стол, по обе стороны которого тянулись лавки. Стол был уставлен разнокалиберными жестяными кружками, в каждую было налито по сто граммов водки. Кружки, естественно, собрали у солдат. Посреди стола возвышалась маленькая горка черного хлеба, нарезанного тоненькими ломтиками, на двух алюминиевых тарелках были аккуратно разложены кусочки ветчины, нарезанной с таким расчетом, чтобы каждому досталось хотя бы по кусочку. Кроме того, каждому на крышке солдатского котелка была подана каша с ломтиком колбасы. Угощение по тем временам было царским!

Наши изыбшие гости, оказавшись в приятном тепле, оживились, заулыбались и стали снимать с себя верхнюю одежду. Стараясь делать вид, что не голодны, они украдкой бросали красноречивые взгляды на стол.

Я смотрел на них и диву давался: в жизни не видел, чтобы на одном человеке было наворочено столько тряпья. Видно, все, что нашлось у них из теплой одежды, они подряд натянули на себя, чтобы хоть немного обогреть стынущее от холода и голода тело.

Когда артисты, наконец, разоблачились и сложили свои одеяния в углу, там образовалась целая гора. На эту мягкую гору они бережно уложили свои инструменты — аккордеоны, гитары, скрипки, сверкающие саксофоны.

Когда гости с подчеркнутым спокойствием расселись за столом и спустя минуту недолого смущения с жадностью принялись за еду, я получил возможность как следует рассмотреть каждого.

Их было девять мужчин и трое женщин. Мужчины казались пожилыми и выглядели один другого истощеннее и бледнее. Горькая слеза Пилата с трудом возвращала им цвет лица.

Среди женщин резко выделялась одна: изю всех только она сохранила округлость форм, и худоба остальных служила ей фоном, на котором она выглядела особенно привлекательно.

Держалась она непринужденно, с чувством собственного достоинства. Вся ее повадка как бы говорила о том, что именно она и только она поднялась на высшую ступеньку театральной иерархии. Поэтому или по какой-то иной причине она обладала силой. А сила, обретенная женщиной, это вещь не простая, как утверждал один мой друг. К тому же женщины пользуются ею с тонким искусством и мастерством. В этом они похожи на шахматистов позиционного стиля, которые умудряются малейшее преимущество обратить в победу.

Минут через десять за нашим столом стало весело и шумно.

Мужчины понемногу стряхнули с себя дремотное оцепенение, женщины, разогревшись, стали кокетливыми и словоохотливыми. Они быстро почувствовали, что сидят рядом с ними четверо моих офицеров, молодых хоть куда, не сводят с них горящих глаз.

Прошло еще какое-то время, и та дородная красавица очутилась рядом со мной.

Такие смелые и уверенные в себе женщины обыкновенно отмечают своим вниманием мужчин благодаря не каким-то личным достоинствам, а их положению. Женское честолюбие толкает этих женщин к тому мужчине, который в данный момент и в данной ситуации играет главенствующую роль. А в нашем тогдашнем собрании главным был я, следовательно, первенство принадлежало мне.

Беседа с моей дамой оказалась на редкость неинтересной и беспредметной. Из всего того, о чем мы с ней говорили, мне не запомнилось ни слова. Она болтала какую-то безделицу, причем то и дело называла имена разных знаменитостей, преимущественно ленинградских артистов, хвалилась знакомством с ними и усиленно давала понять, что в «такую бригаду» ее никто бы не осмелился включить, но она сама этого пожелала, стремясь выполнить свой «патриотическо-гражданский долг».

Наши жестяные кружки быстро опустели, и старшина после кратких переговоров с комиссаром собрался было вторично наполнить их. Но тот же тощий высокий музыкант, который вначале отказывался от угощения, подбежал теперь ко мне и, склонив набок вытянутую шею, взмолился:

— На сейчас хватит, не надо больше, а уж если вы так щедры, лучше побалуйте нас после концерта.

Моя соседка немедленно вмешалась:

— Не наливайте им больше ни капельки! Уж я знаю, что они за птицы! Напьются до обалдения, вот и будет вам концерт... В прошлый-то раз что было? Нализались так, что друг друга не узнавали.

Мы встали из-за стола и перешли в «зал». Еще какое-то время — и два аккордеониста заворожили битком набитую землянку чарующими звуками музыки...

Сколько лет прошло, но тот фронтовой концерт незабываем для меня и по сей день. Кажется мне, что подобной радости от соприкосновения с искусством я никогда больше не испытывал.

Правда, в программе концерта не было не только ничего особенного, не было даже ничего нового, каждую из мелодий и песен я и прежде слышал много раз в гораздо более подходящих условиях и в гораздо лучшем исполнении. Но услышанное тогда в той обстановке меня точно околдовало.

Время от времени я беглым взглядом окидывал моих бойцов. Восторженными глазами следили они за каждым движением артистов и каждый номер награждали такими единодушными и бурными аплодисментами, что вся наша землянка ходила ходуном и из щелей с потолка сыпались комья земли.

Да и артисты казались сейчас совсем иными. Трудно было поверить, чтобы человек мог так преобразиться! Куда девались их замедленные движения, голодный страдальческий взор, вымученная улыбка, несмелая робкая речь? В эстрадных платьях и костюмах, изящные и подтянутые, они казались чем-то возвышенным, и совершенно околдовали нас.

Помню, что с первых же минут они заставили меня раскаться в моих скороспелых выводах об упадке искусства, равнодушии тогдашней аудитории, об отсутствии контакта зрителя с артистами... Глядя на комиссара, я догадывался, что и он во власти таких же переживаний.

Я подумал тогда, что в условиях фронта любое произведение искусства воспринимается совершенно особо и звучит с небывалой силой.

Но еще более взволновала меня «Колыбельная» Моцарта. Эту изящную мелодичную пьесу когда-то исполнял духовой оркестр Грузинского политехнического института, и надо сказать, исполнял прекрасно!

Слушая концерт, я совершенно забылся, не отдавал себе отчета, где нахожусь — здесь, на фронте, или в моем родном Тбилиси.

Но увы, мне так и не удалось дослушать концерт — дежурный вызвал меня к полемому телефону, и я со всех ног помчался в соседнюю землянку. Командир полка велел закружиться с концертом, который, кстати говоря, длился вот уже около двух часов. Командир добавил, что немцы запустили осветительные ракеты, не исключено, что они что-то замышляют...

Когда я вернулся в «зал», концерт как раз кончился. Артисты кланялись, радостно-возбужденные зрители осыпали их градом аплодисментов.

Особенно усердно кланялась та пышнотелая дама. Она выступила вперед и сгибалась в старинном поясном поклоне. Такой поклон я тогда впервые увидел, да, кажется, не один я, а и многие наши ребята. Артисты тоже с некоторым удивлением глядели, как их дородная примадонна складывалась пополам. Видимо, этот поклон она считала особым шиком, гвоздем всего концерта. Я подумал, что, пожалуй, война воскресила немало забытых народных обычаев.

— Чем не Василиса, а? Впрямь Василиса Прекрасная! — проговорил кто-то шутливо.

Его голос потонул в громком смехе.

«А ведь правда, настоящая Василиса», — подумал я. И уже так и называл ее про себя.

Аплодисменты долго не смолкали. Тогда Василиса ступила шаг вперед и громко объявила: «В ответ на такую горячую вашу благодарность мы исполним еще один номер». По «залу» прокатился рокот удовлетворения, затем наступила тишина.

«Сцену» наскоро перегородили занавесом, над которым появились две куклы: одна изображала Гитлера, другая — Еву Браун. Тут только я понял, что моя знакомая была артисткой кукольного театра. Ее надтреснутое меццо-сопрано резко звучало за занавесом. Разгневанная Ева Браун яростно кричала, топала ногами. Потом она до колен задрала юбку и ногой стукнула Гитлера прямо в нос. Землянка содрогнулась от гомерического хохота.

Однако дело на том не кончилось. Супруга фюрера приволокла огромную жаровню и обрушила ее на голову Гитлера. Он заскулил, завизжал тонким голоском, как собачонка, стал просить прощения и смешно замахал руками. Когда, наконец, Ева Браун вдоволь натешилась, задав ему основательную встрепку, она дала ему пинка под зад и, как тряпку, перевесила через занавеску. Гитлерово туловище со свистом упало, как проколотый мяч, а потом лопнуло, словно пузырь какой-то, испуская черный дым.

В землянке поднялся такой хохот, крик, гвалт, что из всех щелей стала сыпаться земля. Комиссару этот номер особенно понравился. Он сердечно поблагодарил артистов и пригласил их, раскрасневшихся от тепла и воодушевления, к ужину.

Радостные переживания, которых я давно уже не испытывал, опьянили меня, одурманили. Мне захотелось побыть в одиночестве, и я вышел из землянки на воздух.

Вокруг опять стояла удивительная тишина. Слава богу, хоть концерт дали послушать, — подумал я о немцах и представил вдруг, как бы перепугались и растерялись наши гости, если бы началась тревога.

Я сидел у порога землянки и курил крепкую-прекрепкую махорку, когда на ступеньке вдруг появилась Василиса. Она оправила накинутую на плечи шубейку и уселась рядом со мной.

— Товарищ старший лейтенант, коли не жаль, сверните-ка и мне самокрутку...

Что мне оставалось делать — я свернул самокрутку и подал ей.

Она оказалась опытной курильщицей. После нескольких затяжек раскурила самокрутку, потом как по писаному стала говорить об односторонности искусства военных лет, о неизбежном его упадке, о ремесленничестве в искусстве и других подобных вещах.

Не знаю, все ли мужчины таковы или это свойство моего характера, но если женщина мне не нравится, она меня и не интересует, а раз уж не интересует, я и слушать ее внимательно не могу. Потому-то я все больше молчал, думал о своем под ее болтовню и только время от времени, чувствуя неловкость, произносил что-нибудь односложное. Но, очевидно, мою собеседницу это вовсе не смущало. Кажется, даже наоборот, она была рада, что я не мешаю ей высказать свои мысли. Может быть, ей как раз и нужен был такой молчаливый собеседник, как я.

Потом она как-то незаметно перевела разговор на себя (да разве женщина может иначе?). «Я не всегда была кукольницей, прежде я работала в лучшем те-

атре Ленинграда, в Александринке, и была известной драматической актрисой», — проговорила она как бы между прочим. При этом в голосе ее прозвучали горделивые нотки.

При упоминании Александринского театра я насторожился.

Сердцем почувствовал — что-то сейчас будет.

Разом очнувшись от своих мыслей, я окинул внимательным взглядом собеседницу. Она сидела, прислонясь спиной к стене землянки, заложив ногу за ногу, и курила с подчеркнутым наслаждением. Я понял, что она просто красуется передо мной. А меня обуревало иное волнение.

Будто невзначай я спросил:

— В какие годы вы работали в этом театре?

— А почему вас это интересует? — с коварной улыбкой спросила она.

— Интересует, — не сдавался я.

— Все вы такие странные, мужчины, — больше всего вас занимает возраст женщины. Можно подумать, это главное. Хотите, я скажу, какой вопрос вы зададите мне сейчас? Сейчас вы спросите, сколько лет было мне, когда я поступила в этот театр. Потом вы сопоставите обе цифры, что, конечно, не трудно сделать, в этих пределах складывать и вычитать все умеют, и цель ваша будет достигнута. Господи, какие однообразные, какие неинтересные пошли нынче мужчины, просто ужас!..

— Там работала одна моя знакомая, — несмело проговорил я.

— А-а, — протянула она и выдохнула густую струю дыма.

Я почувствовал, что она разозлилась на то, что меня интересует не ее персона, а кто-то другой, и жаждет отомстить.

— Когда она работала? — неприступным тоном спросила она и задыхалась мне в лицо. При этом она уставилась на меня в упор так, точно впервые видела.

«Вот шельма, — подумал я, — в один миг превратила меня в обвиняемого, а сама стала в позу следователя».

— До войны, — как можно более равнодушно ответил я.

— Пушкин тоже до войны был, — пошутила Василиса.

— Во всяком случае, в 1939 году она состояла в труппе...

— Ее имя и фамилия? — властно спросила она.

Молчать не имело смысла, и я сказал: «Лида Каверина».

Она метнула молниеносный взгляд. Но сказать ничего не сказала. Несколькими минутами мы оба молчали.

— Лида Каверина? — спросила она отсутствующим тоном человека, ушедшего в свои мысли.

— Да.

— Нет, такой там не было.

— Как не было! Я даже видел ее на сцене! — взбунтовался я.

— И, вероятно, не только на сцене?

— Она играла в «Платоне Кречете», ее очень хвалили...

— А-а-а, — протянула моя собеседница.

— Ну, вспомнили? — с нетерпением спросил я.

— Нет, — отрезала она.

— Видимо, вы сами не входили в труппу этого театра.

— Это как? — вскинулась она. — Вы считаете, что я...

— В те годы, — смягчил я свое обвинение.

— А-а... Которые же это были годы?

— 1939-й и 1940-й.

— Какая из себя была эта ваша Каверина?

— Высокая, стройная блондинка с зелеными глазами.

— Как ее звали, вы говорите? — как-то глухо спросила Василиса.

Она вдруг застыла, замерла. Глаза ее устремились куда-то вдаль, поверх меня. Наконец, после долгого молчания, она заговорила — словно милостыню подавала:

— Я вспомнила... да, была такая, но вспомнила не как актрису — актриса она была очень слабая! — а как красивую женщину... внешность у нее была крайне соблазнительная, всех с ума сводила... наверное, и вас?

— Насколько я знаю, она была хорошей актрисой и хорошим человеком, — с сердцем возразил я. В моем голосе помимо воли прозвучала обида.

— Простите, но этому не вам меня учить. Дальше статистики она не пошла.

— Как это статистка, она играла в «Бесприданнице»!

— Играла, когда первая исполнительница бывала больна. Должна сказать, ей приходилось нелегко. Вам не следует обижаться на правду.

Я поднялся, чтобы не сказать ничего резкого. В эти минуты я испытывал к Василисе неодолимую ненависть. Она поняла, что я собрался уходить, протянула мне руку на прощанье и проговорила каким-то иным, изменившимся голосом:

— Если вы увидите Лиду, скажите ей, что я ее помню.

С этими словами она тоже встала и повернулась, чтобы войти в зал.

— Охотно, но... но я не знаю вас... о вас... — у меня стал заплывать язык.

— Ирина Германовна Клюева, заслуженная артистка РСФСР.

— Скажите, как найти Лиду, дорогая Ирина Германовна! — неожиданно для самого себя взмолился я.

Она остановилась. Обернулась. Уставилась на меня. Потом провела пальцами по брови, точно вспоминая что-то, и одним духом проговорила:

— На Карельском участке фронта в Седьмой армии, в полевом госпитале главным хирургом работает ее муж — Анатолий Аркадьевич Балашов. Спросите его, он вам скажет все.

Меня словно стукнули чем-то тяжелым по затылку.

«Муж Лиды? Но когда же она вышла замуж? Почему я ничего не знаю?!»

Я одним прыжком догнал Ирину Германовну, схватил ее за руку, повернул к себе.

— Что вы говорите, какой муж, у нее не было мужа!

— Какой муж? — отчеканивая слова, переспросила она и так же ответила: — Муж, которого она отняла у меня. — Клюева по-военному повернулась резко на каблуках и ушла, не прибавив ни слова.

Я стоял окаменев. Лицо мое горело. В сознании всплывали какие-то обрывки мыслей.

Долго смотрел я вслед сперва уходящей Клюевой, потом всей группе наших артистов, которых комиссар вел к лесу, потом на лес, который черной каймой замыкал белый простор.

Вот и все! С той минуты образ Лиды Кавериной встал передо мной и стоял неотступно, совсем как тогда, года три назад, когда она завладела моей душой и мыслями.

Незажившая рана открылась вновь.

Слова Клюевой перевернули все вверх дном. Что бы я ни делал, наряду со всеми делами и заботами — и должен признаться, еще сильнее, еще острее, чем о делах, — думал я о Лиде.

Воспоминания чередой проплывали передо мной. Порой я терялся, как бы переселившись из настоящего в прошлое и живя только прошлым.

...Вероятно, и с вами случилось такое: много раз виденный, издавна знакомый предмет — либо человек — в один прекрасный день вдруг предстает перед вами совершенно в ином обличье и, удивительно преображенный, становится незнакомым, новым. Смотришь на него и не веришь, что это тот самый предмет или человек, которого ты знал раньше, смотришь и удивляешься, почему он казался тебе до сих пор иным.

Такое «прозрение» происходит благодаря какому-нибудь доброму человеку или счастливой минуте. Придет этот человек — или эта минута — и однажды увиденное покажет тебе с иной стороны, со знакомым познакомит вновь. И сколько бы ни прошло времени, вместе с заново обретенным и осознанным вспомнишь и того человека, который взор твой, по предмету скользящий, сумел обратить в глубину, дал тебе увидеть суть и дотоле невидимое сделал зримым.

Именно таким добрым человеком оказалась для меня Лида Каверина, стройная, как кипарис, белокурая девушка с белокожим точеным лицом, зеленоватоголубыми глазами и удивительно длинными темными ресницами.

При виде ее сердце мое начинало биться быстрее, а жизнерадостный смех ее доставлял мне такую радость, что ради него я пошел бы на все, я готов был отворить двери ада.

Радость жизни, ощущение счастья, сила и красота любви — все это пришло ко мне тогда, в тот довоенный год. Лида оказалась тем добрым духом, который дал мне познать истинную цену жизни, дал способность моему поверхностному взору заглядывать в глубину, обострил его, заставил полюбить жизнь и мечтать о счастье. Не будь Лиды, моя жизнь, вероятно, потонула бы в унынии.

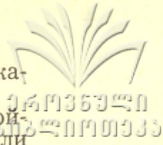
Мое счастье обрушилось на меня лавиной.

Но не погребло меня, подобно лавине, нет, наоборот, вознесло, светом озарило — хотя и ненадолго.

Но я не жалею! — долгое счастье уже не счастье, оно утрачивает свою остроту и становится чем-то обычным, заурядным.

...Как только кончилась весенняя сессия, наша компания — несколько студентов строительного факультета с веселым гомоном влезли в батумский поезд, приступом взяли два купе и после целой ночи смеха и шуток ранним утром прибыли на Зеленый Мыс.

Воистину счастливая то была пора! За плечами осталось три курса института, наши юношеские надежды цвели пышным цветом, взлеты и восхождения

ждали нас впереди, и сердца наши, колотившиеся от беспричинной радости, казались, вот-вот вырвутся из груди.

Сказочная красота Зеленого Мыса, эти райские кущи, расцвеченные знойным солнцем, лазурь неба, сливающаяся с лазурью моря, еще больше усиливали в нас буйство юношеской энергии.

Радость, нахлынувшая потоком, подхватила нас... Мы не ходили — летали, не разговаривали — восклицали, не думали — пели.

В то лето мне как раз исполнился двадцать один год. Пора мечтаний, пора смелых надежд, больших ожиданий и — что и говорить! — пора страстного желания любить.

Волшебство началось на следующий же день... Дом отдыха политехнического института, возвышавшийся на горе, как бы замыкал собой маленькое ущелье. Ранним утром, когда все еще было объято сном, до нашего слуха доносились отдаленные звуки музыки.

Постепенно все мы проснулись и стали прислушиваться. Потом повскакали с постелей и подбежали к окнам. Музыка приближалась, усиливалась и становилась все более чарующей. Кто-то играл на аккордеоне, но как!.. Нежная мелодия, точно утренняя серенада, плыла в воздухе, наполненном сладким ароматом магнолий и глициний. Она была то печальной, то буйно веселой.

Аккордеонист медленным шагом поднимался в гору и играл азартно, с увлечением.

Еще немного — и весь дом отдыха высыпал во двор.

Притихнув, с благоговением слушали мы ласкающие звуки и как завороченные смотрели на музыканта.

Наконец он подошел к нам, музыка оборвалась. Он поздоровался и представился:

— Меня зовут Акакий, я буду каждое утро проводить с вами утреннюю физзарядку. А если надумаете кутить — Акакий и тут к вашим услугам, я знаю много хороших песен, и песни тбилисских «карачоели»...

Акакий с улыбкой растянул аккордеон и заиграл «Коргановского чобана», да так, что казалось, целый оркестр грянул. Потом перешел в другую тональность и запел популярную песенку на стихи Иосифа Гришашвили:

Не горюй, не плачь, моя душа,
И тебя люблю я, как ты хороша!
Только, знаешь, полюбил другую я,
Не чета твоим — ее глаза!

Так начался день — радостный, безоблачный, беззаботный.

И полетели счастливые светлые дни юности, когда медовая сладость ласкает сердце, когда хочется глубоко-глубоко вдыхать воздух, хмельной, как мацари, когда все тебя радует, и часто — без всякой причины.

Все здесь было прекрасно: лазурь южного неба, изумрудом сверкающая зелень, легкая синь, вкрапшаяся в сосны, и расшитое перламутровыми полосами дремлющее море...

В обед кто-то сказал, что вечером на турбазе будут танцы.

Мы решили после ужина пойти на танцы.

Тогда, в конце 30-х годов, только что был снят запрет с европейских танцев, и все повально начали учиться танцевать. У нас в Тбилиси танцевальной лихорадкой заболели и молодые, и пожилые.

Срочно сооружались танцплощадки, создавались джазы, эстрадные оркестры. Фокстроты, вальсы и танго владели сердцами молодежи...

Учителя танцев стали самыми популярными людьми в Тбилиси. Лазарю Казайшвили и Диме Вацнадзе на улице проходу не было. Помню, какую радость приносили объемистые ящики, обитые красным дерматином, — патефоны. Летними вечерами из каждого окна, с каждого балкона лились звуки патефона, и ритм румбы всех настраивал на танцевальный лад.

...Едва свечерело, мы отправились на турбазу.

В те времена у каждого из нас, кроме пары потертых штанов и сорочки с короткими рукавами, так называемой «гондолки», других нарядов не имелось.

Но это отнюдь не огорчало и не печалило нас. Бедность тогда никому не была в диковинку, и никто не гонялся за тряпками — об этом просто не думали. А уж мы, студенты, полные радужных надежд и радостных устремлений, вовсе не тужили о таких вещах.

Не знаю, есть ли на свете что-либо прекраснее летней ночи, усыпанного звездами неба и неповторимой мягкости воздуха Черноморского побережья. Такая ночь, словно кашемировая шаль, нежно обволакивает тебя и наполняет умиротворением, блаженством...

Был именно такой вечер, когда мы пришли на ярко освещенную танцплощадку турбазы.

Стойшая на вершине холма турбаза глядела со своей высоты на материковый залив Черного моря, образуемый Зеленым Мысом.

С танцплощадки выдвинулось освещенное лунной морю. Оно спокойно дремало. Золотисто-желтые лучи луны сверкающими полосами лежали на его глади, сказочными тропинками протянувшись к самому горизонту.

Магнолии зеленым кольцом окружали площадку. Свежеполитые цветы источали пьянящий аромат.

Такой ночью и музыка становится волшебной, еще глубже проникает в душу. Звуки модной в те годы «Рио-Риты» полились над склоном, когда мы поднимались по длинной лестнице, ведущей к танцплощадке, и совершенно зачаровали нас.

Народу собралось уйма, на расставленных вокруг площадки скамьях не было ни одного свободного местечка. Но сама площадка была пуста — нужна была какая-нибудь смелая пара, которая бы открыла танцы.

Мы облюбовали укромный уголок и расположились там.

В это время в кругу света появилась группа стройных молодых женщин и мужчин в модных костюмах.

Держались они непринужденно, свободно, оживленно смеялись и переговаривались.

На площадке началось легкое смятение, все стали перешептываться, спрашивая друг друга, кто это такие, но никто ничего о них не знал.

Всех охватила какая-то робость. Никто не осмеливался начать танцевать.

Спустился еще несколько минут кто-то сообщил, что это пришли ленинградские артисты, которые отдыхают здесь после гастролей в Тбилиси. Все сразу ожили, и мы постепенно втянулись в общий хоровод.

Гости танцевали увлеченно, с огоньком. Звонкий смех женщин усиливал веселье, и мы постепенно втянулись в общий хоровод.

Освоившись с новой для нас обстановкой, мы стали уже повнимательней рассматривать гостей.

Внезапно меня словно огнем обожгло. Лицо белокурой ленинградки ослепило меня. Мне показалось, что я внезапно нашел то, что давно утерять и неустанно искал все время. Лицо это было такое фатально красивое, что я забыл обо всем на свете, мне хотелось лишь смотреть и смотреть на него.

Все, что произошло потом, происходило в каком-то тумане.

Когда заиграли фокстрот, я поднялся и, охваченный внутренней дрожью, решительно направился к незнакомой красавице, сам не отдавая отчета в том, что делаю. Я боялся лишь одного: чтобы меня никто не опередил и не похитил мою богиню.

Когда я подошел к ней, она разговаривала с подругой. Но безошибочным инстинктом женщины, которая ждет кого-то или чего-то, она почувствовала приближение незнакомца человека, изящным взмахом головы откинула на плечи рассыпавшиеся локоны и искоса, снизу вверх глянула на меня.

Вероятно, я был страшно смешон — растерянный, с красным пылающим лицом.

Я поклонился ей и несмело пригласил на танец. Она поднялась не сразу. Сперва устремила на меня свои огромные сверкающие глаза, обрамленные густыми ресницами, и спокойно, не спеша, осмотрела меня с ног до головы. На мгновение, показавшееся мне вечностью, взгляды наши скрестились.

Меня охватил страх. Я подумал, что сейчас, верно, она с насмешкой откажет, и мне стало нестерпимо стыдно. У меня было такое чувство, что все смотрят на нас. Я предпочел бы, чтобы земля разверзлась и поглотила меня...

Но случилось чудо!

Когда я уже готов был просить прощения и, посрамленный, вернуться на свое место, она вдруг благосклонно улыбнулась, слепка склонила голову в знак согласия, медленно поднялась, оправдала платье, положила мне на плечо свою руку и удивительно звучным приятным голосом произнесла:

— Пожалуйста!

Никогда еще не танцевал я так скованно, так неуклюже, как в тот раз. Я то и дело сбивался с ритма, наталкивался на другие пары, двигался неверно, как пьяный. От всего этого мне было стыдно, и я терялся еще более.

Когда мы вышли на середину круга, она откинула назад голову, устремила на меня свои лучистые глаза и участливо, мягко спросила:

— Почему вы так напряжены? Танцуйте спокойно, свободно. — И помолчав секунду, добавила: — Может быть, я для вас плохая партнерша?

— О-о, что вы! — воскликнул я с жаром и хотел сказать что-то еще, но не сумел — мне что-то сдавило глотку. Я чувствовал, как на виске моем пульсирует жилка. Такого со мной еще не бывало.

Танец кончился, и я, проводив свою даму на место, поблагодарил ее. Она в ответ чуть сжала мою руку и еще раз озарила своей улыбкой.

Я подошел к ребятам как лунатик. Они с чем-то поздравляли меня, хитро пали по плечу, что-то спрашивали. А я стоял как истукан и глядел в ту сторону, где сидела моя новая знакомая. Под конец, я помню, передо мной возник один из наших студентов-дипломников, здоровенный верзила, который считался у нас авторитетом. Я знал, что за ним идет слава «бывалого» парня, бражника и драчуна.

— Молодец, какую красотку заарканил! Смотри, не плошай! А если кто-нибудь чего-нибудь не так скажет, — я с тобой, так и знай! — сказал он и отошел, покачивая богатырскими плечами.

Играл второй танец. Потом третий. И еще, и еще... Но я не мог собраться с духом подойти еще раз к моей белокурой красавице и еще раз пригласить ее.

Все вокруг танцевали, а я стоял как вкопанный, на одном и том же месте. Как только начинался очередной танец, я давал себе слово превозмочь свою робость и пригласить ее на следующий, но начинался следующий танец, и я продолжал стоять, заливаясь краской и негодуя на себя.

Она тоже не танцевала. Сидела с подругой. Рассказывала ей что-то, смеялась, и время от времени поглядывала на меня. Раза два мне даже показалось, будто они говорят обо мне.

А я был в ужасном состоянии, клял себя за нерешительность, но ничего не мог с собой поделать.

Наконец, понимая, что танцы вот-вот кончатся, я решил обратиться к своей слабости в свой принцип и сказал себе: «Ну что ж, я ведь танцевал уже с ней раз, ну и ладно. Хватит и этого». Но представьте, что от подобного «успокоения» я только больше расстроился.

Вечер подходил к концу...

Я совершенно утратил надежду познакомиться с моей избранницей, и, вероятно, от острого сожаления у меня перехватило дыхание, и я дрожал, как в лихорадке.

...И свершилось второе чудо! Когда культработник турбазы вдруг объявил «прощальное танго» и из репродуктора полились звуки танго «Огоньки Барселоны», моя незнакомка стремительно встала, оправила на себе платье, как и в тот, первый раз, и... направилась в нашу сторону!

Кровь бросилась мне в голову, когда откуда-то, из далекой дали, донесся ее голос, приводивший меня в трепет:

— Давайте потанцуем, ведь это прощальный танец!

В ее голосе прозвучала интонация женщины, уверенной в себе, повелевающей и одновременно готовой к покорности. И в просьбе, и во всем облике ее было что-то недостижимое и недоступное.

Никогда не забыть мне тот танец... К моему счастью, по просьбе публики «Огоньки Барселоны» были повторены, и вместо одного раза мы танцевали дважды.

Оба мы торопились, и в течение двух-трех минут я рассказал ей все о себе. Да и что было в этом трудного — какое прошлое могло быть у юноши двадцати одного года?!

Ее биография оказалась сложнее. Лида (так звали мою знакомую) была актрисой ленинградского драматического театра. Ее отец, известный ученый-геолог, заведовал одной из кафедр в Ленинградском университете. Оказывается, Лида была замужем за известным художником, но вскоре они разошлись, и несмотря на его настоячивые просьбы и попытки помириться, она «никогда не вернется» к нему.

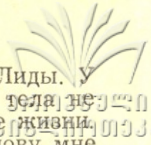
...На второй день мы встретились и отправились на пляж.

Когда она сняла с себя платье и осталась в белом в голубую полоску купальнике, я утратил дар речи. Ничего прекраснее я не мог себе представить. Сама Диана показалась бы мне дурнушкой.

Однако это обстоятельство, помню, не обрадовало, а напротив удручило меня: я почему-то испугался, что рано или поздно что-то или кто-то отнимет ее у меня... При этой мысли кровь леденела в жилах. А мои приятели, которые тоже были на пляже, во все глаза глядели на мою спутницу и откровенно завидовали мне.

В тот вечер мы встретились, и на утро тоже, и опять, и опять, и вот уже я потерял счет нашим встречам...

Лида была очарована красотой побережья, и ей, что называется, в дом ходить не хотелось, только бы гулять. И мы с ней бродили допоздна по тропинкам вверх и вниз, ездили в Махинджаури и Чакву, в Цихисдзиви и Кобулет. А вечером сидели на освещенном луной морском берегу и смотрели вдаль, где переливались, мерцая, огоньки белокаменного Батуми.

Это было чудо, наваждение. Я ничего и никого не помнил, кроме Лиды. У меня в ушах звучал ее певучий голос, ощущение ее гибкого, пьянящего тела покидало меня. Я не мог минуты провести без нее, она стала мне дороже жизни. Как только мы оставались одни, Лида обнимала меня, опускала голову мне на плечо (и ее волосы в это время касались моего лба) и грудным низким голосом запевала:

Начинаются дни золотые
воровской и безумной любви!
Эх вы, кони мои вороные,
вороные вы кони мои!..

Лида дала познать мне не только вкус жизни, но и поэзию любви, силу и красоту страсти. Благодаря Лиде испытал я все то, о чем лишь читал раньше в романах и стихах.

Лида открыла мне и ту истину, что для мужчины главное, чтобы рядом с ним была желанная женщина.

Только теперь, когда я вспоминаю все это, я понимаю, что тогда меня опьянила и покорила не только страсть, не только внезапно открывшаяся поэзия любви, но и гордое сознание того, что мне принадлежало сердце красивой женщины.

Чувство любви, чистое, как первый снег, духовно возвышает мужчину, придает ему внутреннюю утонченность, нравственно очищает и обогащает его. В ту пору я понял, что самое счастливое существо на свете — человек, потому что только ему дано испытать подлинную любовь. Но и самое несчастное существо опять-таки человек — потому же, что дано ему испытать любовь.

Однако разве счастье может быть счастьем, если оно бесконечно?

И вот внезапно оборвались эти невероятные дни безудержной радости.

В один из вечеров жаркого августа, спустя три недели после нашей первой встречи, когда море так же дремало, как и тогда, и магнолии цвели так же, как тогда, и влажный морской ветерок, напоенный ароматом множества цветов, как и тогда ласкал наши лица, — в такой вечер на маленькой платформе Зеленого Мыса я провожал Лиду...

И было мне тогда еще одно откровение: я понял, что ожидание разлуки самое тяжкое из всех ожиданий.

Но кто в силах избежать неизбежного?! И мы очень обыкновенно простились друг с другом, так, как я даже не предполагал. Она долго махала мне своей голубой косынкой, я долго бежал вслед за поездом, который все убыстрял и убыстрял ход...

Недели не проходило, чтобы я не получил от нее письма.

Я вскрывал маленький изящный конверт с розовой подкладкой, и знакомый аромат туманил мне мозг, мечты завладевали мной, уводили на сверкающий под знойным солнцем зеленомысский пляж, и перед глазами моими вновь и вновь вставало тихое дремотное море, улыбающаяся Лида в своем купальнике в голубую полоску и голубой косынке на золотистых локонах. Она осторожно ступала по галечнику и бережно, обеими руками, несла медузу, чтобы испугать ее меня...

Тогда я был на четвертом курсе... Скопив чуть не по рублю свою стипендию за несколько месяцев и пополнив ее небольшой суммой, подаренной мне дядей, я решил отправиться в Ленинград. При одной лишь мысли о предстоящем счастье, у меня спирало дыхание, сердце колотилось неистово и гулко.

Но, как говорится, бедному жениться — ночь коротка. Началась война с Финляндией, и я, вместо того чтобы ехать в Ленинград, попал на Карельский участок Финского фронта, а затем оказался в одном из госпиталей на Черноморском побережье.

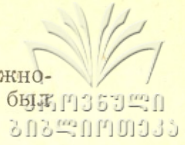
И вдруг письма от Лиды перестали приходить! Лишь спустя довольно долгое время получил я ее письмецо. Недобрую весть принесло мне оно, весть, которая разбила мне сердце. Это была моя первая боль и первый обман в надеждах. Лида писала — «вышла замуж, вышла неожиданно для самой себя». Она стала женой военного врача, ординатора Ленинградской медицинской академии. Ее муж был старше нее на пятнадцать лет. Когда-то он был учеником ее отца, и Лида, еще совсем малышкой, играла у него на коленях.

Но разве страдание было бы страданием, если бы и у него, подобно счастью, не было конца?

И получил я в один из дней еще письмо в конверте на розовой подкладке...

Оно зажгло мне луч надежды, это письмо, и из-за него мне захотелось бросить все, все забыть и как можно быстрее попасть в Ленинград: Лида разошлась с мужем и вновь вернулась под отчий кров!

Стояла ранняя весна тысяча девятьсот сорок первого года.

В Тбилиси распускались на деревьях почки. Мтацминда оделась в нежно-зеленые и желтые цвета. Солнце припекало не на шутку, и весенний воздух был такой пьянящий, какой бывает только лишь в Тбилиси.

На проспекте Руставели продавали окроканские фиалки¹...

В ту весну я заканчивал институт. Поездку в Ленинград я отложил на лето.

...Ночка и на этот раз оказалась коротка... Именно тогда, когда все было готово для осуществления моего заветного желания, когда у меня на руках был железнодорожный билет до Ленинграда, загрохотали орудия — грянула Великая Отечественная война...

В один из воскресных дней июня, в тот самый, когда я должен был сесть в поезд, я на прощанье отправился на стадион... Играли тбилисские динамовцы. И хотя в те дни все только о войне и говорили, впервые я ощутил войну на тбилисском стадионе «Динамо». Всегда битком набитый зрителями, шумный, пестрый и яркий стадион в тот день почти пуст. Кое-где на трибунах сидели одинокие группки людей, и они еще более подчеркивали эту странную, непривычную пустоту.

А через два дня, облаченный в форму старшего лейтенанта, я наблюдал, как мои бойцы ржавым скребком чистили коней в артиллерийском полку...

Потом... потом куда только не забрасывали меня трудные, путанные фронтовые пути-дороги, прежде чем привели, спустя год с начала войны, через Тихвин на Волховский фронт.

И вот стою я сейчас среди стянутых морозом Сениявских болот, в двух шагах от Ленинграда, попасть в который нет никакой возможности: между нами врезались фашистские дивизии, сомкнули роковое кольцо у Шлиссельбургской крепости, и город, еще не виденный мною, но уже удивительно любимый, город, в котором живет — я знаю, живет! — Лида Каверина, намертво зажат тисками блокады.

Слова Ключевой разбредили старую рану и ввергли меня в смятение и тревогу.

Я решил разыскать полевой госпиталь Седьмой отдельной армии и в нем — того человека.. мужа Лиды. Мне хотелось узнать хоть что-нибудь о его бывшей жене. О, как нестерпимо, как невыносимо тяжело думать о любимой женщине, как о чьей-то жене... пусть даже бывшей...

— Эй, старший лейтенант, ты чего это с тех пор все тут стоишь? И простыть не боишься? Гляди, какой мороз...

Это Астахов. Он успел и гостей проводить, и назад вернуться. Он подозрительно меня оглядывает. И то сказать, комиссар — положено комиссару поздозрения всякие иметь.

— Слушай, Астахов, у тебя, должно быть, найдутся друзья в Политуправлении. Они же весь наш фронт из конца в конец объезжают. Им все известно. Узнай ты мне, ради бога, где находится полевой госпиталь Седьмой армии и как и за сколько дней можно туда добраться...

— На черта тебе этот госпиталь сдался?

— Ищу одного человека...

— Эге-е... Ты мне казался таким завзятым артиллеристом, который кроме пушек и пальбы ни о чем ином и не помышляет, а вот ты каков... Смотри-ка, в тихом болоте...

Тем не менее он все мне разузнал.

Предстоящий мой маршрут оказался чрезвычайно сложным: сперва надо было попасть в Путилово, которое немцы почти что с землей сравняли, оттуда — в Лаврово, что на берегу Ладожского озера, из Лаврова берегом Ладоги я должен был добраться до Кобоны, откуда начиналась «трасса жизни» — по льду Ладожского озера. Только мне надо было идти в противоположную сторону, мимо Новой Ладоги — в Сяьстрой, и уже оттуда — в Ладейное поле. В районе Ладейного поля и располагался полевой госпиталь.

В общей сложности мне предстояло преодолеть всего-то километров до двух-сотпятидесяти, но каждый метр этого пути был так труден, что стоил сотни километров.

Когда я явился к командиру полка, он сидел перед пылающей временкой и изучал растстеленную на коленях карту. Моя просьба так его удивила, что в ответ он сперва громко и протяжно присвистнул и уставился на меня, тараща глаза. Потом перевел взгляд на оперативную карту, висевшую на стенке, долго водил по ней указательным пальцем и в конце концов рывкнул:

— Да ты знаешь или нет, где это находится? Ты оттуда не то что за два, за четыре дня не воротиться!

¹ Окрокана — дачное место в окрестностях Тбилиси.

— Ворочусь, — упрямо возразил я.
— Что за нужда, чего тебе приспичило туда переться! Жизнь надоела, что ли? Ежели тебя здесь убьют — понятно, на фронте погиб, а там, что бы с тобой ни приключилось, твоей жене и пенсии-то не назначат! — и он снова пристынулся.

Я был вынужден до некоторой степени посвятить его в мою тайну, сказав полу-правду—полу-ложь: дескать, жена моя там, хочу узнать, как она, пови-даться...

Командир полка долго глядел на меня, ковыряя спичкой в зубах и зло постреливая сквозь зубы слюной на пол. Наконец, проговорил — точно приговор вынес:

— Романисты вы все, молодые люди (вероятно, это значило «романтики»)! Втемяшите что-нибудь в башку и — айда, удержу нет! Да коли ты бабу захотел — они и здесь есть, вон в соседнем лесу целый медсанбат стоит, баб полным полно, любую выбирай. Офицер, да еще артиллерист, черт тебя дерни!..

Кое-как я его уломал, вымолил у него желанное командировочное удостоверение.

Затишье, установившееся на фронте, и данные разведки, гласящие, что немцы, перешедшие в так называемую «жесткую оборону», не собираются наступать, были мне на руку, командир в конце концов согласился на мою просьбу. Но основную роль сыграло то, что моя батарея считалась лучшей во всем полку (ее называли снайперской), и благодаря этому я пользовался небольшими привилегиями.

В тот же вечер меня вызвали в штаб полка. Там не обнаружилось никаких данных обо мне. Признаться, я очень удивился, впрочем, ведь никогда не думал я о документах, да и не спрашивал их у меня никто, шагал я со своей батареей, и мои пушки были моими документами.

Мне наспех выписали удостоверение личности, означив мою фамилию, наименование части, звание, и вручили его мне вместе с командировочным удостоверением и продуктовым аттестатом. Кроме того, выдали трехдневный паек и сказали, что аттестат на тот случай, если в три дня не успею обернуться.

— Ну, старший лейтенант Хведурели, береги эти бумажки лучше жизни, — напутствовал меня начальник снабжения, и я с благоговением сложил их и спрятал в нагрудный карман.

Ранним утром я с солдатским вещмешком за плечами выбрался на военную дорогу, проходившую по ту сторону леса, и стал «голосовать».

Лишь тот поймет, каким адским было это путешествие, кому приходилось передвигаться в тылу какого-либо фронта или, тем более, с фронта на фронт, кому случалось ездить по прифронтовым районам.

Бывало, что на переход в двадцать—двадцать пять километров приходилось затрачивать более одного дня. То ты забираешься в тендер какого-нибудь закопченного паровоза, чтобы проехать одну-две станции на штабелях дров, то скрючивался в углу товарного вагона, чтобы уберечься от резкого ветра, бьющего сквозь сорванную дверь, то залезал в кузов попутного грузовика, и там тебя так продувало, так трясло и мотало, что под конец ты уже не выдерживал, и оставалось одно — барабанить в кабину водителя: «Останови, браток, пока дух из меня не вышибло!». И он останавливал, а ты сползал кое-как на твердую землю и брел по дороге без конца и края...

Кто сочтет, сколько людей двигалось туда и сюда по заснеженным фронтовым дорогам, сколько из них становилось неспособно и думалось: это, наверное, моя последняя дорога!

С такими вот мучениями, расспрашивая встречных-поперечных, на заре третьего дня добрался я до полевого госпиталя, в котором работал то ли бывший, то ли нынешний муж Лиды, Анатолий Балашов.

Когда я свернул с главной дороги и направился к тем зданиям, что виднелись в мглистом сером молоке зимнего рассвета, со мной поравнялся интендант с лейтенантскими погонами на плечах. Как это характерно для фронта, мы разговорились, конечно, без всякого знакомства. Выяснилось, что он из того самого госпиталя, куда я и направляюсь. Я будто невзначай спросил его о Балашове — не знаете, мол, такого.

Он воскликнул, тараща глаза, — как то есть не знаю, во-первых, говорит, это мой начальник, а во-вторых, кто же его не знает, он ведь знаменитый на весь фронт хирург!

Мне неприятно было слышать похвалу Балашову.

— Ну, а что он за человек вообще? — несмело осведомился я.

— Феноменальный! — с искренним восторгом воскликнул он.

— Но все же, все же...

Интендант остановился. Видимо, он не знал, с чего начать доказывать свое утверждение.

— Вот вы, например, — заговорил он наконец, — слушали ли вы когда-нибудь какого-либо выдающегося пианиста?

— Слушал.

— Кого именно? — потребовал он конкретизации.

— Оборина, Глиэра, Гольденвейзера...

— Так вот, представьте, что Балашов ничем им не уступает.

— Как, разве Балашов пианист? — удивился я.

— Э-эх, — он с сожалением махнул рукой, — не спешите и вы все узнаете. Вот, например, приходилось ли вам видеть работы кого-нибудь из известных современных живописцев? Современных, повторяю. Репина и Сурикова прошу не называть! — сурово предупредил он.

— Видел, — как старательный ученик отвечал я, стремясь доставить ему удовольствие. — Кончаловский, Герасимов...

— Погодите, погодите, — поморщился интендант. — Балашов, если не лучше их, то, во всяком случае, не хуже. Доводилось ли вам слушать выдающегося декламатора, — и чтобы я не прервал его, он поспешно продолжал: — Вот такой декламатор Балашов.. Беседовали ли вы с каким-нибудь выдающимся ученым, крупным специалистом? Таков Балашов! Полемицировали ли вы с каким-нибудь выдающимся знатоком литературы и искусства? Таков Балашов!.. А теперь отвечайте, понятно ли вам, кто есть Балашов?! — и интендант впился глазами в мои глаза.

— А в покер он играет, ваш Балашов? — будто между прочим спросил я.

— О, гениально! — воскликнул интендант.

— Вы его партнер, не так ли?

— Как вы догадались?! — удивился он.

— Хорошие покеристы всегда восхищаются друг другом.

Он опешил. Исподлобья посмотрел на меня. Он не мог разоборать, насмешка ли это или наивность с моей стороны. Поняв, в конце концов, что я не такой уж простачок-лейтенантик, как ему показалось сперва, он насунился и не издав более ни звука, вплоть до того как мы приблизились к двухэтажному, некогда крашеному желтой краской, а сейчас почти утратившему первоначальный цвет зданию.

— Вот, войдете туда, — указал он на дальнюю дверь. — Там все вам скажут. — На прощанье он поднес неловкую руку к виску, по-военному отдал честь, и зашагал своей дорогой.

По обе стороны длинного коридора в ряд стояли койки.

На койках лежали раненые.

У кого была забинтована голова, у кого подвязана к шее согнутая рука в гипсе...

У некоторых раненая нога покоилась на спинке койки. Раненый с изжелта бледным лицом, который лежал у самого входа, был укутан двумя одеялами. Между койками ходили сестры в белых халатах.

Как только я вошел, раненые уставились на меня грустными страдающими глазами. Я растерялся, я не ожидал сразу же оказаться в палате.

Когда обитая войлоком пружинная дверь захлопнулась с глухим стуком, одна из медсестер, полная, крупная девица, поспешно направилась ко мне и заступила /дорогу.

— Сюда входить запрещается!

— Но я ведь уже вошел!

— Как вошли, так и выйдете!

— Обязательно выйду, только сперва найду Балашова...

— Вы хотите видеть майора? — примирительно проговорила она, — По какому делу?

— По личному.

Сперва она поглядела на меня с подозрением и недоверием, затем, отведав глаза, бросила:

— Пойдемте, — и направилась к противоположному концу коридора.

Я последовал за ней.

В коридоре стоял тяжелый дух. Я не мог понять, чем так невыносимо пахнет, но, вероятно, пахло сразу всем: потом, гноем и какими-то воючими лекарствами.

Мы миновали несколько распахнутых дверей по левой стороне. Большие комнаты были заставлены койками, на которых, как и в коридоре, лежали раненые. Койки стояли чуть не вплоты друг к другу, в палатах повернуться негде было. Некоторые раненые были на ногах, вернее — на костылях, некоторые сидели на койках.

Дойдя примерно до середины коридора, медсестра остановилась, подождала меня и через маленькую дверь ввела меня в помещение, похожее на ожидальню.

— Подождите здесь, — сурово проговорила она и, отворив с боязливой осторожностью высокую и широкую, обитую черным дерматином дверь, скрылась за ней.

Не прошло и двух минут, как она появилась вновь с озадаченным и ленным выражением лица и спросила:

— Кто вы такой и по какому делу пришли?

— Я с передовой. У меня к майору неотложное дело.

Медсестра так же осторожно приоткрыла дверь и исчезла. На этот раз она оставалась там дольше. Выйдя, велела так же строго, как вначале:

— Сядьте вон там и ждите. Майор на операции, как освободится, сам выйдет к вам.

Не прошло и получаса, как огромная дверь распахнулась и два санитары вынесли носилки, покрытые простыней. Не знаю, несли они раненого или мертвеца. Они пронесли носилки в противоположную дверь, и снова наступила тишина.

Чем больше проходило времени, тем большую неловкость я испытывал. Это чувство нарастало с того самого момента, как я подошел к госпиталю. Мне было вроде бы стыдно чего-то, я чего-то стеснялся. «Действительно, на что это похоже, — думал я, — сейчас, когда в мире такое творится, я таскаюсь черт знает куда и разыскиваю свою былую возлюбленную. Человека с операции вытаскиваю, да еще кого — ее мужа! Да, да, я, посторонний человек, хочу узнать у мужа о его собственной жене!..».

В какой-то момент я даже подумал было — «уйду, узнаю о Лиде каким-нибудь иным путем».

Меня терзали эти противоречивые мысли, когда черные двери бесшумно распахнулись и на пороге появился высокий представительный мужчина в белом халате и белом докторском колпаке. Я встал. Спокойной, чуть усталой походкой он направился ко мне и остановился, подойдя почти вплотную.

Несколько секунд мы молча разглядывали друг друга.

Передо мной стоял крепкий, сильный, привлекательной наружности мужчина с лицом интеллигента и умными глазами. Они были печальные, усталые, даже, пожалуй, погасшие, эти большие серые глаза. Припухшие от недосыпания веки и синие круги безмолвно свидетельствовали о его нечеловеческом переутомлении. И все равно, несмотря ни на что, было что-то мужественное в облике этого человека, перевалившего, видимо, за пятьдесят. Мысленно я тотчас сравнил себя с ним. Мой соперник выглядел гораздо представительнее меня. Ростом я едва достигал ему до плеча.

Он в свою очередь рассматривал меня с явным любопытством. Потом он указал мне на стоявшую у стены скамью и низким, приятным баритоном проговорил:

— Чем могу служить? — и снял с головы белый колпак, сделавшись от этого еще красивей.

Темно-каштановые с легкой проседью густые волнистые волосы гривой лежали на его голове. Белый халат был забрызган кровью. Пятна казались совсем свежими.

Он сел, расстегнул пуговицы халата, — может быть, ему стало жарко? — полы соскользнули вниз, и я увидел, что гимнастерка и бриджи его сшиты из отличного английского сукна. Обут он был в белые фетровые «бурки», точно такие, какие носят обычно высшие чины. По всему было заметно, что одеждой он любил щеголять и еще недавно, вероятно, очень следил за своей внешностью. Сейчас, естественно, было не до этого, и все же по сравнению со мной он выглядел английским денди. Невольно я бросил взгляд на свой грязный полушубок, на огромные валенки, на штаны, вытертые на коленях, но мне не стало стыдно за все это; я был таким, как все. А сознание это, представьте себе, действует очень успокаивающе и ободряюще.

В следующую секунду я твердо решил не называть себя и не спрашивать его о том, ради чего я проделал столько километров.

— Я из соседней части. Ищу своего друга, и если мне верно сказали, его лечили вы.

— Как фамилия этого вашего друга?

Я назвал какую-то фамилию.

Балашов долго смотрел на меня, потом уселся поглубже и произнес слова, которые попросту выбили у меня почву из-под ног и заставили спотыкаться со стыда.

— Товарищ Хведурели, вы должны бы быть честным человеком, к чему вам эта ложь?

— Знаете что, товарищ майор...

— Анатолий Аркадьевич, — поправил он.

— Анатолий Аркадьевич, простите... если можете, простите... если я причиню вам боль, но я ищу Лиду... Скажите, что вы о ней знаете, прошу вас, не

скрывают от меня ничего... Мне это нужно не только для себя одного... поверьте, мои намерения чисты, — собственный голос доносился до меня откуда-то издали, над словами я не думал, они сами собой вырывались из моего ресохшего горла.

— Вот что я вам скажу, — заговорил Балашов, — было время, когда я ненавидел вас...

— А я вас, — неожиданно для себя признался я.

— ...а возненавидел с тех пор, как мы с Лидой впервые поссорились, и именно из-за вас... да, это была наша первая ссора. Вероятно, вы поймете меня... из-за вашей фотографии... впрочем, нет, я не то хотел сказать. Вот что: сейчас не время сводить счеты, необходимо помочь Лиде...

— Где она? Как она?! — вырвалось у меня.

— Она должна быть в Ленинграде...

— Как, неужели вы ничего кроме этого не знаете?

— К сожалению, ничего. Мы разошлись с ней еще до начала войны. Я много старался помириться, но... вы, вероятно, знаете ее упрямый характер... Когда началась война, я повидал ее, снова просил помириться, но она отказалась голод... я уехал на фронт. Лида осталась в Ленинграде. Потом начался голод, мы стояли под Ораниенбаумом, на «малой земле», я ничем не мог ей помочь. В конце сорок первого, в разгар голода я ухитрился дважды отправить ей скромные посылки через знакомого врача, но Лида с ее чрезмерной гордостью не приняла их, обе посылки вернулись обратно в нераспакованном виде. Время от времени мне случалось узнавать о ней кое-что. Родители ее умерли голодной смертью. Дом их разбомбил. Лиду приютила бездетная тетка, сестра отца. Запишите ее адрес: Четвертая Советская улица, дом 21, квартира 16. Вот все, что я могу вам сообщить... Но я в свою очередь хочу задать вам один вопрос...

То, что услышал я от Балашова, острой горечью наполнило мое сердце. Я слушал его и вроде бы и не слышал. Он снова повторил, что хочет спросить меня о чем-то, и тут я несколько пришел в себя и торопливо сказал: «Да, да, пожалуйста».

— Как вы разыскали меня? — пристально глядя на меня, спросил он.

— С помощью вашей первой жены, Ирины Ключевой...

— А, все ясно, — проговорил он и поднялся.

Я тоже поднялся. Мы опять стояли лицом к лицу и пронизывали друг друга взглядами — на этот раз лишенными какого-либо враждебного чувства. Случаются, оказывается, и такие вещи...

— Желаю успеха, — Балашов щелкнул каблуками.

— Я также, — горячо отозвался я.

Мы простились, не пожав друг другу руки. Он скрылся за огромной дверью. Я же проделал обратный путь по длинному коридору и вскоре зашагал по знакомой дороге.

Рассвело.

Шел снег.

Временами налетал порывистый ветер, швырял мне в лицо сухой, как мука, колючий снег, закручивал снежные смерчи.

Я шел и сам не знаю отчего, но в душе моей теплился светлый лучик надежды.

Прибыв на батарею, я не мешкая разыскал комиссара и уединился с ним. Я рассказал ему все и попросил его быть моим союзником. После того мы с ним не раз засиживались допоздна, судили да рядили, перебирали все возможные варианты, но никак не смогли выработать плана моего путешествия в Ленинград. Все казалось тщетным — меня не отпустили бы в блокадный город, и даже проситься туда было бы нелепостью, а думать о том значило предаваться праздным мечтам...

И вот в один прекрасный день бывший комиссар батареи (в тот период, согласно военной реформе, комиссары сделались заместителями командиров по политчасти), вернувшись с инструктажа очень радостный, сообщил мне утешительное известие.

— Ну, комбат, — обратился он ко мне, — наш тыловой политрук сказал мне, что на этих днях в Ленинград отправляют несколько шоферов за машинами, которые работают на газе. Эти штуковины выпускают пока только в Ленинграде. Отличное изобретение, я тебе скажу! У такой машины сбоку имеется котел, в тот котел закладываются мелко нарубленные дровишки и — айда, езжай куда угодно, ни тебе бензину, ни керосину, сама едет, сама катит, сама прет! Чудо, а? Так вот, с шоферами командируют офицеров. Чуешь, как ладно складывается. Ведь и тебя могут командировать, а?

При одной лишь мысли о такой возможности у меня дух захватило.

После долгих упрасиваний и беготни меня включили-таки в группу, которая состояла из четырех опытных шоферов, командира транспортного взвода и

начальника техснабжения полка. Последний был руководителем группы. Меня включили туда скорее из уважения к моей просьбе, чем по необходимости.

Итак, мы погрузились в наш «экипаж». Это был обыкновенный грузовик с перекрытый жестью, диктовые листы служили стенками, по обе стороны в стенках было прорезано по оконцу, вместо стекла — целлулоид. Из окон дуло немилосердно, особенно если ветер был боковой. Позади, со стороны борта, — дверка. Эту коробку обогревала жестяная печурка. Так что можно было наслаждаться теплом и уютом нашего «лимузина». В годы войны по фронтовым дорогам сновало множество подобных, на скорую руку переоборудованных по надобности грузовых машин.

Путешествуя в таком «лимузине», во всяком случае, не рискуешь замерзнуть, тогда как ехать в открытой машине на более или менее длинные дистанции значило подвергать себя смертельной опасности. Можно было так замерзнуть и оконечеть, что ни сам ты и никто другого этого не заметит. В «лимузине» свободно помещалось восемь человек. А если по пути приходилось останавливаться или застигла ночь — пожалуйста, разжигай печурку, грейся, и кипяточек готов. Переведешь дух, чайку напьешься...

Выехав утром, к вечеру мы прибыли в село Кобону, что на берегу Ладожского озера. Прodelали мы эту дорогу вполне благополучно, не считая того, что возле самой Ладоги нас приметил с воздуха «мессер» и выпустил на нас длинную пулеметную очередь. Пули расковыряли дорогу, точно соха по ней прошла, но в нас ни одна, к счастью, не попала. Мы тотчас остановили машину, соскочили наземь и залегли в траншеях, которые тянулись по обе стороны шоссе. Немец оказался въедливым — описал круг, вернулся и снова застрочил.

И на этот раз чудом каким-то машина уцелела! А пилот, верно, решил, что с нами уже все кончено, и убрался. Когда гул «мессершмидта» удалился и стих, мы вылезли из траншеи, отряхнули с себя снег и поспешили в наш везучий домик на колесах, и в сумерки, как я уже сказал, были в Кобоне.

О «дороге жизни», которая связывала изнемогающий в тисках блокады Ленинград с внешним миром, я был достаточно наслышан.

Она шла по льду Ладожского озера, «дорога жизни»...

Лед, скрывающий зимой поверхность Ладоги, был настолько толстым, что по нему без опаски ходили тяжелые грузовики. Но от одной маленькой бомбы лед трескался, словно стекло, и автомашины мгновенно проваливались и скрывались в ледяной воде. Кто знает, сколько таких машин поглотила студеноя пучина Ладожского озера!

В случае, если ледяной покров на каком-нибудь участке оказывался поврежденным, дорожная служба срочно переносила трассу на несколько километров в сторону и движение продолжалось беспрепятственно. Таким образом, трасса часто перемещалась в разные стороны, потому ее называли еще и «бродячей дорогой».

Я с каким-то тайным волнением ожидал встречи с этой дорогой.

Приближение к Ладоге я заметил лишь благодаря тому, что окрестность, бугристая и ухабистая, стала гладкой, ровной, перед нами теперь простиралось белое поле. Это и было замерзшее озеро.

В начале трассы стояли две избушки. Пестрый шлагбаум закрывал путь. Дежурный сержант проверил наши документы, потребовал у шофера путевой лист и — пожелал нам счастливого пути.

Мне повезло — ко времени въезда на «дорогу жизни» пришел мой черед сидеть в шоферской кабине. Я видел все расстилавшееся передо мной пространство, и не верилось мне, что мы едем по водной поверхности, что от холодной стихии нас отделяет всего-то полметра хрупкого льда...

Вдоль дороги с обеих сторон тянулася непрерывная цепь высоких сугробов — их, вероятно, понаделали машины, расчищающие дорогу. Снег, слезиваясь и оледеневая, превратился в маленькие твердые горки. Через каждые пятьдесят метров в эти горки были воткнуты еловые ветви, чтобы шоферы не сбивались с пути.

Наша машина с мерным гулом рассекала холодный воздух и с каждой минутой приближала нас к Ленинграду. Раза два нас останавливал патруль, но ненадолго.

Вечерело, когда мы одолели ледовую трассу и, миновав такой же пестрый шлагбаум, как и в начале ее, въехали на землю. Еще немного, и перед нами в туманной дали возникли очертания огромных зданий. Мне, долгое время пробившему на фронте, эти здания показались еще огромнее, чем были в действительности.

Так вот он, Ленинград!..

Измученный голодом, израненный, изувеченный вражескими снарядами и бомбами, но все-таки непокорившийся и гордый Ленинград!

При виде его ни один человек не смог бы сдержать волнения, а тем более тот, чья боевая судьба оказалась с ним связанной. Я полюбил Ленинград еще тогда, когда на солнечном знойном Зеленом Мысу познакомился с его прекрасной дочерью.

И вот трудные дороги войны, неисповедимые, неожиданные, непредвиденные, привели меня наконец туда, куда все эти тяжелые годы я так страстно стремился.

Когда наша машина покатила по городским улицам, уже смеркалось. Я с необычайным волнением рассматривал стройные здания легендарного города, законченные, с выбитыми стеклами. В мрачном свете сгущавшихся сумерек они выглядели зловеще и удручающе. Они пробудили во мне чувство сиротства и горечи, эти изувеченные, еще недавно величественные строения, погрузили в глухую тоску.

Нигде не видно было ни огонька. Разглядеть что-либо было трудно, но я скорее угадывал, чем видел выбитые стекла в оконницах и покореженные ставни, обезлюдевшие квартиры с обвалившимися потолками, пепелища, руины... И снег вокруг, глубокий снег. Широкая улица полна снега, везде и всюду снежные сугробы и только узкий коридор проходит среди бесконечных снежных холмов. Наша машина катит по этому коридору, как по туннелю.

Кто-то из сидевших в кузове что есть мочи заколотил по стенке кабины. Шофер тотчас затормозил.

— Приехали, — крикнул начальник техснабжения капитан Кустов.

Он ввел нас в темный и мрачный, как пещера, подъезд. Долго поднимались мы по темной-претемной лестнице, шаря руками и грохоча сапогами, и шаги наши рождали глухое эхо в незримой пустоте.

Кое-как добрались мы до дверей. Кустов загремел ключами. Миновав узкую прихожую, мы очутились в комнате, в которой было так же холодно, как и на дворе.

Оказалось, Кустов был ленинградцем.

— Будьте как дома, — сказал он. — Но не дай бог вашему дому того, что выпало на долю этого... Ну-ка, Марат, — обратился он к одному из шоферов, — запали-ка твой царский канделябр!

«Царским канделябром» оказался патрон малокалиберной пушки с веревочным фитилем и малой толикой керосина внутри. Марат зажег эту коптилку, и по стенам заплясали наши огромные тени. Комната была почти пуста. Посреди стоял маленький столик на одной ножке, у стены — широкая железная кровать. Ни одного стула — видно, все сожгли.

— Жена со своим заводом в эвакуации. Детишек вывез в Рыбинск детский сад. А мои старички отдыхали... здесь, на этой кровати... С голоду померли, — словно извиняясь, сообщил нам Кустов.

Командир транспортного взвода, немолодой уже младший лейтенант Горбунов разложил на малыше-столике тонко нарезанный хлеб, ломтики копченой свинины и несмело предложил перекусить. Мы с Кустовым добавили к общему столу свои пайки и, заморив червячка, подняли воротники своих полушубков, нахлобучили поглубже шапки, надели варежки и устроились на полу, подальше от окна, спать, причем мы старались примоститься так, чтобы лежать спиной друг к другу — так было теплее.

Утром я проснулся первым. Мои друзья еще спали. Я осмотрелся.

Обои неопределенного цвета отклеились от отсыревших стен и свисали лохмотьями. Некогда красный крашеный пол облез. Грязь и запустение прочно воцарились здесь. Железная кровать стояла голая, без постели, без матраса, жутковато чернели ее железные перекладины. В окнах сохранилось всего-навсего два стекла, заклеенных крест-накрест бумажными полосками. В остальных рамах роль стекол исполняли куски мешковины.

Когда я встал, руки и ноги, как чужие, мне почти не подчинялись. Все тело затекло, одеревенело.

Перекусив, мы с Кустовым отправились в «поход». Ему надлежало явиться в штаб фронта, находившегося в начале Невского проспекта, и получить там документы для выделенных нам машин. А меня ждала моя «одиссея».

Кустов еще в части слышал вполуха, что я разыскиваю в Ленинграде кого-то из своих близких. Я спросил у него, как мне пройти по моему адресу, и он сразу же мне все рассказал.

— Советские улицы идут одна за другой. Четвертая будет подальше от Лиговки, — мы на Лиговке, — но это очень близко: от Московского вокзала свернешь направо и пойдешь по старому Невскому...

У Московского вокзала мы расстались, условившись собраться к вечеру. Капитан надеялся, что за день он закончит все дела, и наутро мы сможем двинуться обратно в часть.

Я пошел так, как мне объяснил Кустов, и довольно скоро очутился на Четвертой Советской улице.

Сердце мое билось учащенно, я испытывал невероятное волнение, и от всего вместе — от пронизывающего промозглого утреннего мороза, от нервного напряжения — меня трясло как в лихорадке.

За всю дорогу я встретил лишь несколько человек, жалких, исхудавших, медленно бредущих с понуренной головой. Один из встреченных мною волочил за собой санки, на которых лежал покойник. Из последних сил тащил он эту ношу.

Я стоял в начале широкой улицы и сам не мог понять, почему я медлю, что меня сковывает, что останавливает. Наконец я преодолел это состояние, сделал первый шаг и пошел по Четвертой Советской улице.

Та ее сторона, на которой, как я полагал, должен стоять дом Лиды, была взята немцами на прицел. Чтобы население не забывало об этом, по стенам зданий, уцелевших от обстрелов и бомбежек, на выкрашенных белой известкой прямоугольниках черными буквами было написано: «Внимание! Эта сторона улицы опасна, вражеская артиллерия обстреливает ее особенно часто!».

Вдоль тротуаров пролегли две тропинки, протоптанные вкось и вкряк. Посреди же во всю длину улицы возвышалась цепь высоченных сугробов. И не было им конца. Они терялись где-то далеко впереди. Эти сугробы были настолько высоки, что с одной стороны улицы не было видно человека на другой.

Они были невероятно грязные, эти снежные горы посередине улицы, и являя собой страшное зрелище. От копти пожаров и разрывов снарядов снег был испещрен огромными черными, тяжело вдавленными пятнами. Замусоренные обломками кирпича, битой черепицей, обгорелыми, обугленными досками, ветками деревьев, обломанными разрывами снарядов, горы эти казались какой-то вселенской мусорной свалкой, куда свезли мусор со всего света и оставили гнить навсегда.

Эти отвратительные нагромождения в некоторых местах были рассечены проходами, чтобы можно было попасть с тротуара на тротуар. Если бы не эти узенькие проходы, чтобы перейти с тротуара на тротуар, надо было бы пройти всю улицу из конца в конец, а длина ее равнялась примерно километру. Иначе сугробы эти невозможно было одолеть — они были настолько круты, что взбираться и спускаться по их склонам трудно было не только истощенным голодом людям, но и любому здоровому молодцу. А взбравшись на вершину, ничего не стоило провалиться внутрь.

Тропинка, которая шла вдоль тротуара, тоже была не намного чище этих гор. Снег и тут был словно углем присыпан. Обрывки ткани, куски жести, щепки, пустые коробки, консервные банки и черт знает что только не вмерзло в снег!

Я знал, что в первую зиму блокады по городу пройти было нельзя без того, чтобы не наткнуться на торчавшие из-под снега руки и ноги замерзших людей. Улицы были усеяны мертвецами. Сейчас я, слава богу, такого не приметил.

Улица была безлюдной. Нигда ни души. Я долго пытался увидеть кого-нибудь, чтобы навести справки, и продолжал медленно продвигаться вперед. И без того серые ленинградские дома казались мне еще более мрачными и холодными благодаря выбитым стеклам. Пустые оконницы были где заколочены досками, где закрыты ставнями, а где просто заткнуты тряпьем. Мне вспомнились пепелища и руины, одичавшие лозы и полуразрушенные крепости, оставленные некогда турками после диких набегов в моей родной Месхетии...

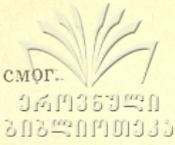
Наконец я добрался до дома номер двадцать один. Это оказался огромный кирпичный домина в шесть или семь этажей. С первого же взгляда я заметил, что он выглядит сравнительно здоровее других. В окнах уцелело намного больше стекол, и не знаю каким образом, но он оказался менее закопченным, нежели остальные.

Я толкнул дверцу в покосившихся железных воротах и, пройдя довольно длинную подворотню, очутился в просторном прямоугольном дворе. И здесь посреди двора возвышалась высокая снежная гора. Видимо, снег сметали к середине.

Вдоль стен были протоптаны узенькие тропки, на которых двое разошлись бы с трудом. Молодые деревца посреди двора до самых ветвей утонули в снегу и похожи были на разросшиеся кусты. В ветвях запутались какие-то тряпки, бумажки.

Я наугад свернул налево и оказался на тропинке, которая вела к подъезду. Внезапно я услышал стук. Кто-то стучал из комнаты в низкое, вровень с землей, окно. Я остановился и заглянул в заиндевевшее стекло. В тот же миг, хлопнув, открылась форточка, и надтреснутый женский голос строго спросил:

— Кто ты такой и чего тебе здесь надо?

Женщина так приблизила лицо к окну, что я и разглядеть-то его не смог. Прежде чем я собрался ответить, она с той же строгостью велела мне:

— Обожди там.

Форточка, хлопнув, закрылась, лицо исчезло.

Минуты через две из подъезда вышла тяжелой шаркающей походкой худощавая старуха, закутанная в ветхий латаный тулупчик и с теплым платком на голове. Тулупчик был подпоясан туго, из-под платка виднелись лишь нос и очки в проволочной оправе. Подойдя ко мне, она ворчливо проговорила:

— А ну, давай сюда твои документы!

— Пожалуйста, — ответил я, протягивая оба удостоверения.

Долго она читала, долго рассматривала командировочное удостоверение и на свет поглядела, наконец, уставилась на меня придирчивым взглядом и пробурчала: «что ж, вроде бы все в порядке» и, помолчав еще, как бы между прочим спросила:

— Ты, никак, татарин, а?

— Нет, я грузин.

— Глядите-ка, грузин, — усмехнулась она, — будто не одно и то же!..

— Как же одно и то же, это совершенно разные нации. К тому же татары — мусульмане, а грузины — христиане.

— Говори, говори, так я тебе и поверила!

— Не верьте, это ваше дело, я-то верно говорю. Но какое значение имеет все это?

— Имеет, и очень большое! Знаешь, что я тебе скажу? Оставька ты Христа в покое, не кощунствуй. Все вы иродово племя, из горького семени выросли... — Эге-е, бабуся...

— Да, да, одним миром мазаны, одна сатана, что грузины, что татары... Слоняетесь... не здесь, не здесь бы вам расхаживать, ружьецо бы вам в ручки взять да стрелять!.. Ну вот, ну по глазам вижу, что мусульманин ты, нехристь, ишь, глаза-то чернющие, черной ночки темней... Знаю, знаю, у кумы моей муж татарин был, уж так он ее бил, так колотил, спасу не было... Ведь и ты, верно, дерешься, а?

— Да что ты, бабуся, чего ты такое придумала!..

— Ага, как же, так я тебе и поверила! Мужчины, что татарин, что христианин, все одно, иродово племя, из горького семени выросли. Ну-ка, распахни шубейку, погляжу, какой такой воин ты из себя!

Я расстегнул полушубок, и она, увидев мой орден Красной Звезды, уставилась на него, потом стянула с руки варежку и пощупала — настоящий или нет.

— Молодец! Хороший ты, оказывается, человек. Из ружья стреляешь аль из пушки?

— Из пушки, — ответил я.

— Ну, молодец, молодец. Смотри только, не промахивайся, их, гадов, как саранчу, давить надо. Говори теперь, чего тебе здесь надобно, кого ищешь?

— Лиду Каверину, — выдохнул я.

— А-ай, сердешная, врагу не пожелать того, что с ней случилось. — сокрушенно покачала головой моя собеседница. — Недолго она протянет, недолго... Поди, поди, повидайся, авось взбодрится малость...

Ноги у меня подкосились.

— Что же с ней такое? — еле пролепетал я.

— Да что, с голоду помирает. Она ведь с пеленок балованная была, в доволестве да в холе выросла, ну и поддалась, не выдержала. Вот я, к примеру, два голода видела, два голода пережила: один — это еще в гражданскую, когда Юденич и Корнилов по России гуляли, а второй — в тридцатые годы. Когда мой-то на Украину ушел — туда его послали на работу, — ну и я, значит, за ним поехала, да чуть навек там не осталась. Потому я теперь вроде как закаленная, крепко держусь... — И эта истаявшая, высохшая от голода старая женщина — и не женщина, мощи живые! — воздела вверх руки и с уверенностью, качая головой, сказала: — Я еще дождусь того, как он издохнет, окаянный Гитлер, да да, непременно дождусь!.. Так тебе кого надобно, я уже за-памятовала... Слаба стала памятью, слаба! Лиду, верно? Вот, значит, ступай теперь по тропинке прямо, да в третье парадное и входи. Поднимешься на пятый этаж и стучи в дверь, что по левую руку будет. Только посылней стучи, слышь? Я бы тебя проводила, да на лестницу не взберусь, ноги не ходят.

Я стоял как в столбняке. Она посмотрела на меня и вскрикнула:

— Да ты чего? Худо тебе, что ли?..

— Нет, — овладев собой, успокоил я ее. — Нет, ничего, — и зашагал в указанном направлении.

Старуха брела следом за мной и продолжала наставлять:

— На двери написано «Бакунин». Это ее тетки фамилия, отцовая сестры Мария Федоровна, тетушка-то, за Вуколом Бакуниным жила. Бедняга Вукол с месяц как помер. Эх, какой человек был — золото! Чистое золото! Лиду как дочь родную любил... смотрел за ней, пока мог... А тетушка-то... эх, да что говорить, поди, милый, поди, все сам узнаешь...

Я вошел в подъезд. Стены с обвалившейся штукатуркой и толстый слой грязи на ступеньках свидетельствовали о том, что сейчас никому здесь не до уборки. Я мог только догадываться, что лестница, по которой поднимаюсь, не черная, каменная, а белого мрамора.

Одним духом взбежал я на пятый этаж и остановился перед внушительной дубовой дверью.

На двери красовалась белая эмалевая табличка. На табличке стилизованными под древнерусскую вязь буквами было выведено: «Вукол Силантьевич Бакунин». В удручающей грязи и запустении подъезда эта белая табличка показалась мне особенно чистой, я долго не мог отвести от нее глаз.

Я отдышался. После короткого колебания протянул руку к электрическому звонку, но вовремя вспомнил, что Ленинград давно уже лишен электроэнергии, и хотел было стучать кулаками, но и этого сделать не осмелился. Наконец кое-как я преодолел свою робость и тихоноcko постучал.

За дверью не раздалось ни звука.

Переждав немного, я снова постучал, потом еще, и много раз еще, но изнутри не доносилось даже шороха. Тогда я стал стучать кулаком.

Прислушавшись и опять ничего не услышав, я забарабанил снова. И снова за дверью — тишина.

В отчаянии я заколотил кулаками по этой безмолвной дубовой двери, а потом, повернувшись спиной, начал бить ногами. Мысли, одна другой ужаснее, завертелись у меня в голове, и я снова с яростью отгонял их, как жалающих оводов.

Вдруг мой обостренный слух уловил слабый, едва различимый шум. Мне показалось, будто где-то в глубине квартиры открылась дверь, затем вторая поближе, и вот уже к тем дверям, под которыми я стоял с колотившимся сердцем, весь обратившийся в слух, кто-то приблизился медленными нечеткими шаркающими шагами.

— Кто там? — раздался слабый, бессильный и безжизненный голос. Никаких эмоций не выразилось в этом незнакомом для меня голосе.

— Мне надо видеть Лиду Каверину...

— Кто там? — спросили меня таким угасающим голосом, в котором по-прежнему не прозвучало никакого интереса, никакой надежды, ничего живого. Такой голос бывает лишь у глубоких стариков, чьи дни безнадежно сочтены и говорить которых вынуждает лишь крайняя нужда. Эти старики ничего уже не желают, ничего не ждут, ни о чем не скорбят, ни о чем не печалются...

«Наверное, это ее старая тетка, о которой говорила та женщина», — подумал я и, чтобы слова мои звучали отчетливой, приблизил губы к замочной скважине и крикнул:

— Я друг Лиды, приехал ее повидать, откройте, я все вам объясню.

— Кто это? — таким же слабым голосом спросила меня она, только на этот раз я уловил едва заметный интерес.

— Я друг Лиды, бога ради, отоприте мне, — взмолился я и, стремясь заручиться доверием старухи, крикнул: — Вы, верно, тетка Лиды?

За дверью опять все погрузилось в тишину. Женщина долго молчала, я даже подумал, она пошла за Лидой, но нет — шагов не слышно, она стояла там же.

— А вы кто будете? — тихо, но уже с каким-то проблеском интереса спросила наконец она.

Я назвал себя, стараясь как можно разборчивее выговорить имя и фамилию. «Если меня знал Балашов, может быть, и она краем уха слышала...» — обнадежил я себя.

Опять наступило молчание, на этот раз более длительное.

Я первый нарушил это молчание.

— Будьте добры, отворите, у меня дело к Лиде... — сказал я и, чтобы как-то ее заинтересовать, добавил: — Я и с вами хотел бы переговорить...

— Говорите отсюда, если вам есть что сказать, — услышал я очень тихо, глухо прозвучавшие слова.

— Отсюда?.. Но я не могу так...

— Зачем вам Лиды?

Ах, эти тетушки, такие дотошные, во все они должны сунуть свой нос, все им надо знать! И, чтобы не выдать своей досады, я заговорил как можно проинкновеннее — видите ли, я приехал издалека, с Волховского фронта, я ее старинный знакомый... мне необходимо повидаться с ней...

— Но для чего? — упрямо и уже громче спросили из-за двери.

— Как то есть для чего?! — потерял я терпение. — Я столько времени вас упрямлю, а вы никак не хотите внять моим мольбам и повторяете одно и то же!

Я готов был сказать еще что-то, но сдержался, испугавшись, что старушка может рассердиться и вовсе отойти от дверей.

Но она не рассердилась, она продолжила свои расспросы:

— Откуда вы узнали, что Лида живет... — у нее осекся голос, на мгновение она умолила... — что Лида живет здесь, у меня?

— Мне сообщил это ее бывший супруг.

— Кто?

— Анатолий Балашов.

— Он обманул вас! — с неожиданной поспешностью ответила она.

— Как это обманул?!

— Очень просто: Лида ушла, уехала...

— Куда?! Куда она уехала? — воскликнул я в смятении и приняв к двери.

С ответом медлили. Наконец, когда я уже изнемог от нетерпения, раздался едва слышный погасший голос:

— Лида уехала в Кронштадт...

— Какой ужас! — вырвалось у меня, ведь я знал, что легче мне было поехать на Северный полюс, чем в Кронштадт. — Но вы хотя бы знаете ее адрес?

— Она не оставляла адреса, — чуть слышно ответила старушка.

Я вдруг ощутил нечеловеческую усталость и опустился на ступеньку. Она была ледяная, эта мраморная ступень. Хлод мгновенно проник сквозь одежду, но я продолжал сидеть. Не было ни сил, ни желания двигаться. На мгновение я вовсе забыл, что за дверью кто-то есть. Но теперь она сама напомнила мне о себе:

— Товарищ... друг мой, вы ушли... или вы все еще здесь?

— Я здесь, — выговорил я.

— Отчего же вы не уходите?

— Уйду... я уйду... но прежде откройте мне дверь, я хочу вам что-то передать.

— Что вы хотите передать?

— Кое-какие продукты... самая малость...

Она молчала долго. И я молчал.

— Прошу вас, не обижайте меня отказом, поверьте, это от чистого сердца, — заговорил я.

Старуха продолжала молчать. Видимо, она колебалась. Но для измученного беспощадным голодом живого существа искус оказался непосильным. Я понял, что она отпирает двери. Загремели засовы, щелкнули замки, и дверь стала медленно отворяться.

Отвратительный запах сырости и затхлости, пахнувший на меня из темной прихожей, на мгновение заставил меня отпрянуть назад.

В прихожей было настолько темно, что некоторое время я не мог разглядеть, кто стоит за дверным проемом.

Когда глаз привык к темноте, я увидел перед собой вдвое согбенную старуху, страшно худую, до невозможности худую, которая пристально и пытливо вглядывалась в меня.

Белые, как снег, редкие спутанные волосы какими-то ключьями спадали на костлявые плечи; на тонкой высохшей шее — худое, с кулачок, лицо, вместо щек — провалы... Скулы, обтянутые морщинистой кожей, резко выделялись. Не лицо, а череп, эмблема смерти, как принято ее изображать.

Было заметно, что несчастная только что поднялась с постели.

На плечи ее была накинута какая-то ветошь, от пояса до самого пола ниспадала рвань, бывшая когда-то суконным покрывалом. Видимо, так, не раздеваясь, лежала она в постели и ждала смерти.

Кто знает, сколько дней и ночей пролежала она, не имея ни крошки во рту, изнемогая от голода и холода, не поднимаясь, потому что уже не было никакого смысла вставать с этого ложа.

...Она стояла, одной рукой опираясь о косяк двери. Она настолько обессилела и ослабла, что если бы не эта опора, она упала бы там же, на пороге. Она смотрела на меня так пристально, что я почувствовал некоторую неловкость.

Но более всего поразили меня ее глаза. Они не были потухшими, какие бывают обычно у древних старух, они странно сверкали. «Бедная, — подумалось мне. — это, верно, агния...».

— Входите, пожалуйста, — проговорила она и, отняв руку от двери, повернулась, но от слабости покачнулась, и, не поддержки я ее за руку, она навряд ли упала бы.

Рука была хрупкая, тоненькая, — как щепочка. Я испугался, что эта рука может переломиться в моей. Щемящая жалость к обреченному на скорую смерть человеческому существу жгла мое сердце.

Еле волоча ноги, неверными шагами брела она со мной по затхлomu коридору. Мы вошли в большую мрачную комнату. Заметив стоящий при входе стул, я хотел было усадить ее, но она уклонилась, отняла свою руку и сама, уже без моей помощи, направилась к столу, который стоял посреди комнаты. Опираясь на его края, часто останавливаясь, добрела она до противоположного конца стола и, окончательно обессилев, не села — упала на стул.

Несколько секунд она молчала.

Я поглядел вскруг и снова перевел взгляд на старуху. Она сидела, подперев подбородок ладонью, и молча глядела на меня.

Мне вспомнилась моя бедная бабушка, она умела так пристально смотреть. Сердце мое преисполнилось неизъяснимой жалости.

Я плохо видел ее лицо: она сидела спиной к окну, а я лицом. И свет, падавший из окна, мешал мне. Вероятно, она умышленно распределила стулья между нами таким образом.

Она сидела так безмолвно, так тихо, казалось, и не дышала. Но глаза ее удивительно блестели, они излучали какой-то необыкновенный фосфоресцирующий свет, совсем как глаза кошки в темноте.

От ее упорного взгляда мне стало не по себе. Не выдержав, я встал. Положил на стол вещмешок и начал его развязывать.

Глаза старухи засветились еще ярче, мне показалось, что она шевельнулась в нетерпении, но тотчас взяла себя в руки и продолжала сидеть неподвижно, как изваяние.

На какой-то миг я испугался, вдруг она умрет у меня на глазах, и посмотрел на нее искоса. Она продолжала сидеть все в той же позе, только смотрела сейчас не на меня, а на вещмешок.

Чтобы нарушить неловкое молчание, я спросил:

— Так вы наверняка знаете, что Лида в Кронштадте?

Она подняла на меня глаза и долго смотрела исподлобья.

— Да, — едва слышно промолвила и вдруг тряхнула головой совсем так, как делала это Лида, отбрасывая назад волосы. «Видно, в свое время тетка с Лидой были похожи», — подумал я.

— Как она там, интересно, — словно про себя, проговорил я.

И случилось чудо: старуха остановила на мне взгляд и, не мигая, смотрела какие-то мгновенья, потом слабая вымученная улыбка тронула ее черты, и тут я снова увидел в ней что-то до боли знакомое.

— Лида чем-то удивительно похожа на вас, — проговорил я и пристально поглядел на нее.

Она улыbnулась той же вымученной улыбкой.

Ее бесцветные губы разомкнулись, и я сразу понял, что во рту у нее не осталось ни одного зуба.

Эта улыбка возбудила во мне такое сострадание и жалость, что я торопливо выложил из вещмешка консервы, хлеб, колбасу, немного сахара — все, что я смог приберечь, — и собрался уходить.

Старуха остановила меня движением руки.

— Благодарю вас за подарок, но у меня к вам еще большая просьба: не забывайте Лиду.. — голова у нее затряслась, она уперлась обеими руками в стол, пытаясь встать, но не сумела. Силы окончательно покинули ее.

— Прощайте, — проговорил я в крайнем волнении и не вышел — выбежал из комнаты.

Сильным рывком растворил полуприкрытую тяжелую входную дверь и, с силой же захлопнув ее за собой, спустился по лестнице.

Когда я проходил мимо того окошка, давешняя старушка в очках, словно поджидая меня, распахнула форточку и крикнула:

— Ну что, видел Лиду?

— Нет, — отозвался я, — она переехала в Кронштадт, меня встретила ее тетушка...

— Чего, чего? — прервала меня старушка. — Обожди-ка милый, я сейчас выйду.

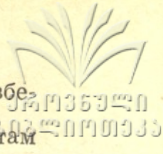
Она и вправду вскорости вышла ко мне и с удивлением переспросила:

— Кто, говоришь, в Кронштадт переехал?

— Лида, — ответил я несколько озадаченный.

— Господи, прости, — проговорила старушка и перекрестилась. — Да разве ж она могла в Кронштадт уехать, уж такая она плохая, вот-вот душу богу отдаст, — сказала она и, подняв голову, поглядела на окна пятого этажа.

— Что это вы говорите, — ужаснулся я, и злоба охватила меня. — Получается, Лидина тетка не допустила меня к ней и выговорила.. почему же она

так поступила? — И я повернулся и пошел было обратно, чтобы снова взбе- жать по той лестнице на пятый этаж.

— Постой, постой, сынок, — засеменила за мной старушка, — какая еще тетка, об ком это ты говорил?

— Да Лидина тетка! Которая двери мне открыла и сказала, что Лида пе- реехала в Кронштадт!..

— Тетка ее, Мария Федоровна, четыре месяца как в сырой земле лежит!

— Так кто же была эта старуха, которая со мной говорила? — вскричал я, чувствуя, как у меня в жилах застывает кровь.

— То ж сама Лида и была, сынок... В глазах у меня потемнело.

— Она и была, Лида. Не признал? Да уж куда там, конечно, не признал, ведь экая красавица была, голубонька, а во что обратилась... Э-эх, миленький, люди сами на себя теперь не похожи, нет, не похожи!..

Ничего больше я не слышал. Сорвавшись с места, понесся к подъезду Ли- ды. Я бежал, не чуя ног. Одним духом взлетел по лестнице и остановился пе- ред той дубовой дверью, которая опять была заперта.

— Лида, Лида! — кричал я, не помня себя, и что было мочи колотил в дверь.

Ни звука не раздавалось изнутри.

— Лида, Лида, отвори мне дверь, на одну лишь минуту отвори!.. Убийственная тишина была за дверью.

— Знай, я не уйду, Лида, я шагу отсюда не сделаю, я буду здесь всю ночь, до самого утра! Лида, не бери грех на душу, открой!..

Тишина... Тишина... Тишина... Внезапно меня охватила смертельная усталость, как и тогда в первый раз,

когда я утратил силы и волю и сел на ступеньку мраморной лестницы. И сей- час сел я на холодную ступеньку.

Помню, что потом я несколько раз изо всех сил стучал в дверь ногой, но и это оказалось тщетным.

— Товарищ офицер, товарищ офицер! — услышал я голос снизу. Перегнувшись через край лестницы, я взглянул вниз.

Старушка в очках стояла на площадке нижнего этажа и махала мне рукой. — Сойдите сюда, я до верху не доберусь, ноги не слушаются, — просила она.

Я спустился.

— Послушайся старую женщину, я как мать тебе говорю, — обратилась она ко мне. — Не ломись ты к ней, может, и не хочет она перед тобой пока- заться, стыдно ей своего вида. Оставь ты ее, пощади, ей своего горя хватает. Приходи в другой раз, завтра, послезавтра приходи... коли будет на то воля божья, помогу я тебе с ней свидеться... Ступай сейчас, иди с миром, сын мой или брат, не знаю, я ведь и лет твоих не различаю... Уходи... Уж с каким тру- дом взойшла я на треклятую лестницу, колени не слушаются, будто и не мои... да что поделаешь, на оба эти дома до самого завтра я дежурная... потом-то че- тыре дня отдыхать буду... Ну, ступай, ступай, милый, приходи после, в другой раз... как-нибудь, может, сумею до пятого этажа дотащиться, поднимусь к ней с тобой вместе... Я живу вон в том, во втором дворе, а окошечко, из которого я тебя углядела, эта наша дежурка, значит, понял?... То-то. Ступай, ступай, и храни тебя господь...

Я очнулся, вскинулся.

— А вдруг за это время с ней что-нибудь случится? Она такая слабая...

— От своей судьбы не уйдешь. Но бог милостив... ежели захочет он ва- шей встречи... — она, не договорив, осенила себя крестом.

По сей день не вспомнить, как я очутился на Лиговке...

Когда я вошел в огромную обшарпанную и грязную комнату Кустова, она показалась мне не такой унылой и мрачной.

Трое наших шоферов и взводный с азартом стучали костяшками домино.

Ребята сняли с грузовой автомашины маленькую печурку, притащили сю- да и разожгли ее припасенными еще в части дровами. В комнате было тепло.

Четвертый шофер, стоя на коленях перед печуркой, ворошил огонь, подклады- вая поленце.

Кустова еще не было.

Меня позвали играть, но я отказался. Вздернув воротник полушубка, я улегся в том же углу, где провел минувшую ночь.

Я закрыл глаза, и недавние картины поплыли передо мной. Мне страстно захотелось увидеть в согбенной седоволосой старухе с запавшими щеками ту обворожительную, прекрасную жизнерадостную женщину с гордой осанкой, плавной походкой, с упругим и красивым молодым телом, женщину, при взгля- де на которую у каждого мужчины начинала бурлить кровь.

Но нет, не смог я сблизить эти два столь разительно несхожих облика одного и того же человека.

...Привиделся мне мой любимый Зеленый Мыс — сверкающий в лучах зоркого солнца, утопающий в буйной зелени, благоухающий, пьянящий, хмельной сам... Опять увидел я лазурь высокого неба и тихую гладь дремотного моря... Лида выходит из воды... белокурые волосы сдерживает голубая косынка... купальник в голубую полоску еще более подчеркивает стройность ее тела... Она направляется ко мне, смеясь, обеими руками держа прозрачную медузу, которой хочет напугать меня... А я лежу на горячем песке, и сердце мое полно сладостного блаженства...

— Товарищ старший лейтенант, документы уже у меня на руках, теперь мы отправляемся за машинами. Вы ждите нас здесь.

Это капитан Кустов. Он вернулся из штаба.

Ребята собираются.

Печурка погасла. В комнате холодно. Короткий зимний день догорел... — вот-вот стемнеет.

— Хорошо, — отвечаю Кустову и поворачиваюсь на другой бок. Поднимаю воротник, плотнее закутываюсь в полушубок. Силюсь вернуть ускользнувшее видение, но Кустов сводит на нет все мои усилия.

— Возможно, нам придется ехать ночью, — говорит он, — необходимо подготовиться. Я прихватил с собой картон, он лежит в нашем фургоне. Надо его поднять сюда и нарезать из него круглые щиты того же диаметра, что и фары машины. Вы знаете, верно, как маскируют фары?

— Знаю, — сквозь зубы отвечаю я. Мне хочется лишь одного — чтобы он как можно скорее оставил меня в покое. Но, видимо, начальник техслужбы любит во всем предельную точность.

— Значит, нарежете круги того же диаметра, что и фары, всего восемь кругов. От центра на треть длины радиуса прорежете узкую щель шириной в один сантиметр, длиной — в двенадцать. Ясно?

— Ясно, ясно, — довольно грубо, чтобы отвязаться, отвечаю я и опять поворачиваюсь на другой бок. Но видение не возникает, я встаю и как потерянный хожу по комнате.

Стремительно наступает ночь. Уже темно. День прошел, а мне не хочется ни есть, ни пить.

Я снова ложусь, и лежу так, в полудреме. От лежания на голом полу у меня болят бока, словно меня избили. Я вспоминаю про картон и про фары.

Спускаюсь, выхожу на улицу, где у самой бровки тротуара стоит наша машина, забираю лист картона из кузова, ниткой, которая вместе с иглой хранится на подкладке моей шапки, вымеряю диаметр фар, потом возвращаюсь обратно в комнату и начинаю нарезать кругами картон...

У меня нет сил думать.

Никак, никак не могу я вызвать в воображении ни образ смеющейся, звонкогосой Лиды, ни той... той старухи с седыми поредшими волосами, которая стояла, держась рукой за дверной косяк, и упала бы, не поддержки у ее за руку... какая тоненькая была рука... как щепочка...

Капитан и шофера вернулись поздно ночью, голодные, замерзшие, измученные. Отъезд мы отложили на утро. Утром рано разогрели наши машины резиновыми дровами и двинулись в путь. В кабине передней машины сидел я, в замыкающей — Кустов. Наша маленькая колонна растянулась на несколько километров.

У знакомого шлагбаума на том берегу Ладоги, возле Кобоны, я велел шоферу остановиться, и мы стали дожидаться остальных.

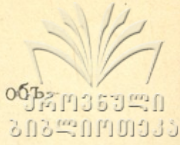
Я удивился, насчитав вместо пяти машин всего четыре. В недоумении оборотился я к Кустову, который тяжелым, но быстрым шагом направлялся ко мне. Капитан был мрачнее тучи, челюсти сжаты — ножом не разять.

Подойдя, он сорвал с головы свою меховую шапку, с размаху швырнул ее наземь и длинно, смачно выругался. Три шофера стояли, понуриив головы. Одного, который вчера, стоя на коленях перед печуркой, разжигал огонь, — этого одного не было сейчас среди шоферов.

— Я ехал за ним метрах в ста позади, — с горечью рассказывал капитан. — Подумал даже, молодец, хорошо ведет машину, не дергает. И вдруг гляжу — да что это? Кузов точно на дыбы встал! Сразу и не разобрал, что за чертовщина, думаю. Глазом моргнуть не успел, а машина уж наполовину ушла куда-то, провалилась... еще миг — и все, нет тебе никакой машины, будто и не было... Хорошо, мой Серега не оплошал, с ходу забрал правее, не то и нам подо льдом быть... Остановились мы, бросились туда, все побежали, да что толку-то! Ни машины, ни парня, только дыра во льду, да в зеленой воде льдины плавают...

Капитан в горькой злобе снова хватил шапкой оземь.

...Ночью, когда я прибыл на батарею, Астахов чуть не задушил меня в объ-
ятих, словно мы год не виделись.

— Ну, брат, я тебя такое скажу, с ума сойдешь! — заявил он мне.
То, что он сказал, действительно глубоко взволновало меня: в Политуправ-
лении ему по секрету сообщили, что в средних числах января единым ударом
Волховского и Ленинградского фронтов мы должны прорвать блокаду и осво-
бодить замученный город из тисков врага.

До назначенного срока оставалось совсем немного времени.
Произошло все так, как сказал Астахов: 12 января 1943 года в девять-
тридцать утра началась артподготовка, в которой участвовала и моя батарея.
На участке фронта наших двух армий — Второй ударной и Восьмой
одновременно грянули более двух тысяч пушек, а несколько сот выдвинутых на
передовую черту дальнбойных орудий прямой наводкой ударили по вражеским
позициям. Вся окрестность содрогалась от оглушительного грохота.

Артподготовка длилась почти два часа. С просветленными лицами прислу-
шивались мы к громовому голосу «бога войны» — артиллерии. Мои ребята осо-
бенно старались, стволы орудий так накалились, что нельзя было дотронуться
до них.

Запас снарядов стремительно таял. От пустых патронов, кучей сваленных
у орудий, поднимался пар.

А координаты стрельбы, передаваемые с командного пункта, без конца ме-
нялись, и, выкрикивая все новую и новую цель, я совершенно оспн.

Цель перемещалась в глубь линии обороны немцев, что являлось несомнен-
ным предвестником успешного продвижения вперед наших частей и прорыва
вражеских позиций.

По прошествии примерно трех часов командир полка с каким-то особым
подъемом отдал приказ: «Ласточка» (это было зашифрованное наименование
моей батареи), на колеса и айда, вперед! Бог в помощи!».

И мы пошли!
Мы снялись с мест, завоеванных ценой смертельных боев почти полтора-
года назад, оставив за собой рубежи, омытые шестнадцать месяцев назад пото-
ками крови.

Мы шли к земле, на которую мечтали вступить ежедневно, еженощно, мы
шли в Ленинград!..

Мы были охвачены таким жаром, таким страстным единодушным поры-
вом, что двадцатиградусный мороз был нам ни о чем — мы не ощущали его.
Мы прошли узким коридором, пробитым нашей артиллерией и авиацией среди
проволочных заграждений, и преодолели первую черту линии обороны про-
тивника.

Хорошо поработали наши атакующие части: фашистские окопы были со-
вершенно разворочены. На брустверах — навалом земля. Изрешеченный раз-
рывами мин и снарядов снег щедро припудрен черной смерзшейся землей. Все
это безмолвно повествовало о том смертоносном урагане, который пронесся
здесь. Повсюду валялись трупы гитлеровцев. Медперсонал оказывал помощь
раненым бойцам.

Стоял адский шум, от которого глохли уши. Гремели орудия, трещали пу-
леметы, гудели моторы.

Вместе с нами по проложенным на скорую руку дорогам, пыхтя, дви-
гались различные машины. Везли орудия, ящики со снарядами и черт знает ка-
кие грузы. Вразной шагали новые подразделения стрелковых частей, и все это
стремилось, рвалось вперед. «На Ленинград!» — белыми буквами было напи-
сано на стволе огромного дальнбойного орудия.

Гитлеровцы оборонялись с яростным сопротивлением. Почти неделю дли-
лись ожесточеннейшие кровопролитные бои.

По прошествии шести дней с начала наступления, шести страшных, труд-
но представляемых дней, утром восемнадцатого января по «солдатскому теле-
графу» — самому надежному и быстрому из средств связи, из уха в ухо, —
прилетела весть: передовые части Ленинградского и Волховского фронтов со-
единились! Блокада Ленинграда прорвана!

В те дни все мы ходили как пьяные, все мы только и поздравляли друг
друга с победой.

Недели две спустя, когда мы расположились на новых позициях и бои не-
много поутихли, стало известно, что на отвоеванной у врага узкой полосе зем-
ли, около семи-восьми километров шириной, со дня на день будет проложена
железнодорожная линия, и прямо в Ленинград побегут поезда.

И вправду, очень скоро в Ленинград отправился первый поезд. Конечно,
ехать поездом было довольно опасно, потому что немцы обстреливали его из
минометов и пушек, но все-таки железнодорожное сообщение существовало, по-

езда ходили под покровом ночи, и съездить в Ленинград теперь было делом реальным.

С того времени я потерял покой. Я думал только о том, как бы мне попасть в Ленинград и повидать Лиду.

И настал такой день!

Месяца через два после прорыва блокады наш отдельный артиллерийский полк, который относился к так называемому «Резерву Главного Командования», по необходимости передислоцирования с одного участка на другой (вследствие чего подчинялся то одному общевойсковому соединению, то другому) был переброшен в распоряжение Ленинградского фронта, и в один прекрасный день мы очутились в небольшом поселке под Ленинградом.

Об этом я не мог и мечтать — моя батарея стояла в пригороде Ленинграда!

Минуло еще какое-то время, и на батарею прибыл командир полка — осмотреть оборудованные нами позиции. Я выбрал подходящий момент и попросил разрешения на несколько часов съездить в Ленинград.

— Вот когда орудия вкопаешь в окопы и замаскируешь так, чтобы, находясь в двух шагах от батареи, невозможно было их заметить, когда бойцы отгроют землянки и расселятся в них, когда устроишь парк для своих машин и организуешь боевую подготовку — тогда езжай хоть на всю ночь! Отпущу. А до тех пор и думать не могли, — он погрозил мне пальцем. — Ясно?

— Так точно, товарищ подполковник, все ясно! — обрадованно ответил я, потому что свидание с Лидой показалось мне не таким уж далеким. Хотя для всего того, что поставил мне в условие командир, требовалось еще несколько дней.

Однако всему приходит конец, если черпать ложкой, как говорит Важа¹, и моря могут иссякнуть, — вот и я дождался желанного дня: закончил свои дела и светлым утром, когда в воздухе уже веяло весной, когда голубели последние проталины в исчезающем на солнышке снегу, я переобул валенки на новые яловые сапоги, уложил в вещмешок свой офицерский паек (несколько банок консервов, буханку хлеба и немного сахара) и зашагал по дороге, ведущей в Ленинград.

Было начало апреля.

Снег почти стаял, он сохранился лишь местами в густом ельнике и сосняке.

Город начался как-то внезапно. И так же внезапно открылись раны, нанесенные ему обстрелами и налетами врага.

Крутом, среди полуразрушенных домов лежали груды битого кирпича и разных обломков. В кирпичных красных стенах, как чудовищные клыки, торчали деревянные балки, местами обугленные, местами удивительно белые...

В кучах мусора и обломков валялись различные предметы домашнего обихода. Чего только здесь не было: спинки кроватей, ножки столов, развалившиеся стулья, письменные столы, дверки старинных резных буфетов, обломки зеркал, рамы для картин...

Все утратило свой первоначальный облик, все было обращено в мусор, в прах и являло страшную картину разрушения.

Я шел между этих ужасных курганов, этих немых свидетелей небывалого бедствия, и дрожь пробирала меня.

Разве узнать, сколько жаживо похороненных лежало под этими грудями кирпича и камней, сколько жизней оборвалось под этими уродливыми нагромождениями! У меня было такое чувство, словно я шагаю по мертвым телам.

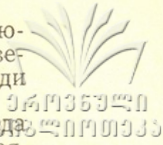
Но о чем бы я ни думал, на что бы я ни глядел, моя главная дума ни на минуту не покидала меня. Лида... Как она встретит меня? Захочет ли меня видеть? Как она сейчас выглядит?... Ведь снабжение Ленинграда улучшилось.

Шел я по удивительным улицам Ленинграда, смотрел на его искалеченные дома и руины и поражался тому, что, несмотря на страшные разрушения, на небывалое разорение, город сохранил свою гордую суровую красоту. Он изумлял строгим величием, стройностью, всем своим неповторимым, лишь ему одному присущим обликом. Я шел и созерцал этот город, то восхищаясь, то ужасаясь картинам, открывающимся передо мной.

И на фоне всего этого билась и трепетала одна мысль — мысль о Лиде. Как мы встретимся, как друзья? Или... Никак, никак не мог я себе вообразить первые минуты нашей встречи. Как это будет? Как я должен себя вести? Чем ближе подходил я к ее дому, тем невыносимей были мои терзания.

Город уже начали расчищать. С приближением к центру мне все чаще встречались люди с ломами, лопатами, кирками. Они работали целыми группами. Все больше это были женщины в ватных штанах и куртках.

¹ Важа Пшавела.

Литературная Грузия
1933

После стольких разрушений я наконец увидел созидание, увидел, как люди мирно трудятся, хотя настоящий мир был еще так далеко, за тридевять земель... И наверное, сколько еще крови должно пролиться, прежде чем люди по-настоящему возьмутся за лопату и кирку.

Немцы стояли всего-то в двадцати километрах от Ленинграда, и у города была лишь небольшая отдушина, которая просто не давала ему задохнуться, но он все еще оставался пленником и вражеская артиллерия на дне несколько раз обрушивала огонь на его великолепные улицы и площади. Самолеты врага по несколько раз кряду навещали его каждодневно и щедро сеяли заключенную в металлическую оболочку смерть...

Но те женщины с кирками — пусть неумелые, пусть слабые, — они все же обнадружили и ободрили меня.

И мысли мои стали веселее: вот ведь уже три месяца, как Ленинграду полегчало. — по сравнению, конечно, с тем, что было. Увеличились пайки. Может быть, Лида хоть чуточку оправилась, может быть, она теперь не в таком удручающем положении... Невозможно, чтобы она не думала обо мне, во всяком случае, после моего прихода...

Снова возник перед глазами ее образ — тот, сверкающий... И голос ее я услышал, ее низкий грудной голос.

Я шел по ленинградским улицам, а в ушах моих звучала песня, которую она так любила:

Начинаются дни золотые
воровской и безумной любви!
Ах, вы кони мои вороные,
Вороные вы кони мои...

Я вышел на площадь перед Московским вокзалом, миновал ее, затем старый Невский проспект и зашагал по знакомой улице, ведущей к Советским... Чем ближе я подходил к дому Лиды, тем чаще билось мое сердце.

Вот и Четвертая Советская... Оказывается, вот какая она!.. Тогда посередине вдоль всей ее длины тянулась снежная гряда, теперь же на ее месте газон. По краям газона деревья стоят, улица как бульвар... А по обе стороны газона — широкие мостовые... Правда, сейчас не видно ни одной машины, мостовая разбита, разворочена, но я знаю, что настанет время, скоро уж настанет, когда мостовая будет ровной, гладкой и машины наполнят грохотом и ревом пока еще пустынный ее простор. Конечно, такая широкая улица обязательно будет шумной, а ведь ничто так не красит городские улицы, как движение и шум. И когда газоны зазеленеют, зацветут цветами, а деревья оденутся листвою, улица станет красивой!..

...Вот уже и семнадцатый номер, рядом с ним дом номер девятнадцать, а рядом...

...Постой, постой!.. Что же это? Разве не здесь должен быть дом двадцать один? А здесь пустырь... И какие-то развалины...

Гляжу и глазам не верю... На месте дома номер двадцать один ровная площадка, пустырь, за ним — руины огромного дома, как причудливый скелет... Нет, это невероятно!..

Наверняка я что-то напутал!

Я бегу обратно, к началу улицы, прохожу ее снова, тщательно проверяю номера домов. И вот опять семнадцать, девятнадцать...

Где же двадцать один?
Может быть, я перепутал улицу?

Я бегу как угорелый назад, к перекрестку, читаю табличку: «Четвертая Советская улица»... — ясно, отчетливо...

Бреду как пьяный и снова, в который раз считаю: дом номер пятнадцать, номер семнадцать... номер девятнадцать... и...

Промельк страшной догадки раскаленным железом пронзил мозг. Я вдруг лишился сил и прислонился к стене. Совсем так, как Лида тогда прислонилась к дверному косяку...

Ее дома не существовало!

Будто и не стоял здесь тот огромный дом — на его месте какие-то жалкие бесформенные развалины...

Но сама Лида? Может, она жива, может, успела спастись?

Где же мне узнать о ней, кто мне может хоть что-нибудь сказать? Может быть, повезет разыскать ту старушку в очках? Если она жива, она непременно будет знать о Лиде.

Вот тропинка среди развалин, она ведет как раз к тому дому, на который она мне тогда указала, — дом, в котором она живет, она же сказала, за двором Лиды — второй двор, в него надо пройти через туннель...

Бегом несусь по тропинке, через туннель попадаю в такой же прямогольный двор, как был тот... Лидин.

Наверное, я был похож на умалишенного. Бросился к одному подвезду потом к другому, не зная, кого спросить, куда стучать...

Вдруг я услышал голос:

— Товарищ командир, товарищ командир!

Как ужаленный, оборачиваюсь на голос и вижу — та самая старушка в очках, прихрамывая, вперевалочку бредет ко мне.

Она в темно-коричневом пальто. На ногах — грубые черные сапоги, голову покрывает старенький синий берет. А на груди, прямо на пальто сверкает медаль. Я знаю эту медаль: «За оборону Ленинграда» — написано на ней.

Хочу спросить, но звука не могу произнести. «Неужели все это явь», — думаю про себя.

Старушка, странно сморщившись, молча смотрит на меня. Потом вдруг сгибается, бьет себя по коленям и громко причитает:

— Нет больше нашей Лидочки, ангела нашего нету-у!

Протяжно, нараспев выкликает она страшные слова, и я ощущаю, как леденеет мое тело...

— На глазах моих росла, касаточка, все к тетушке ходила, она души в ней не чаяла... да кто же ее не любил! Вот и встретятся теперь на том свете... царствие им небесное, господи! — старушка осеняет себя крестным знаменем. По ее увядшим щекам катятся слезы.

Когда я очнулся и сумел осознать все происшедшее, то увидел, что сижу на лавке у глухой стены того же двора, рядом со мной сидит старушка в очках и, держа меня за руку и приблизив лицо к моему лицу, по-стариковски качая головой, рассказывает:

— Наши пошли на прорыв блокады. Тогда и случилась эта беда... Немцы вконец осатанели. Дня не проходило, чтобы по несколько раз не объявляли тревоги. То с воздуха бомбили, то артиллерия била. В тот день я была свободна от дежурства, отдыхала. Точно предчувствие у меня было — легла я спать не раздеваясь. Среди ночи слышу — пальба началась, да какая! Я только собралась во двор выйти, как что-то загрохотало страшно, будто земля раскололась, аж все дрожьма задрожало, и свет вспыхнул — как днем. Гром адский стоял, я со страху ничком на постель повалилась, лежу, думаю, ну, смерть пришла, сейчас все обвалится, и кончится все раз и навсегда... Так нет же, я, глухая старуха, осталась, осталась жить на белом свете, а ведь кому я нужна, никого ж у меня нет — дети кто с голоду померли, кто на фронте полегли, — а она, молодая да красивая, погибла!

Когда все поутихло, я перекинула через плечо мою сумку и вышла. Гляжу, наместо дома звездное небо открылось... Всех заживо погребло под развалинами...

— А вы, наверно, любили друг друга? — со стариковской прямоотой спросила она.

Я молча кивнул головой.

— Крепко? — она пристально глядела на меня.

Я опять кивнул.

— Что же ты до сих пор-то не шел? — как близкий человек, по-домашнему спросила она.

— Не смог... я ведь на фронте...

— Э-э, — покачала она головой, — любовь отсрочки не терпит...

— Любовь отсрочки не терпит, — повторил я неволью, и голос мой покасался мне чужим, словно кто-то другой проговорил эти слова.

— А я все надеялся, все надеялся... — словно оправдываясь, пробормотал я погодя.

Она услышала мои слова:

— Верно, милый, верно — дольше всего живет надежда...

Лоб у меня горел. Горло пересохло. Сердце мое будто кто-то невидимый держал в руках и сжимал так крепко, точно хотел выжать из него всю кровь.

Медленно брел я в часть, к моим орудиям. А в ушах все звучали слова той старушки.

— Дольше всего живет надежда...

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Смеющийся да задумается!

ТРИ ЭТЮДА О СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЮМОРЕ

1. ВЕЛКАЯ ЗАГАДКА

СМЕХ

*Носите воду решетом —
и вам будет смешно.*
(Из книги «Полезные
советы одинокому мужчине»)

Я ВИНУЖДЕН начать с сенсационного утверждения: комическое — непознаваемо, неопределяемо и непредсказуемо. Комическое — великая загадка!

Я, конечно, предвижу, что первым мне немедленно возразит некий «ученый малый, но педант», который, мягко говоря, «напомнит» мне всем известный тезис: нет явлений непознаваемых, есть только непознанные, а что познано наукой, то легче легкого определить и предвидеть.

Смею вас уверить, я и не думал забыть столь важный и справедливый тезис! Помню! Только комическое стоит несколько в стороне от него, так сказать, сбоку припеку.

Следующий, не менее ученый малый, но не такой уж педант, иронически усмехнется, что, мол, агностицизм критика объясняется простым отчаянием теоретика, подводящего плачевные итоги двухтысячелетних (от Аристотеля!) бесплодных попыток определения комического. Это возрастное, добавит мой оппонент, и пройдет сразу, как только определение будет найдено.

Смею вас уверить, я уже не в том возрасте, который называется детским, и еще не в том, когда впадают в детство, — у меня это не скоро пройдет!

Критик Генрих Митин прислал для юбилейного номера «Литературной Грузии» свою новую большую работу о природе комического в современной литературе. Мы публикуем первую главу этой работы, а две последующие, касающиеся творчества Резо Чейшвили и Александра Эбаноидзе, будут опубликованы в № 1 «Литературной Грузии» за 1978 год.

Наконец, третий малый, самый ученый и наименьший педант, поскольку внимательно следит за текущей теоретической мыслью, ободряюще укажет мне не на Аристотеля, но все-таки на скромную, тонкую книжечку А. Вулиса «Метафоры комического» — едва ли не последнее по времени (1976 год) исследование проблемы комического. Там, снисходительно заметит мне мой третий оппонент, наконец-то раскрыт секрет комического и дано ему определение уже на стр. 7: «**Комическое** в своей основе и есть особая форма двойственности, форма, посредством которой явление как бы обнажает внутри себя иное явление, схожее с первым и в то же время существенно от него отличающееся».

Стоп, дорогие моему сердцу оппоненты! Беру слово для ответа!

Итак, по порядку.

Первое. Если вы именно так буквально понимаете тезис о познаваемости всего на свете, тогда скажите, что такое «вечный двигатель»? Не скажете, ибо такового в природе нет и познать его, следовательно, невозможно. Однако, почему невозможен «вечный двигатель», мы смогли понять. Точно так же мы в силах выяснить, почему непознаваемо, неопределимо и непредсказуемо комическое как таковое. Конечно, это означает, дорогой оппонент, что есть непознаваемое, неопределяемое и непредсказуемое (хотя бы и в единственном числе). Ничего страшного, поверьте! Страшнее будет, если мы познаем, определим и научимся предсказывать комическое: ведь тогда смех поставят на конвейер, его начнут «собирать» все, кому не лень, — и чем весь этот ужас кончится? Или мы лопнем от избытка смеха (как нынче лопаемся от избытка сахара) — или этот «ширпотреб» все-таки перестанет быть смешным!

Второе. Нет, я исхожу вовсе не из того, что если Аристотель не смог, то, уж, конечно, не по своей вине, а по вине самого комического, — такое оно нехорошее! Нет, я не пессимист и не агностик, я верю в науку и ум человеческий, у меня хватило бы терпения ждать научного определения еще пару тысячелетий, — только позвольте ждать, т. е. жить! Увы, кое-какие обстоятельства укажут на связь комического с переменными величинами — а **определить можно только то, что не меняется!** Если бы вода, обыкновенная речная вода имела привычку все время менять свой состав, то пришлось бы после каждой такой перемены заново определять, что такое вода, и выводить ее новую формулу. А если бы вода меняла свой состав постоянно, непрерывно, как непрерывная струя воды в реке? Вот тогда был бы полностью оправдан мудрый афоризм: в одну и ту же воду нельзя войти дважды! И тогда формула АШ два О стала бы одним «частным случаем» из бесконечного ряда случаев и потеряла бы свое значение формулы воды как воды. Вода стала бы непознаваемой и неопределяемой как вода, а только как «такая-то вода».

Комическое именно таково: оно неопределимо, потому что непрерывно меняет свой состав, свою формулу! Может быть, не полностью, но достаточно, чтобы быть или казаться совершенно новым, неизнаваемым, поразительным. Перифразируя поэта, могу сказать: юмор — езда в незнаемое! Единственная дорога в страну юмора — дорога открытий.

И наконец, третье. Сумел ли А. Вулис сделать то, чего не сумел Аристотель? Мне все-таки кажется, что Аристотеля нельзя «переплюнуть» ни в том, что он сумел, ни в том, чего он явно не сумел. К сожалению или, скорее, к радости, Вулис дает мнимое, кажущееся определение: «Комическое... есть особая форма...». Есть такой способ проявления истинности или ложности определения: надо опустить все слова, кроме главных. И тогда выясняется, что нельзя **неизвестное** определять через **неизвестное же**, т. е. «комическое» через «особое». После определения Вулисом комического почему-то очень хочется почитать у него же определение «особого», что-нибудь в таком роде: «а особое есть специальное, которое...». Ну, а «специальное» есть «характерное, которое...» и т. д. и т. п. Без конца!

У Вулиса и в самом деле много интересных и тонких наблюдений. Но определения комического у него просто нет — это самообман, иллюзия, мираж. Несбыточные надежды на определение — плод схоластической внутренней убежденности в том, что все на свете можно определить.

Нет! Поищите, например, в научных трудах определение национального характера (любой нации!) — и если найдете, считайте, что вам повезло. Ибо нет в науке ни одного такого определения — и быть не может!

Как ни странно, не все в жизни поддается научному определению. И замечьте (это очень важно!), что все «неподающееся» — не из области Природы, но из сферы Общественной, Человеческой!

Наука бессильна определить характер любой нации — а искусство его просто воплощает! (Разумеется, запросто, если речь идет о гениальном или хотя бы талантливом художнике!).

Наука бессильна определить комическое как таковое — а искусство его просто воплощает! (Разумеется, тоже при наличии гениальности или хотя бы таланта у художника!).

Выходит, национальный характер как конкретно-историческое явление вполне познаваем средствами искусства, но не науки. Познаваем — но не определяем!

Похоже обстоит и с комическим. Разумеется, каждый талантливый писатель сам познает комическое и нам его демонстрирует, но ведь это — конкретное, данное комическое, а вовсе не его «суть». Познавая бесконечный ряд комических явлений, мы не можем тем не менее определить их суть, комическое как таковое, ибо весь комизм пропадает, как только мы нечто, пусть даже существенное и повторяющееся, выделяем из целого. Да, противоречие (на этом признаке комического особенно настаивает Вулис) присуще всякому комическому явлению (образу), но ведь противоречие (притом по любой схеме, в том числе и по схеме «инфляции», предлагаемой Вулисом), выделенное из данного комического, может и не быть смешным, может оказаться источником даже трагедии! Нет, суть комического ускользает от познания и определения — и это не случайно. Возможно, вся штука в том, что никакой универсальной и неизменной «сущности» у комического просто нет. И, значит, нечего «познавать» и «определять». Может быть, идея определения комического столь же противоречит его человеческой природе, сколь идея «вечного двигателя» противоречит закону природы?!

А почему бы и нет? На элементарном уровне дело выглядит так: одни из элементов являются постоянными, а другие — непостоянными членами комического явления (образа).

Все, что есть в комическом постоянного, играет роль «решета», а непостоянное — комической «воды», которая в нем не задерживается. Пустое решето не смешно, не смешна и «вода». Не смешно и само протекание воды через решето. Но при наличии некоторых целей — это уже смешно! Смешно, если вы, читая книгу, наливаете в чайник воду посредством решета: чайник расплавится! Значит, кроме решета и воды, нужна отвечающая этим средствам конкретная цель, «осмешняющая» средства.

Из каких элементов сделано комическое решето — об этом мы можем прочесть у всех теоретиков комического. (Конечно, мне тоже придется внести в исследование «решета» свою скромную лепту, но это — потом).

Сейчас важнее сразу же ответить на вопрос, из чего состоит «вода» и какие «цели» делают смешным протекание «воды» через «решето»? Полный состав комического — воды и комических целей — назвать немислимо. Одно перечисление их потребовало бы много больше томов, чем содержится в Большой Советской Энциклопедии последнего выпуска. Просто потому, что конкретным сырьем для смеха может быть буквально все, что составляет жизнь человека, — и все цели этой жизни. «Все можно осмеять! Другой вопрос — надо ли?» — как справедливо говорит выдающийся современный грузинский комический писатель — международный просмейстер юмора — Нодар Думбадзе. И добавляет многозначительно: «Кто в этом разбирается, тот и является юмористом».

Кто же во всем этом разбирается, если уж теоретик должен признать свое бессилие? Человек с чувством юмора, если речь о повседневной жизни. Писатель юмористического дарования, если речь о литературе. Ибо кто создает юмор, тот в нем и разбирается. Это — с одной стороны. Но, с другой стороны, комическое нуждается в историко-литературном или литературно-критическом (что по методу одно и то же) анализе. Впрочем, вполне допускаю, что как раз комическое-то и не испытывает нужды в анализе критиков. Но критики никак не могут прожить без анализа комического — конкретного, данного, актуального. Потому что критики служат не юмористам, но людям с чувством юмора — читателям.

СМЕЮЩИЕСЯ

«Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!».

Городничий.

Итак, формулы смеха нет и быть не может, смех непредсказуем. Но он является и заставляет нас сначала смеяться вместе с ним, а затем и задуматься: а над кем это мы так весело смеемся?!

Думаете, над собой?

Нет! Скажу по секрету от Городничего: над соседом!

К сожалению, сосед слишком похож на нас, но все-таки его зовут Иваном Ивановичем, а вас Иваном Никифоровичем — дистанция огромного размера! Во всяком случае, достаточная, чтобы один мог от души смеяться над другим. Че-

ловек — над человеком. Очень гуманно! Волк никогда не станет смеяться над волком — на то он и волк, чтобы над ним смеялся заяц. Человек никогда не допустит, чтобы слабейший смеялся над сильнейшим. Не зря говорится: смех — признак силы! По той же причине говорят, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Скажем, сосед радуется на похоронах соседа, что пережил его. Хотя, нарадовавшись, он грустно соображает, что, когда его будут хоронить, никто уже не придет — сосед догадался умереть раньше! В этой ситуации умерший сосед, по логике пословицы, должен был бы хорошо посмеяться над живым, но не может — и значит **последнего смеха вообще не будет!**

Загадочно!

Вообще, комическое — сплошная загадка. Если бы сосед ничем от нас не отличался, мы никогда не научились бы смеяться. Потому что смеяться над собой, разумеется, неприлично или хотя бы просто странно. Как и смеяться наедине с собой. В вагоне метро прилично читать газету или трагедию, но не комедию. Ведь если вы засмеетесь ни с того ни с сего, вам самому станет неловко, а другим — обидно. Всем хочется смеяться, да не у всех это получается. Писатели изо всех сил помогают человеку рассмеяться, потому что только смеясь человек обретает уверенность в себе: значит, я лучше, я выше, я умнее хоть одного соседа! Не только над другим, но и над другом полезно посмеяться — это укрепляет ваше расположение к нему. Постарайтесь и ему дать повод посмеяться — в свою очередь! — над вами, если не хотите потерять друга.

Дурная привычка человека смеяться над другим, сравнивая его с собой, оказалась заразительной. Писатели создают такие пары персонажей, чтобы сравнение одного с другим невольно вызывало смех. Персонажи, как и люди, смешны либо по контрасту, либо по сходству. Либо перед нами Толстый и Тонкий (у Чехова), либо Бобчинский и Добчинский (у Гоголя). Причем ни сам по себе контраст, ни само по себе сходство не смешно — это всего лишь «решето». А через него надо еще пропустить «воду» с определенной «целью» — вот тогда будет весело! Кому? Вам, читателю. Ни Толстому, ни тем более Тонкому не до смеха, а о гоголевских «воробышках» и говорить нечего.

Им, персонажам, тревожно, завидно, страшно — а вам, читатель, смешно! И смеетесь вы с чистой совестью, от души. А все же где-то в глубине совести, в потемках вашей души, признайтесь, шевелится червячок сомнения: уж не над собой ли я все-таки смеюсь? Иначе говоря, если смех — врач, то смеющиеся — его пациенты, т. е. больные, которых подвергают смехотерапии.

Выходит, Городничий все-таки прав?

Но тогда, по логике вещей, смех вовсе не признак душевного, нравственного здоровья — наоборот, под смехом скрыта рана, боль! По смеху можно найти и определить нравственную болезнь, как по следу — зайца.

Степень заблуждения, вопреки принятому в литературоведении предрассудку, ничего не определяет. Характер смеха зависит скорее от характера смеющегося. Нет более неизлечимой болезни, чем смертельная, — но как мягко щупил над собственной смертью Михаил Светлов! Иначе он не мог. Генрих Гейне тоже щупил, но злее, отчаяннее. Прикованный к постели, он называл свою постель «матрачной могилой». Самые желчные люди становятся сразу или в конце концов сатириками. Считается, что их такими делают обстоятельства! Неправда, вместе с ними живут другие, которых те же обстоятельства «почему-то» делают иными. Другой вопрос, что и для самой жестокой сатиры всегда найдется повод. Жизнь подбросит подходящую работу для каждого, кто хочет работать, смеясь или ругаясь...

Однажды кучер спросил своего седока: «А ты, барин, чего делаешь?» Шаляпин ответил: «Пою!». Кучеру стало смешно: «Я тоже пою, да ведь не о том спрашиваю!». Теперь уже Шаляпину стало весело.

А следовало бы ему загрустить! Ведь он, Шаляпин, дитя общественного разделения труда: он — поет, и только. А кучер — везет и поет. Кучер живет в то время и в том же обществе, однако не подчинился он «узкой специализации». Для денег — работа, для души — песня! Просто какой-то гармоничный человек, а не эксплуатируемый трудящийся. Шаляпин поет, конечно, от души, но ведь и для ради денег старается тоже! Кучер как художник свободен, Шаляпин — зависим. Обыкновенная трагедия волхва, который не может отказаться от княжеских даров...

Так отчего же тогда стало весело Шаляпину? Видно, потому он смеялся, что не так понял ситуацию, как кучер. Каждый из них смеялся над другим — кто же был прав?! Оба правы, каждый для себя. Но тогда, выходит, не было причины для смеха?

Была! Ибо «смеяться вовсе не грешно над тем, что кажется смешно»! Кажется смешно — и смеетесь на здоровье! А если потом окажется, что смеяться должны были вовсе не вы, но ваш сосед, а вам скорее следовало плакать, — все равно вы в выигрыше. Поплакать всегда успеете, а вот упустить случай по-

смеяться нельзя, неизвестно еще, когда представится следующий. Ведь смех непредсказуем!

Да, момент смеха вовсе не обязательно есть момент истины! Поплавок дергается, словно рыба «клюет», рыбак азартно тянет удочку — а рыбки-то и нет, крючок пустой! Так бывает и со смехом. Смеющийся уверен, что поймал на крючок соседа, — и не замечает, что сам уже трепыхается не просто так, а на соседском крючке.

Ибо смехом смеющийся как бы оценивает ситуацию в свою пользу и в ущерб соседу. Может, он прав — но может, увы, и ошибиться. Впрочем, бывает и «горький или желчный смех», когда смеющийся как бы видит себя со стороны в качестве предмета насмешки — и не смеяться не может, и горько ему от этого вдвойне, поскольку сам сознает преимущество соседа и свою неполноценность в данной ситуации.

Наконец, самый странный смех — «смех сквозь слезы». Или слезы сквозь смех. Как солнце сквозь дождь — или дождь под солнцем. Грибной дождь — ласковый, теплый, словно смыывающий с души все нехорошее, темное. Тут и смех над собой, и слезы над собой. Как с мальчиком, который отморозил себе пальчик: «Ему и грустно и смешно, а мать грозит ему в окно».

Вот именно! Только ведь известная истина: маленькие дети — маленькие заботы, а с возрастом и заботы возрастают, да и вместо мамы кто-то иной «грозит ему в окно» — оттого и слезы горше, и смех печальней...

Детство моделирует в играх будущие взрослые, т. е. совсем не игровые ситуации — и готовит, тренирует нас к ним. Мы учимся переносить боль смеясь. Мы лучше всего учимся в детстве — почему? Потому что «чистый лист» лучше воспринимает. Ребенок воспринимает — взрослый анализирует. Чем дальше, тем больше. Анализ тушит восприятие, но без свежести восприятий скудеет сам анализ.

И тут на помощь человеку приходит одна из его милых детских привычек — привычка смеяться, когда что-то кажется смешным. Засмеялся, прежде чем подумал: а надо ли? а можно ли? а стоит ли? Засмеялся — и словно протер стекла в окнах своего дома, в своих очках. Восстановилась непосредственность, свежесть восприятия. Словно вспыхнул «зеленый» свет в светофоре на улице Познания! И можно, рванувшись со старта, мчаться дальше. Вперед! Или на поворот — вправо, влево. Или на разворот — обратно. Куда хочешь. Куда можешь. Куда есть дорога. Куда увидел дорогу...

Смех — стартовая площадка познания.

Но хорошо смеется тот, кто смеется не в последний раз!

Особенно хорошо смеется тот, кто смеется до слез!

Вообще: смеющийся да смеется!

Однако: смеющийся да задумается!

СМЕХАЧИ

«Рассмейтесь, смехачи!».

В. Хлебников.

Конечно, младенцы в колясках еще не читают юмористов, но уже умеют улыбаться и смеяться. Кто их научил? Любящая, счастливая мать. Она то и дело улыбается ребенку и радостно смеется на всякие его телодвижения. Нельзя смеяться, не взяв урока смеха. Можно плакать, не учившись плакать. Будет больно — заплачешь! А если тебе хорошо, приятно, радостно — что делать? Улыбайся, как твоя мать!

Дети растут, смех усложняется. Мать постепенно передает ребенка на попечение книг. Круг чтения сначала безудержно расширяется, пока ребенок не начинает все более сознательно отбирать книги, наиболее интересные ему.

Конечно, дети бывают разные. Но во времена моего детства не было детей, не любивших книги К. Чуковского и А. Толстого — «Мойдодыр», «Доктор Айболит», «Буратино». А ведь все это — юмор, школа смеха! Я к этому списку добавил еще одну — любимейшую — «Гулливер у лилипутов», изложение для детей да еще с огромными прекрасными рисунками!

Обратите внимание: все эти юмористические книжки одновременно и фантастические! Школа юмора почти всегда бывает, «по совместительству», и школой фантазии. И очень редко (к сожалению!) к ней добавляется школа слез.

Может быть, поэтому подростки в большинстве своем уходят из школы юмора в школу серьезной драмы, правдоподобия и действительных приключений? Но мимо «Трех мушкетеров» не проходит никто! А все романы Марка Твена? «Алиса в стране чудес»? «Карлсон, который живет на крыше»?

А Гоголь? Чехов? Ильф-Петров? Булгаков?

Чем ближе к нашим детям — тем старше возраст, к которому адресуются юмористы. Но дети их все равно любят — правда, старшеклассники. Эти юмористы жаждут всех, включая И. Зверева, В. Шукшина, Н. Думбадзе, Ф. Искандера.

Юмористы необходимы. Мандельштам дал следующее определение юмору: «А зачем выдумывать смешное? Посмотрите вокруг — все и так смешно!». Прав ли писатель? Для себя — прав. Для писателя-юмориста и в самом деле **все вокруг — смешно**. Так он видит. У него особое зрение или «смешные» очки. Он живет в своем изумрудном городе — в Смешном городе. (И если он потерял свои «смешные» очки — это навсегда, нет Аптеки, где бы можно было их вновь заказать!).

Но надо еще сделать так, чтобы и читатели увидели мир глазами юмориста. И вот юморист берется за перо... Пишет рассказ, повесть, роман, киносценарий, пьесу. А читатели с помощью своего воображения или с помощью актеров разыгрывают эти сочинения — и смотрят их, смеются и плачут. В этот момент они не здесь, а там — в воображении, в Смешном городе...

Что же представляют собой эти чудесные «смешные» очки? Конечно, это — комический талант. Всякий талант начинается врожденной склонностью, а развивается трудом и вдохновением.

Нет, вокруг нас далеко не все так смешно, как кажется юмористу. Бывают, конечно, юмористические случаи, казусы, истории. Бывают, но редко. Кстати, писатели обычно записывают их в свои «записные книжки», но, как правило, почти не используют.

Юморист не переносит смешное из жизни в книгу. И даже не обнажает смешное из-под одежды серьезного! Не будем наивными: жизнь серьезна на всех уровнях.

Поэтому юморист вынужден быть, как поет Марк Бернес в одной некогда популярной песенке, **обыкновенным волшебником**: он должен серьезное сделать смешным! Осмеять — вот его рабочая задача. (Это не всегда то же самое, что **осмеять!**)

Конечно, у каждой работы есть своя цель. И юморист, осмеивая, делает это с той или иной целью. Беспечный смех, как и смех без причины, — признак дурачины! Тут с писателя и читателя спрос одинаковый.

А цели бывают разные — от самых маленьких до великих. И не удивляйтесь: иной раз у большой юмористической повести — крохотная цель, а у малютки-миниатюры обнаруживается цель огромная! Из-за этой диспропорции между объемом произведения и его целью повесть делается «рыхлой», скучной, неинтересной, а миниатюра — плотной, тяжелой, бьющей не в бровь, а прямо в глаз.

А бывают произведения, мастерски сшитые «по индзаказу», т. е. именно на ту цель, которую поставил себе юморист. Вот такая гармония — признак великого таланта! — очень редко встречается, ясно ощущается, но объяснению и анализу не поддается. Или, возможно, мы еще не научились делать столь сложные операции на юморе. Или инструменты у нас, критиков, допотопные. Все может быть!

Впрочем, никаких «объективных» классификаций объемов произведений по целям не только нет, но и не может быть: все решает талант. Истина старая, но почему-то вечно молодая. Бездарные сочинители тоскуют: «Когда же эта старая хрычовка подойдет?!». Им бы выдали тогда, по отмене таланта, строгие инструкции, как и что делать «с юмором». Сколько сегодня у нас инженеров, которые официально именуются «конструкторами», а на самом деле, получив задание, бегут в Архив, ищут похожую конструкцию — и беззастенчиво «списывают»! А начальство не только не ругает их, не ставит «двоек», но еще и похваливает да премирует.

Что поделаешь — это взрослая, т. е. очень даже сладкая жизнь! Не то что в школе. Там, в школе, учат не списывать — здесь в жизни, создают Архив, чтоб было с чего списывать. О, школа, оторванная от жизни! О, жизнь, оторванная от школы!

Так чем же писатели-юмористы «хуже» тех инженеров-конструкторов? Почему им нельзя писать по инструкции, какой бы «смешной» эта инструкция ни была?

Да потому и нельзя, что им надо не списывать, но творить, создавать. Кто как умеет. Кто как хочет. Так сказать, «по своему образу и подобию». Ведь юмористы — веселые боги!

Окончание следует

КАСАЯСЬ ПРОБЛЕМ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОДНИМ из важных факторов давней дружбы грузинского и немецкого народов, бесспорно, является плодотворное научное сотрудничество Тбилисского и Иенского (ГДР) университетов. Подтверждение тому — издание трех номеров литературного сборника «Георгиен», полностью посвященных проблемам картвелологии и вообще кавказологии. Первый сборник (1973 год) содержит труды по общественным наукам, второй (1975 год) посвящен вопросам кавказологии и языкознания, третий (1977 год) касается проблем грузинской литературы.

Редактор последнего из этих номеров — Болко Шванниц, составитель и вообще вдохновитель этого дела — профессор Хейнц Фенрих. Говоря во вводной статье к номеру о закономерности выхода данного сборника, он отмечает те большие традиции, которые вообще имеются у немцев в сфере изучения картвелологии. Фенрих пишет: «Выход в Иене научного сборника, посвященного грузинской литературе, явление не случайное. С этим университетским городом связано издание (1920) «Кавказских сказок» А. Дира, а недавно в издательствах Германской Демократической Республики вышли выполненные кавказологами переводы «Десницы великого мастера» Константи́на Гамсахурдиа (в переводе Гертруды Печ), «Мудрости вымысла» Сулхана-Саба Орбелиани и «Маленьких теней» Георгия Кечакмадзе. К изданию готово еще несколько переводов. Успеху указанного сборника способствовала та большая поддержка, которую оказали нам грузинские ученые. Особую благодарность приносим профессору Эгудже Хингибидзе, который со стороны Грузии координирует наше сотрудничество и имеет большие заслуги в составлении этого сборника. Мы выражаем также благодарность Министерству высшего и среднего специального образования Грузии, руководству Тбилисского государственного университета и его партийной организации за поддержку нашего начинания. Мы особенно рады, что министр высшего и среднего специального образования

ПО СТРАНИЦАМ СБОРНИКА «ГЕОРГИЕН»

Грузинской ССР академик Георгий Джигладзе и ректор Тбилисского университета Давид Чхиквишвили представили нам для сборника свои статьи, чем и подчеркнули то большое значение, которое они придают развитию научного сотрудничества между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой».

Из немецких ученых в сборнике представлены труды Гертруды Печ и Хейнца Фенриха. В статье Гертруды Печ «Константи́н Гамсахурдиа, 1893—1975» проанализированы важнейшие факты и моменты жизни и деятельности грузинского романиста. «В произведениях Константи́на Гамсахурдиа, — отмечает автор, — отражаются решающие духовные процессы, происходящие в Грузии с начала XX века до наших дней. Царизм и период первой мировой войны не допускали разумного совмещения индивидуальных и общественных интересов. В ходе строительства Советской Грузии задача становилась более ясной. Писатель пришел, прежде всего в исторических романах, к нравственному выводу: счастье и гуманность возникают только в процессе творческого труда, проделанного для народа, и каждое подлинное национальное культурное творчество одновременно обогащает и мировую культуру».

Профессор Хейнц Фенрих выступает в рассматриваемом номере «Георгиен» с двумя очерками: «Грузинская литература и мы» и «Мысли о художественном языке Михаила Джавахишвили». Во втором из них подробно переданы взгляды автора «Арсена из Марабды» на вопросы языка и стили. В результате соответствующего анализа исследователь приходит к заключению, что Михаил Джавахишвили, вырабатывая

свой язык и стиль, опираясь на сочинения классиков грузинской литературы, одновременно обогащая, дорабатывая и совершенствуя родной язык, борясь за утверждение нового литературного языка.

В очерке «Грузинская литература и мы» дан обзор основных моментов и примечательных признаков развития нашей литературы. Согласно оценке автора, грузинская литература относится к самым богатым и развитым литературам мира. По возрасту и зрелости она самая известная литература всех древних народов Кавказа.

В сборнике участвуют и грузинские авторы. Это в первую очередь ректор Тбилисского университета профессор Давид Чхиквишвили, предложивший для него свой труд «Иване Джавахишвили. К 100-летию со дня рождения великого грузинского ученого».

Статья академика Георгия Джибладзе «Александр Казбеги» посвящена творчеству этого грузинского писателя-реалиста. Характеризуя его значение для грузинской литературы второй половины XIX века, автор определяет место А. Казбеги в национально-освободительном движении грузинского народа. Он подчеркивает тесную связь писателя с народом, патриотизм его творчества, характеризует А. Казбеги как образец морального облика советского человека настоящего времени.

В статье профессора Элгуджи Хинтибидзе «Евфимий Афонский — автор греческой версии «Варлаама и Иоасафа» приводятся доказательства того, что автором греческой версии популярного средневекового романа «Варлаам и Иоасаф» является известный грузинский писатель X—XI веков Евфимий Афонский. Параллельно критически рассматриваются аргументы, отвергающие его авторство. По мнению автора статьи, греческий вариант «Варлаама и Иоасафа» — переработка пространной редакции грузинского «Балавариани».

«Руствелологические штудии» академика Александра Барамидзе содержат критическую оценку квалификации В. М. Жирмунского, определившего место поэмы Руставели «на границе героического и куртуазного эпоса». Автор статьи считает неправильным понимание любви в поэмах Низами как «рыцарского служения», так же как и характеристику романтических эпизодов «Шахнаме», данную В. М. Жирмунским. По мнению А. Барамидзе, романтический дух сближает «Вепхистгаосани» с поэмами Низами так же, как героический — с «Шахнаме» Фирдоуси, однако всей своей сущностью поэма Руставели отличается от них.

Тут же автор доказывает, что Вахтанг VI — первый ученый издатель поэмы Руставели в 1712 году. В своих комментариях, полемизируя с превратным толкованием содержания «Витязя в барсовой коже», развивает мысль о его божественном и светском характере. Подчеркивая духовный характер поэмы Руставели, просвещенный царь намеревался оградить ее от нападков клерикальных кругов, хотя, по видимому, и сам не был глубоко уверен в безусловной правильности своих толкований.

В статье профессора Левана Менабде «Грузинские классики XIX века и древнегрузинская литература» речь идет о научном освещении древнегрузинской литературы и ее благотворном влиянии на их творчество.

Профессор Реваз Сирадзе в своей статье «Основные этапы развития древнегрузинской литературно-эстетической мысли» ставит целью выделить основные этапы развития древнегрузинской эстетической мысли (XIII в.) и показать их взаимоотношение с развитием художественного мышления.

Критическое рассмотрение работ А. Лайста по грузинской литературе, его оценки творчества грузинских писателей, его ведущей роли в этой области составляют основное содержание статьи профессора Шота Ревишвили «Артур Лайст и грузинские писатели».

В сборник включены также и следующие труды грузинских ученых: «Природа в грузинской народной философской лирике» профессора Ксении Сихарулидзе, «Вопросы художественной специфики «покаянного песнопения» Давида Строителя» доцента Лауры Григолашвили, «Аристотель в комментариях Иоане Петрици» профессора Гурама Тевзадзе, «Об основных тенденциях грузинского романтизма» профессора Джумбера Чумбуридзе, «Новейшая реформа грузинского стиха» профессора Акакия Хинтибидзе и «Структура грузинских имен» Гурама Чумбуридзе.

К последнему выпуску «Георгиен» приложены образцы древнегрузинской литературы и живописи, портрет Ш. Руставели из Джварского монастыря в Иерусалиме и фотокопии рукописных страниц в исполнении Мамуки Тавакларашвили, портрет Николаза Бараташвили и фото памятника Давиду Гурамишвили в Тбилиси.

Руководство Иенского университета намерено и в дальнейшем продолжить издание сборника «Георгиен», который, несомненно, окажет помощь зарубежным читателям в знакомстве с грузинской литературой.

Когда кришу навстречу

● Роман

На другой день Гиви поехал в больницу, которая за время его отсутствия была построена на северо-западной окраине города.

На обнесенной железной оградой громадной территории с заасфальтированными аллеями и молодыми деревцами, в глубине, на самом высоком месте стояло четырехэтажное здание больницы.

Оставив машину у ворот, хотя они были широко распахнуты, Гиви зашагал к больнице.

Перед входными дверями, на широкой цементной лестнице и площадке толпились с сумками и провизиями посетители, хотя до приемного часа было еще далеко.

— Я к профессору Муджири! — сказал Гиви строго поглядывавшему на него вахтеру в дверях и, не ожидая согласия, прошел.

— По коридору направо! — крикнул ему вслед вахтер.

Большой холл с лифтами по обеим сторонам, широкие окна и высокий коридор говорили о том, что и палаты должны быть большими и светлыми.

Наконец он нашел дверь с табличкой «проф. Ш. М. Муджири».

Смазливая секретарша сказала ему, что идет совещание, но все же, спросив фамилию, пошла доложить профессору.

— Заходите, — повернувшись и тожно посмотрев на Гиви, сказала она.

— Но если там совещание?

— Ничего, это его технический персонал.

Гиви вошел в довольно большой, красиво обставленный кабинет.

За письменным столом сидел стройный моложавый мужчина с тонкими чертами лица и кустистыми бровями. «Господи, как он похож на Эку», — подумал Гиви и в замешательстве остановился.

— Пожалуйста, пожалуйста... — Профессор вышел из-за стола и пожал ему руку. — Здравствуйте!.. Садитесь, у меня с вами будет длинный разговор, а с ним я сейчас закончу.

Окончание. Начало в №№ 6, 10 и 11.

Гиви сел и, стараясь делать это незаметно, стал с интересом наблюдать за человеком, который теперь для него так много значил.

— Вы меня поняли?! — строго обратился профессор к сидевшему в углу краем стула полному лысому человеку. — Немедленно снимите его с работы!

— Шалва Михайлович, это с ним первый раз... И он говорит, что она сама положила ему в карман пятьдесят копеек.

— И сама вошла в больницу? А тогда для чего он стоит в дверях?!

— Но пока я найду другого вахтера, кто будет...

— Вы сами!.. Если среди ваших бездельников никого не найдете.

— Дайте мне хотя бы два дня!..

— Все!.. — Шалва Михайлович положил ладонью на стол небольшую, но с сильными пальцами руку.

Завхоз поднялся и ушел.

— Вот видите, какими делами приходится заниматься, пока назначат нового директора, — обратился профессор к Гиви. — Да, познакомьтесь, кандидат медицинских наук Гиви Капанадзе, а это наш главный инженер по электроаппаратуре Константин Константинович Гагуа.

— Котэ, — сказал, пожимая Гиви руку, худой неопределенного возраста человек.

— Да, кстати, вы нам можете дать кое-какие советы из вашего тамошнего опыта, — обратился к Гиви профессор.

— Пожалуйста, если чем-либо смогу быть полезным.

— Я хочу этот каторжный труд — заполнение истории болезни — заменить магнитофонной записью. Почти половину рабочего времени врачи теряют на писанину.

— Ну, конечно!.. — загорелся инженер Гагуа. — Для этого потребуется создание магнитофонных карточек, архивов...

— Извините, что перебиваю... — сказал профессор, не извиняясь, а тоном приказа. — Вы в свободное у Гиви Ивановича время побеседуете с ним об этом. А сейчас перейдем к другому вопросу.

— Пожалуйста, — согласился Гагуа.

— Вы любите детективы?

— Извиняюсь, Шалва Михайлович, а это при чем?.. — покраснел как школьник Гагуа.

«А он, видимо, хороший парень», — подумал Гиви.

— Не отвечайте вопросом на вопрос!..

— Детективы... да, читал... в особенности в детстве. Иногда они бывают неплохо написаны.

— Так вот — это происходит на третьем этаже, в женском отделении травматологии.

— Интересно!.. — невольно вырвалось у Гагуа.

— Да... по своей подлости! Там в боковом холле стоят два холодильника. В них больные или их родственники хранят свои продукты, а иногда и лекарства. И вот какие-то мерзавцы воруют из этих холодильников ветчину, кур, апельсины, банки с соками, а несколько раз и дорогие лекарства.

— Надо устроить слежку и поймать вора на месте преступления! — возмущенно сказал Гагуа.

Шалва Михайлович укоризненно покачал головой, и Гиви не понял, это относилось к вору или к Гагуа.

— Устраивали. Ночами караулили из уборных, палат... никакого результата. Вор ловок, а может быть, он работает с кем-то на пару.

— А я... что я могу?.. — удивился Гагуа.

— Если б не могли, то я к вам бы не обратился! — сухо сказал профессор.

— Извините!..

— Свет в холле горит постоянно. Надо где-то там замаскировать фотоаппарат, чтоб он заснимал всех, кто ночью будет открывать холодильники.

— Иногда и больные ночью выходят к холодильникам...

— Ничего, пускай выходят, мы разберемся.

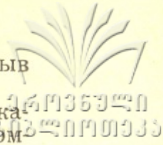
— Прекрасно!.. — загорелся Гагуа. — Там на стене висит репродукция «Девятого вала» Айвазовского, за ней я и пристрою фотоаппарат. Только картинку надо будет снять на несколько дней, ну... будто для реставрации.

— Можно. Вы Айвазовскому причините не больше вреда, чем реставратор. Только контакты к дверям надо провести так, чтоб никто не догадался.

— Это чепуха!.. — возбужденно улыбаясь, ответил Гагуа.

— Все! — Шалва Михайлович опять положил руку открытой ладонью на стол.

Гагуа встал и вышел, не успев снять с лица возбужденной улыбки.

Шалва Михайлович прошел за ним, опустил защелку на двери и, открыв холодильник, вынул пузатую бутылку коньяка и две рюмки.

Гиви отметил, что на нем прекрасно сшитый костюм, отметил и то, с каким изяществом он двигался, откупоривал бутылку и разливал коньяк по рюмкам.

— А я ожидал вас дней через десять, после окончания отпуска.

— Мне надоело сидеть без дела. Если позволите, я приступлю завтра же.

— Прекрасно. Пейте, пожалуйста... Этот коньяк я привез из Франции, он считается лучшим в мире. Но я предпочитаю наш.

Они выпили, и Шалва Михайлович снова наполнил рюмки.

— Значит, вы там занимались общей хирургией?

— Да. В условиях небольшого провинциального городка, где не было нужной аппаратуры.

— И какие самые сложные операции вам приходилось делать?

«Начинается вежливый, но все же экзамен», — подумал Гиви.

— Ну... абляция части легкого, зараженного эхинококком, абляция почки, простата, разные резекции желудка... и несколько трепанаций, когда нельзя было ждать приезда нейрохирурга из Алжира.

— Прекрасно!.. Дальше?

— Как обычно... гнойники, ожоги, переломы, грыжи и тому подобное.

— А что-нибудь особенное?

Вместо ответа Гиви смущенно улыбнулся, и они снова выпили.

— Да... — Шалва Михайлович удивительно легко, словно жонглер поиграл своей рюмкой. — Почему вы скромничаете, мой дорогой коллега?.. Мне показали письмо из Министерства здравоохранения, где говорится, что вы провели удачную операцию на открытом сердце.

— Да, но... — улыбнулся Гиви, — нам обоим, можно сказать, очень повезло...

— Кому вам обоим?

— Мне и больному. Через три минуты, как его пырнули ножом, он уже лежал у меня на операционном столе. Пришлось рискнуть, и мне удалось наложить на сердце два шва.

— Молодец!..

— А до этого у меня на столе умер юноша от такой же раны... Он с такой надеждой смотрел на меня?!

— Да, бывает и такое...

— Еще в Тбилиси я тренировался для такой же операции и не вышло, — чистосердечно признался Гиви.

— А как же, само собой ничего не приходит. Так вот... мы располагаем самой современной аппаратурой и, казалось бы, вполне квалифицированными кадрами, а вопрос опять упирается в человека!

— Хирурга с золотыми руками?

— Этого мало!.. Хирургу нужны еще глубокие теоретические знания по физиологии, иммунологии и анатомии! — это прозвучало безапелляционно, и он постарался смягчить свои слова. — Для такой клиники, какую я мечтаю создать...

— В таком случае я должен признаться, Шалва Михайлович, что...

— Погодите!.. — жестом патricia остановил его Шалва Михайлович. — Я знаю тему вашей диссертации, что уже является плюсом!.. А остальное зависит от вас, потому я и делаю ставку на молодых.

— Постараюсь сделать все, на что способен! — просто, но с достоинством сказал Гиви.

Рюмки были заполнены, но Шалва Михайлович забыл о них.

— Вы будете заведовать женским травматологическим отделением. Более конкретно поговорим завтра.

— Спасибо за доверие!

— Ну, а теперь выпьем за нашу совместную работу. — Они чокнулись. — Думаю, что психологический фактор... красивый лечащий врач повлияет на быстрое выздоровление ваших больных. Как вы думаете?

Гиви нахмурился и ничего не ответил.

— Разумеется, я шучу... но вы, наверное, знаете, что некоторые психиатры пользуются этим фактором при лечении своих больных... хотя это и запрещено.

— Я постараюсь ничего запрещенного не делать, Шалва Михайлович! — отшутился Гиви.

— Прекрасно!.. А теперь секретарша проводит вас в отдел кадров, а завтра я вас представлю вашим будущим коллегам.

Шалва Михайлович встал, проводил Гиви до двери и приподнял защелку на английском замке.

Закончив с формальностями в отделе кадров, Гиви направился к выходу, хотя уходить ему так сразу не хотелось.

Внезапно кто-то сзади закрыл ему лицо руками. Пальчики пахли дорогими французскими духами и лекарствами, а упругая грудь упиралась ему в спину довольно высоко. Женщина была не маленького роста... но кто?

Взяв за запястья, Гиви осторожно, но с силой оторвал от глаз сопротивляющиеся руки и повернулся. Это была Ламара в белом халате врача.

— Гиви, милый... — Ламара притянула к себе его голову и поцеловала в губы.

— Подожди, неудобно!.. — зарделся как мальчик Гиви.

— Наплевать!.. А мне сказали, что ты в Алжире. Когда ты приехал?

— Уже полтора месяца. А ты? Ты работаешь здесь?

— Уже две недели. Профессор Муджири приезжал на симпозиум в Свердловск, и я с ним там договорилась.

— А муж где?

— Наверное, опять в Москве. Я с ним давно развелась. Ты стал еще красивее, Гиви...

— Ты тоже совсем не изменилась, такая же «секс-бомба», как раньше!

— Я тебе еще нравлюсь?..

— Что за вопрос?! Завтра я начинаю здесь работать.

— Какая прелесть!.. Мы будем вместе...

Гиви нахмурился, перед глазами почему-то встала спинка вольтеровского кресла, из-за которой подымался, извиваясь, дымок сигареты.

— Ламара, к шефу! — издаലെка крикнула ей какая-то женщина.

— Ох, черт побери!.. Гиви, подожди меня в холле полчаса...

— Нет, я поеду.

— Давай сегодня поужинаем вместе. Теперь ведь я совсем одна.

— Не могу. Увидимся завтра.

Когда Гиви доехал до основной магистрали, вместо того чтоб свернуть и поехать в город, он свернул направо.

Эта неожиданная встреча с Ламарой, которую еще недавно он ждал с таким нетерпением, теперь оказалась сущим кошмаром... Она была первой женщиной, которую он любил, которую страстно желал все время, с тех пор как она уехала с мужем в Москву, и эти два года в Алжире. А теперь, теперь что?

Не видеть никого... никого!.. А эта проклятая магистраль с трамвайными линиями посередине все не кончалась, хотя направо и налево часто мелькали пустыри.

Стоящий у мотоцикла автоинспектор засвистел и жестом показал ему, чтоб он стал на обочину.

Отдав честь, автоинспектор потребовал права вожждения.

— Вы превышаете скорость, молодой человек! — возвратив ему бумаги, сказал автоинспектор.

— Возможно.

— Я могу вас оштрафовать.

— Можете.

— Вы себя плохо чувствуете? — с неожиданной заботливостью спросил автоинспектор.

Удивленный Гиви только теперь пристально посмотрел на автоинспектора. У него было загорелое добродушное лицо отца многочисленного семейства.

— Нет, — улыбнулся Гиви. — Я сам врач и знаю, что у меня. Совсем не опасное для других раздвоение личности.

Автоинспектор немного подумал.

— Поезжайте! — сказал он.

Как ни странно, но встреча с автоинспектором успокоила Гиви. Проехав еще немного, Гиви повернул и поехал домой.

Дядя и тетя были на работе, Гиви прилег на диван и закурил. Перед глазами встал коридор больницы, где он раньше работал.

— Зайдите ко мне часов в восемь вечера, я вам одолжу очень интересную публикацию института экспериментальной эндокринологии и химии гормонов, — Ламара сказала это Гиви, хотя их там было трое.

— Я тоже очень хотел бы ее прочитать! — сказал молодой врач, коллега Гиви.

— К сожалению, она у меня в единственном экземпляре... — Ламара повернулась и ушла, а все трое смотрели ей вслед.

— Точеные ноги, высокие бедра и осиная талия... — не отрывая взгляда от удаляющейся Ламары, мечтательно произнес молодой врач.

— И еще... — плохо скрывая злобу, прошептала сквозь зубы худая, с постылым лицом их коллега, — толстые, как у негрятянки, губы и этот фальшивый полупудовый шиньон!..

— Нет, это ее собственные волосы!.. А глаза, какие глаза!.. — забыв, что рядом девушка, влюбленно продолжал молодой врач.

— И что вы все от нее с ума сходите?.. Как будто нет других.. более бродетельных, умных и честных девушек?!

— Добродетель, как и все, нуждается в красивой оболочке! — зло отрезал молодой врач.

— Если этот вид шансонетки ты считаешь «красивой оболочкой»!

— Хватит!.. — пресекая начинающуюся ссору Гиви, а затем обратился к влюбленному врачу. — Если хочешь, пойдём к ней вместе.

— С удовольствием! — тотчас согласился тот.

— Так договариваются, когда идут к...

Но Гиви не дал ей докончить.

— Сколько в тебе злобы!.. — сказал он ей. — А впрочем, я тоже не пойду к ней.

После приезда из Алжира Гиви был в больнице, где он раньше работал. Молодой врач сделал вид, что не заметил его, а добродетельная девушка вышла замуж за не очень добродетельного «делателя ангелочков», гениколога-абортмастера.

В тот вечер Гиви все же пошел к Ламаре. Как он и предполагал, она была дома одна.

— Выпейте со мной чаю, мой муж в командировке.. и мне так скучно одной...

Они чинно побеседовали больше часа, а потом Гиви собрался уходить. Ламара проводила его до двери, а когда он уже приоткрыл дверь.. поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

Гиви уронил на пол печатные листы публикации и закрыл приоткрытую дверь. Остался он с Ламарой до утра.

Ламара была страстной, требовательной любовницей и в то же время очень женственной и нежной.

Через некоторое время Гиви понял, что это минутное увлечение намного серьезнее, чем он думал. Он уже ревновал ее к мужу, который, будучи довольно известным журналистом, часто бывал в отъезде, но все же бывал и дома.

— Надоело мне так!.. Я хочу, чтоб ты всегда была моя, понимаешь, всегда!..

— Мальчик ты мой!.. Я всегда твоя!.. — она брала в ладони его лицо и смотрела ему в глаза, а ее волосы, ниспадая, черными струями закрывали ему свет, и он видел только ее глаза. Тогда он целовал эти глаза, чувственные губы, шею и упругие, как у девушки, груди.

Они встречались за городом, в рощицах, где Гиви на несколько дней нанимал номера... и Гиви не мог разобраться, это была одна страсть или еще и любовь.

В больнице, где они работали, их связь была секретом Полишинеля. Да и Ламара сама не очень старалась ее скрыть, почти открыто ревнуя его к другим женщинам, словно бравируя своей любовью.

Так продолжалось больше года. Затем муж Ламары получил назначение в информационное агентство в Москве, и они как-то сразу переехали в Москву.

Ламара очень переживала, клялась, что будет приезжать, написала три больших письма... и на этом все кончилось.

Гиви не ожидал этого и, как ему казалось, страдал.

Через шесть месяцев Гиви уехал в Африку.

* * *

В широко открытое окно было видно голубое небо, по которому плыли маленькие, почти прозрачные облака, затем гора Давида с телевизионной башней, к вершине которой, казалось, ниточкой было привязано, как воздушный шарик, ярко-желтое октябрьское солнце.

На подоконнике, склевывая крошки хлеба, возилась, чирикая, целая стайка воробьев.

Леван знал их всех — напыщенно деловитых, потемневших от времени стариков, еще не успевших перенести превратности зимы, с более светлыми перышками молодых и в особенности одного, видно, со сломанной и криво сросшейся лапкой. Молодые из-под самого клюва стариков выхватывали крошки и ловко отскакивали в сторону от их незлобивых щелчков.

Это был теперь такой привычный Левану мир, единственный реальный мир.. хотя часто фантазия выводила его из дома, оставив в кровати немощное тело, и водила по горам и долинам, по улицам и площадям города, где стояли построенные по его проектам прекрасные здания.. здания, которые он построил бы, если б...

Было шесть часов вечера, и сегодня, как каждое воскресенье, у него должны были собраться друзья. Они приходили кто как мог и на неделе, но по воскресеньям к полвосьмого они все собирались у него, и это всегда был для него большой праздник. Марика в эти часы старалась отсутствовать, считая, что мешает друзьям.

В дверь позвонили, и вышедшая из кухни мать пошла открывать. «Наверное, соседка», — подумал Леван, но наостренный слух узнал голос Лианы, которая спрашивала, можно ли пройти к нему.

Когда она вошла, Леван сразу заметил, что она осунулась и очень возбуждена.

— Здравствуй, Лианочка, а Дато где?

— Гиви еще не приходил? — ответила она вопросом на вопрос, хотя было ясно, что Гиви нет.

— Садись. Что случилось?

Лиана села и посмотрела на Тамару Александровну, которая догадалась и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Ну в чем дело? Говори!..

— Я позвонила Гиви, чтоб он был у тебя к шести часам. Мне надо с вами серьезно поговорить.

— Ладно. А вот, кажется, и он звонит.

Вошедший Гиви внес с собой атмосферу бодрости и хорошего настроения.

— Извини, Лиана, я опоздал ровно на пять минут. Здравствуй, Леван, а где твой попугай?

— Он предпочитает быть на кухне. Впрочем, как и моя мама. Скажете вы мне наконец, в чем дело?

— Я развожусь с Дато! — сказала Лиана.

— Что за новости, это почему?!

— Она сейчас нам все расскажет.... — Гиви ласково улыбнулся Лиане. — Только ты не волнуйся, Лиана... прошу тебя!

— Не понимаю, вы все большие друзья, и почему он не похож ни на одного из вас?!

— Ну, дорогая моя, раз мы друзья, то это не значит, что мы херувимы с крылышками. У каждого есть свои хорошие качества и недостатки.

— Я уже не могу мириться с его недостатками. А еще эта сестра его, старая дева!.. Нет, я больше не могу там жить и не хочу!

— Говори конкретно, что произошло? — твердо сказал Гиви.

— Они отняли у меня ребенка!.. Мать я или кто, в конце концов?! Я не могу по-своему ни одеть его, ни накормить, ни повести погулять... ни даже назначать!

— Как я знаю, — сказал Леван, — они все обожают твоего Гиви. Он цель всей их жизни!

— Прощлый раз я хотела повести его к моей маме, так они не пустили. Был маленький ветерок, и они сказали, что он простудится. Будто я люблю своего сына меньше, чем они?!

— Никто тебе этого не говорил... — засмеялся Леван.

— А моя мать не хочет к ним ходить, она простая продавщица, а они — семья бывшего министра. А между прочим, моя мать, оставшись без мужа, дала мне не худшее образование, чем они своему сыну!

— Ну при чем все это? — удивился Гиви.

— А при том, что Дато назвал мою маму старой дурой, которая не понимает самых простых вещей!

— Он был пьян? — спросил Гиви.

— Да. С тех пор, как я им объявила, что уйду к моей матери, он все время пьет.

— А давно ты ему это объявила? — не смог сдержать улыбки Гиви.

— Уже две недели. Если они любят своего внука, пускай теперь приходят навещать его к моей матери!

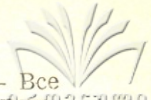
— Но Дато же любит тебя!

— Он никого не любит! Вчера он так обругал свою сестру... что она, испугавшись, ушла к соседям, а матери сказал, что она бездушная эгоистка!.. А у его отца был инфаркт, ему нельзя волноваться!..

— Он опять был пьян? — почти одновременно спросили Леван и Гиви.

— Как сапожник!.. Избаловали они его и все ему прощают. Нет, не душайте, они меня тоже очень любят, и я их, но... я так жить больше не хочу. Я хочу быть хозяйкой в своем доме, неужели вы не можете этого понять?!

— Почему ты думаешь, что не можем?.. А вообще, молодые должны жить отдельно! — сказал Гиви. — Потерпи, пока Дато получит квартиру, и все устроится.

— Я готова его убить, когда он приходит пьяный!..

— Постарайся потерпеть еще немного, Лианочка!.. — сказал Леван. — Все это происходит с ними от большой любви к ребенку... к тебе, а ты тут начинаешь капризничать!.. Вот сейчас придет Дато, и мы с ним серьезно поговорим!

— Нет, он не должен видеть меня здесь, я пошла!

— Я отвезу тебя домой на машине, — предложил Гиви.

— Ни за что в жизни!.. Во-первых, я должна пойти к маме на работу, это всего в двух остановках отсюда.

Лиана ушла, а Леван и Гиви одно время задумчиво молчали.

— Ты знаешь, — наконец начал Леван, — несмотря на ее такое пристрастное изложение, Лиана права. Дато очень избалован родителями. И пить он начал потому, что не получается у него, как он хочет. Все у него есть, что ему еще надо?!

Гиви смолчал, потому что последняя фраза была произнесена Леваном с такой душевной болью, что определенно относилась к его безысходному положению.

Потом Гиви стал рассказывать о своей работе на новом месте и очень хвалил профессора Муджири.

— Это человек очень гибкого ума и большой силы воли. А руки у него просто золотые!..

— Значит, ты доволен?

— Да, я чувствую, что под его руководством смогу сделать очень многое. Лично ко мне он прекрасно относится, хотя с некоторыми бывает даже жесток.

— Жесток. В чем это проявляется?

— Ну как тебе сказать... Он не выносит трусов, педантов, фанфаронов... и третирует их. То издевается, то совершенно игнорирует. Его или ненавидят, или обожают.

Пришли вместе Додик и Дато.

— Сегодня в театре идет мой спектакль, и я по закону должен присутствовать на нем, но... — начал Додик.

— Хорошо, не набивай себе цену!.. — буркнул Гиви. — А где ты встретил этого типа с распухшим от пьянки лицом?

— Кто тебе сказал, что от пьянки? — хриплым голосом спросил Дато и прокашлялся.

— Видно!.. — вместо Гиви ответил Леван.

— Да... побегайте, как я, со стройки на стройку, и тогда увидите... — стал оправдываться Дато.

— У меня есть хорошее вино, — сказал Леван.

— Да будь оно проклято!.. — злобно огрызнулся Дато.

— Ладно, оставьте его в покое! — заступился за Дато Додик. — У меня будет серьезный разговор с Леваном.

— А ты не грозись, я не боюсь! — засмеялся Леван.

— Насчет архитектуры!.. Только, где твой знаменитый кофе?

— Мама!.. — закричал Леван. — Кофе скоро будет?

— Несу!.. — Появилась с подносом в руках Тамара Александровна.

— Ведь они только пришли.

— А где коньяк? — спросил расставлявшую на тумбочке чашки Тамару Александровну Додик.

— Уй, сынок, я забыла купить, а старый кончился...

— А я видел, в кухне за дверью у вас стоит полная бутылка, честное слово!

— Ну, что ты, откуда? — но она все же пошла проверить и вернулась с нераспечатанной бутылкой коньяка.

— Вот какие вы скупые!.. — засмеялся Додик.

— Ох, негодяй!.. Поставил, пока я закрывала дверь. И как я не заметила?

— Ты будешь пить? — с иронией спросил разливающий коньяк Гиви у насупившегося Дато.

— Что вы от меня сегодня хотите?

— Ну какую очередную глупость ты хочешь сказать про архитектуру? — обратился к Додик Леван, желая отвлечь собирающихся поссориться Гиви и Дато.

— Помнишь, ты просил нас говорить с тобой абсолютно так же, как когда ты был здоров?

— Помню.

— Так вот, я так и буду с тобой разговаривать!..

— Довольно этих разговоров, от них у меня голова кругом идет! — взмолился Гиви.

— Нет!.. Я об этом целых полтора месяца думал, так что извольте послушать!

— Ну, давай, давай!.. — вызывающе сказал Леван.

— Может быть, не надо? — сказал Дато. — Хотя я и не знаю, что он хочет сказать.

— Почему не надо?.. Опять начинаете эту комедию?! — голос Левана был злой, а смотрел он на них с нескрываемой ненавистью.

Гиви очень заинтересовался кофейной гущей, размешивая ее ложкой на дне чашки, а Дато задумчиво смотрел в окно.

— Так вот!.. — стараясь говорить не навязчиво, но деловито, начал Додик. — Я считаю, что с архитектурой тебе надо распрощаться!

— Ты с ума сошел! — взорвался Гиви.

— Он и раньше был со мной не согласен, — сказал Левану Додик, кивнув в сторону Гиви. — Но поверь мне, Леван, тебе надо чем-то заняться, и самое главное, таким, где не обязательны ноги!

— Это уже хамство! — сказал Додик Дато.

— Хамство?! — засмеялся Леван. — Я по самые уши в дерьме, это больше, чем хамство!..

Гиви понял, что раз Додик начал этот разговор, избежать его уже было нельзя. Хотя ему до смерти было жаль Левана, разговор надо было довести до конца, не считаясь ни с чем.

— Да, я сентиментальничал... — честно сознался Гиви, — но, по правде говоря, чтоб у тебя был интерес к жизни, тебе лучше заняться тем, чем можно заниматься в твоём положении.

— А мы тебе поможем! — добавил Дато.

Это было не совсем тактично, хватало уже сказанного, и Гиви постарался поправить:

— В чисто технической части, если такая будет существовать.

— В технической части чего? — Леван иронически улыбался. — Вы будете печатать на машинке?

— Да!.. — сказал Гиви, хотя и не знал, чего именно это касалось.

— С условием, что почерк будет разборчивый!.. — пришел на подмогу Гиви догадавшийся Додик.

— А что именно? — спросил ни о чем не догадывающийся Дато.

— Ты сперва немного опохмелись! — Гиви так посмотрел на Дато, что у того пропало всякое желание спорить.

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Петербургская пресса проявила определенный интерес к личности Ильи Чавчавадзе. Почти каждая из газет направила своего представителя для встречи с грузинским поэтом. Его ответы на вопросы корреспондентов произвели большое впечатление¹. Как сообщает М. Болквадзе, журналист Шаумян говорил: «Я тоже встретился с вашим поэтом. На все вопросы он отвечает охотно и правдиво. Касаясь кровопролитных событий в Грузии (в результате варварских действий карательных отрядов Алиханова-Аварского. — Г. Д.), он сказал с горечью: «То, что было напечатано в русских газетах, это — лишь сотая доля правды. Жизнь нашего народа стала адом. Убежден, что наши депутаты поставят вопрос об этом в Государственной Думе. Если удастся сделать это в Государственном Совете — я постараюсь нарисовать там полную и правдивую картину горестного положения нашей страны»².

Таковы мысли и пожелания И. Чавчавадзе, который, хотя и был избран в Государственный Совет дворянством, по существу выступал защитником интересов всего народа. «Меня избрало дворянство, — говорил И. Чавчавадзе, — но это отнюдь не означает, что в Совете я буду говорить только о нуждах дворян. Если так полагают некоторые здешние русские дворяне, избравшие меня, то это большая ошибка. Если я вхожу в Государственный Совет от имени дворянства, то это — лишь формальная, юридическая сторона. Не стану скрывать, что в Совете я выступлю защитником всей Грузии и всех грузин, отдам все силы для защиты общих интересов»³.

Такая позиция, разумеется, вызвала отрицательную реакцию прежде всего со стороны его избирателей. Это недовольство проявлялось долгое время, даже после убийства поэта... «Большинство российского дворянства (в том числе члены Государственного Совета и избиратели), — писал М. Болквадзе, — и по сей день (т. е. в 1908 г. — Г. Д.) с осуждением вспоминает Илью. На последних дворянских выборах, в которых принимали участие кн. Багратион Давиташвили, В. Микеладзе, известные члены Государственной Думы Крупенский и Марков сказали: «Мы избрали Илью Чавчавадзе. Он опозорил все дворянство, примкнув к левому крылу Государственного Совета. Мы глубоко сожалеем об этой ошибке. Теперь, если вы назовете нам надежного кандидата (т. е. какого-нибудь реакционного князя. — Г. Д.), такого, как генералы Орбелиани и Мухранский, пусть даже он будет неграмотным (такие невежды, конечно, больше бы их устраивали. — Г. Д.), мы все равно выберем их с большим удовольствием...» Это мнение поддержали и другие»⁴.

То обстоятельство, что Илья Чавчавадзе занял левые позиции, еще более обострило положение. Именно по этой причине представителей грузинского дворянства не допускали более в Государственный Совет⁵. Это — исторический факт, который проливает свет на деятельность великого грузинского патриота.

¹ М. Болквадзе. Из недавнего прошлого. — Журн. «Ганатлеба», 1908, № 3—4, (на груз. яз.).

² Там же, с. 107—108.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 108—109.

⁵ Там же.

22 июня 1908 года И. Чавчавадзе выступил с речью на заседании первой сессии Государственного Совета. Предметом обсуждения являлся устав Совета. И. Чавчавадзе доказывал, что пятый пункт устава необходимо изъять. «Я полагаю, — говорил он, — что статья 5 совершенно лишняя, а напоминание, что члены Государственного Совета должны исполнять обязанности своей службы, неуместно»¹.

По мнению И. Чавчавадзе, члены Государственного Совета «сознают свой долг» и поэтому неудобно формально указывать на то, что они должны выполнять свои обязанности. Что же касается статьи 6 о посещении членами Совета заседания, то в ней И. Чавчавадзе увидел «практический смысл», хотя и предложил некоторые поправки. Отсутствие члена Государственного Совета на заседании, говорил И. Чавчавадзе, «действительно должно быть чем-то объяснено, но не всегда и не во всех отдельных случаях. Например, член Совета не обязан письменно сообщить председателю или государственному секретарю о том, что он пропустит одно заседание. Иное дело, если он вынужден длительное время отсутствовать на заседаниях. Тогда мы можем поступить так, как записано в уставе французского Сената. Там сказано, что если сенатор (тот же член Государственного Совета) шесть раз подряд отсутствует на заседаниях, то считается исключенным или самовольно ушедшим в отпуск»².

Нам неизвестно, были ли приняты поправки, предложенные И. Чавчавадзе, но факт остается фактом: председатель отверг совершенно ясно изложенные мысли под предлогом отсутствия формулировок и потребовал от оратора сформулировать свои поправки. Поэтому И. Чавчавадзе вынужден был кратко сформулировать все то, что было изложено выше.

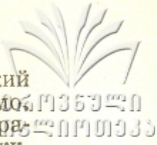
О том, в каких тяжелых условиях приходилось Илье Чавчавадзе (а возможно, и некоторым другим ораторам) выступать в Государственном Совете, свидетельствует следующий факт: во время одного из выступлений И. Чавчавадзе вынужден был извиниться за возможное частичное повторение уже сказанного предыдущими ораторами, поскольку оттуда, где он сидит, не совсем хорошо слышно, что говорили выступившие до него члены Совета. Вопрос опять-таки касался проекта устава и его статей. И. Чавчавадзе подробно рассмотрел статью 4 и потребовал ее полного изъятия, поскольку считал, что указанная статья ограничивает право народа непосредственно обращаться к председателю или членам Государственного Совета. Здесь, как и при рассмотрении статей 5 и 6, великий поэт высказал прогрессивную точку зрения, выступив против ограничивающих законов, попытался убедить правительственных чиновников в том, что нужно не отгораживаться от народа, как гласила статья 4, а наоборот, узаконить правила, позволяющие народу иметь возможность непосредственно обращаться к высшим правительственным органам. О том, как глубоко понимал И. Чавчавадзе существо этого вопроса и как настойчиво пытался защитить интересы народа, свидетельствует следующее место из его выступления: «Означенная статья (т. е. статья 4. — Г. Д.) развивает статью 6 учреждения Государственного Совета, согласно коей в Совет воспрещается являться депутациями, а также представлять словесные или письменные заявления и просьбы. Весьма понятно, что законодатели имели в виду оградить свое спокойствие и свободное отправление своих обязанностей путем недопущения подачи различных заявлений и просьб прямо в Государственный Совет или посредством писем. Комиссия возымела желание дополнить учреждение Гос. Совета в наказе, но это дополнение представляется не в виде развития смысла закона, а в смысле преграждения всякого общения между Государственным Советом и народом. Я полагаю, что не надо было бы вводить такого ограничения, — к тому нет основания; даже сама комиссия не нашла другого мотива как сказать: я желаю оградить председательствующих в Совете лиц и его членов от всякого рода ходатайств и домогательств относительно представления через них в Государственный Совет просьб и заявлений. Это немного напоминает ненавистное начало узко бюрократического режима, который полагает, что не правительственные лица и учреждения существуют для народа, а народ — для этих учреждений. Заботиться о том, чтобы не дать беспокойства председательствующим и членам Совета и ради этого вводить правила в наказ с ограничением прав граждан обращаться в высшее учреждение для защиты своих прав и для представления своих интересов — едва ли правильно»³.

Думается, какие-либо комментарии здесь излишни. Совершенно очевидно, с какой самоотверженностью защищал Илья Чавчавадзе в Государственном Совете интересы народа, какую передовую позицию занимал он в борьбе против реакционеров, готовых отнять у народа даже самые элементарные права. Ха-

¹ М. Болквадзе. Из недавнего прошлого. — Журн. «Ганатлеба», 1908, № 3—4, с. 108—19.

² «Саисторно моамбе», III, 1947, с. 270.

³ Там же, с. 271 (Подчеркнуто везде нами. — Г. Д.).

рактерно, что выступивший вслед за И. Чавчавадзе князь Касаткин-Ростовский заявил буквально следующее: речь выступившего передо мной оратора, видимо, была интересной, но мы ее не слушали. Причина этого состоит в том, что ораторы обращаются, как правило, к председателю, вследствие чего они вынуждены стоять спиной к собранию. Поэтому собрание их не слышит. Во избежание такой неловкости покорнейше прошу господ ораторов обращаться к собранию, а не к председателю и надеюсь, что председатель Государственного Совета извинит нас за это¹. В ответ на это председатель заявил: князь Чавчавадзе обращался именно ко всем, но, к сожалению, собрание его все-таки не слушало². Понятно, к каким результатам могли привести выступления ораторов в таких условиях, когда участники заседания их даже не слышали.

Несмотря на это, как уже отмечалось, Илья Чавчавадзе принимал в 1906 году активное участие в работе 6-го заседания первой сессии Государственного Совета, защищая интересы народа.

Кульминацией борьбы великого поэта в защиту интересов народа в Государственном Совете явилась его речь **против смертной казни**. Эту речь, как полагает П. Ингорква, И. Чавчавадзе произнес на второй сессии Государственного Совета 19 апреля или 2 мая 1907 года. Вторая сессия, как известно, началась 20 февраля и продолжала свою работу до 5 июня. И. Чавчавадзе в это время находился в России и присутствовал на заседаниях сессии. А. Иовидзе отмечает, что «на второй сессии 1907 г. ...выступлений И. Чавчавадзе не видно. Его имя только упомянуто в списке членов Государственного Совета этого периода. Стенографические протоколы заседаний Государственного Совета от 19 апреля и 2 мая 1907 года опубликованы с пробелами, поскольку публикации некоторых частей отчетов этих заседаний была признана недопустимой. Поэтому не исключена возможность, что И. Чавчавадзе выступил на одном из указанных заседаний. Его речь против смертной казни по той же причине могла быть изъята из стенографического отчета. Материалы, написанные рукой И. Чавчавадзе и подготовленные к этой речи, хранятся в Литературном музее Грузинской ССР (см. рукопись 7/4)³.

О том, насколько сложными были обстоятельства, сопутствовавшие выступлению И. Чавчавадзе на второй сессии Государственного Совета и какое большое сопротивление пришлось ему преодолеть, свидетельствует и М. Болквадзе.

Илью Чавчавадзе характеризовала страстная нецеликом прямая и смелость. Когда он был в чем-то убежден, то ни перед чем не отступал, боролся до последней возможности, а если и терпел поражение, то все же не терял окончательной надежды на победу, поскольку не сомневался в успехе борьбы за истину. Эти качества характеризовали И. Чавчавадзе с самого начала, таким же негнбаемым он оставался до старости.

К сожалению, до нас не дошел полный текст доклада И. Чавчавадзе об отмене смертной казни. Однако, как уже отмечалось, сохранились материалы, написанные рукой поэта, которые вошли в 10-й том полного собрания его сочинений (1961 г.). Правда, материалы эти чрезвычайно скупы, во многих случаях мысль не закончена, и правильнее было бы назвать их фрагментами конспекта. Но, несмотря на это, они все же представляют собой исключительно важный документ. Анализ этих материалов убеждает в том, что И. Чавчавадзе намеревался дать широкое обоснование отмене смертной казни. Он хорошо понимал, что царское правительство, напуганное гигантской волной первой русской революции, не пойдет так легко на отмену смертной казни. Логические или аналитические выводы, к тому же подкрепляемые официальными версиями, всегда могли бы обосновать необходимость смертной казни «для поддержания общественного порядка». Необходимо было преодолеть именно этот барьер. Наиболее веским аргументом была апелляция к эмоциональной стороне оценки проблемы. Сохранившиеся фрагменты конспекта И. Чавчавадзе начинаются именно с этого.

Считая чувство одной из «сторон сознания», И. Чавчавадзе противопоставлял ему **разум**, который лишен способности правильно оценивать реальную действительность без поддержки чувства; разум, таким образом, подчиняется чувству, как второй компонент сознания. Конечно, говоря об эмоциональной стороне, он имел в виду не низменное, животное чувство, а чувство возвышенной человечности, которое называет **духовным чувством**. Это именно то чувство, которое так возвеличено в бессмертном творчестве Шекспира, чувство, посредством которого Шекспир «совершал чудеса»⁴. Именно это чувство должно перевесить холодный разум человека, заставить его отказаться от мысли о

¹ «Саисторно моамбе», III, 1947, с. 272.

² Там же.

³ Там же.

⁴ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 465 (на груз. яз.). (Подчеркнуто везде нами. — Г. Д.).

смертной казни. «Если взвесить все «да» и «нет», которые были сказаны по поводу смертной казни, я не думаю, чтобы существовал ощутимый перевес в ту или иную сторону, и во всяком случае, чтобы этот перевес убедительно для того, чтобы каждое из них могло опровергнуть другое. Поэтому только сопоставляя «за» и «против» при обсуждении вопроса о смертной казни, нельзя достигнуть справедливого решения. Эта мысль может оказаться тем более основательной, что «между ними есть одно общее: и первое, и второе не основаны на чем-то осязаемом, а представляют собой только убеждения, диалектически связанные друг с другом»¹. Именно в этом причина того, что «да» и «нет» в данном конкретном случае лишены «осязаемой основы»; опираясь только на аргументы «убеждения», мы не можем придать им руководящие роли в принятии решения. Нужно найти какие-то другие аргументы, позволяющие обойти и «да», и «нет», но зато могущие лечь в основу действительно незыблемого, неоспоримого заключения. И. Чавчавадзе формулирует три таких аргумента, из которых нужно исходить при отмене закона о смертной казни.

Первый аргумент состоит в том, что зрелище смертной казни притупляет естественное чувство отвращения к крови и вызывает у человека равнодушие к смерти². «Смерть теперь стала такой обычной вещью, что она никого не смущает и не привлекает внимания»³.

Вторым аргументом является упадок нравственности, поскольку наказание смертью подразумевает, что один человек отнимает у другого то, чего он ему не давал и «дать не может» (эти слова подчеркнуты самим И. Чавчавадзе). Как видим, оба довода, из которых исходит И. Чавчавадзе, основаны на гуманизме и альтруизме. И третий аргумент состоит в том, что при вынесении смертного приговора не исключена ошибка, которую уже нельзя исправить, поскольку невиновный убит⁴.

Кроме этих трех главных аргументов во фрагменте своего конспекта И. Чавчавадзе выдвигает и другие. В частности, он отмечает, что смертная казнь «противоречит христианству, основанному на любви» (не убий), и поэтому «весь мир требует (отмены смертной казни), и если даже мы ошибаемся в поддержке этого требования ... все равно нас оправдывает то, что в данном случае мы следуем велению божьему, поскольку глас народа есть глас божий»⁵. Видимо, этот последний довод понадобился И. Чавчавадзе для того, чтобы повлиять на противников, особенно на реакционную часть Государственного Совета. На случай возражения о том, что смертная казнь сокращает преступность, у И. Чавчавадзе был готов продуманный ответ: такое возражение «ни о чем не говорит, поскольку распространение и рост преступности зависят от тысячи других причин»⁶.

Такова квинтэссенция речи И. Чавчавадзе об отмене смертной казни. Во время выступления великий поэт, видимо, намеревался развить положения, изложенные в виде тезисов. Однако скорее можно полагать, что речь у И. Чавчавадзе была написана целиком, тем более что главным оратором по данному вопросу, наряду с профессором Таганцевым, был И. Чавчавадзе⁷. Левые депутаты заранее решили покинуть заседание, когда их проект будет отвергнут. Они, несомненно, знали, что стоят перед большими трудностями, что им скорее следует ожидать поражения, нежели питать реальную надежду на победу. Это полностью подтверждается следующими словами из фрагмента конспекта И. Чавчавадзе:

«Вопрос, как нам быть, если проект об отмене смертной казни, несмотря на все старания, не пройдет, не может быть разрешен доводами арифметического порядка, т. е. тем, что группа, ставящая для себя этот вопрос, слишком малочисленная, чтоб произвести какое-либо впечатление, какое-либо замешательство среди огромного большинства остальных. Я не так прост, чтобы полагать, что уход наш (с заседания Государственного Совета...)»⁸.

Хотя фраза не закончена, мысль поэта понятна. Небольшая группа ни выступлением своим, ни демонстративным уходом из зала заседания не могла произвести большого впечатления. Главное, однако, заключалось в данный

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 465 (на груз. яз.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 466.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 464.

⁹ Там же, с. 467.

момент не столько в том, чтобы проект прошел, сколько в том, чтобы поставить вопрос, то есть нанести первый удар и выразить протест.

Илья Чавчавадзе всегда решал возникавшие перед ним вопросы, руководствуясь главным образом велениями собственного разума и души. Ему было почти 69 лет, когда его избрали членом Государственного Совета, но, несмотря на преклонный возраст, он с молодой энергией взялся за выполнение своего долга. «Илья постепенно сближался с левым крылом членов Совета, которое составляли представители русской передовой общественности и науки»¹.

О широте интересов поэта свидетельствует тот факт, что в бытность его в Петербурге он уделял внимание не только вопросам, обсуждавшимся на первой сессии Государственного Совета: автономия, земельное урегулирование, автокефалия и ряд других сложных вопросов, — все это требовало от престарелого поэта изучения и анализа огромного научно-исторического материала. Если добавить к этому характерное для И. Чавчавадзе усердие, с которым он «почти постоянно присутствовал на заседаниях Государственного Совета», даже несмотря на болезнь², то станет ясной полная обоснованность выдвинутого против него обвинения, согласно которому он в Петербурге «ничего не делал». Даже того, что было сказано выше о деятельности И. Чавчавадзе, вполне достаточно для опровержения этой клеветы, распространявшейся врагами поэта. Напротив, в Петербурге И. Чавчавадзе вел огромную работу. Ни болезнь, ни возраст не мешали ему выступать с речами в исключительно сложной обстановке на заседаниях Государственного Совета, составить подробный список материалов, касающихся Грузии, которые могли быть обнаружены в том или ином учреждении России, принимать участие в бесконечных аудиенциях, делать визиты и отвечать на тысячи сложных запросов. «Хотя многие считали, что И. Чавчавадзе как член Государственного Совета должен был воздерживаться от частных визитов, он не придерживался этого бюрократического правила»³.

Для него, как и для каждого человека большой души, был характерен живой, непосредственный интерес к окружающей жизни, любознательность и страстное желание глубоко изучить Петербург с его достопримечательностями. «На третий день, — вспоминает Малакия Волквадзе, — в кулуарах Совета показался Илья в своем обычном костюме: черный сюртук, серые брюки в полоску, черный жилет и белый крахмальный воротник. По этим внешним признакам я всегда узнавал его даже издали.

— Кажется, я пришел рано? — весело спросил Илья.

— Заседание начнется через полчаса, — ответил я.

— Мне очень хочется посмотреть здание. Если у вас есть время, проводите меня, пожалуйста. Зал и кулуары мне нравятся, но ведь это еще не все.

Илья взял меня под руку (такая у него была привычка), и мы приступили к осмотру дворца. Ни одного уголка не оставили, все повидали. Все время говорили об архитектуре и обстановке дворца...

— Теперь я все изучил... Мог ли подумать Потемкин, что в его дворце будет помещаться парламент... Жизнь течет, все меняется...»⁴.

Эти перемены И. Чавчавадзе с особенной остротой ощущал в последние годы жизни. Еще не закончилась первая сессия Государственного Совета, когда в Петербурге стало известно, что в дворянской гимназии был убит Шио Читадзе. Эта весть потрясла находившихся в то время в Петербурге грузин, в том числе Илью Чавчавадзе. «Глаза Илья застлали слезы. Лицо его выражало душевные страдания и безграничную печаль. Подлое убийство Шио чрезвычайно тяжело подействовало на престарелого грузина»⁵.

О том, как сильно подействовало на Илью Чавчавадзе это преступление, можно судить даже по тому факту, что поэт приложил немало стараний, чтобы организовать панихиду по Шио Читадзе в Александро-Невской лавре.

Помимо непосредственных обязанностей члена Государственного Совета, И. Чавчавадзе неустанно заботился об урегулировании вопросов, связанных с Грузией и грузинами. Сразу же по приезде в Петербург он с интересом знакомится с деятельностью находившихся там своих соотечественников. Особенно интересовался он жизнью грузинских студентов, причем кое-что из их существования здесь его очень огорчало. И он искал выхода из создавшегося положения.

¹ М. Болквадзе. Из недавнего прошлого. — Журн. «Ганатлеба», 1908. № 3—4, с. 109—110 (на груз. яз.).

² Там же, с. 114.

³ Там же, с. 113.

⁴ Там же, с. 117.

⁵ Там же, с. 133.

Это говорило о крушении тех идей, которым И. Чавчавадзе неустанно служил на протяжении всей своей жизни. Перед его глазами, вероятно, вставали картины времен его юности, когда, несмотря на материальные затруднения, он настойчиво изучал науки и готовился служить родине. Нетрудно представить, что испытывал утративший надежды великий писатель, восклицая: «Я не вижу здесь среди грузин никакого единства. Большинство друг друга даже не знает... Я спросил проф. Цагарели, как обстоит дело благотворительного общества петербургских грузин, и узнал, что членов общества почти совершенно не интересует это учреждение, денег они не вносят и общество ничего не делает. А посмотрите на поляков. Вчера член Государственного Совета, поляк, рассказывал мне об истории деятельности их общества... Сказать по правде, мне стало стыдно»¹. И все же враги И. Чавчавадзе не успокаивались и твердили о том, что поэт равнодушно смотрит на жизнь грузин, проживавших в Петербурге. Все это заставляло сердце И. Чавчавадзе сжиматься от боли. Неотвратно приближалась ужасная катастрофа, но Илья Чавчавадзе еще не вполне осознавал это. Зато душа его верной супруги Ольги была полна тяжелых предчувствий. Когда завершилась вторая сессия Государственного Совета, лишившая поэта всякой надежды на демократизацию общественной жизни царской России, он поспешил на родину. Друзья советовали ему не возвращаться в Грузию, поскольку там было напряженное положение, уговаривали остаться в Петербурге, поселиться в Царском селе или где-либо за городом. Ольга тоже не хотела возвращаться. Однако сам И. Чавчавадзе с обычным для него упрямством твердил: «Как можно?! Я столько времени не был в Грузии!.. Если не проведу там лето, не повидаю свою страну, как я выдержу здесь целую зиму? Разве много мне осталось жить? Обязательно поеду... Чего или кого мне бояться?... Что должно меня там пугать? В Грузии мне никто ничего не сделает. Разве здесь я не больше должен бояться?... Не бойтесь, осенью мы снова будем вместе. Приеду молодцом»².

В первых числах июля И. Чавчавадзе вместе с Ольгой был уже в Грузии. Только два месяца оставалось до цицамурской трагедии...

Знакомясь с документами того времени, сопоставляя и анализируя их, мы хотели с безошибочной точностью представить все, что тогда происходило. Факты свидетельствуют о том, что в последние годы жизни поэт уже предчувствовал надвигающуюся катастрофу, он стал молчаливым, задумчивым и печальным.

Артур Лайст, который с 21 по 27 августа рокового 1907 года гостил в Сагурамо у Ильи Чавчавадзе, подтверждает это: «Он был печален, жаловался на недомогание, его очень беспокоили дурные вести, поступавшие из разных уголков Грузии. Вообще я заметил упадок сил у Ильи и ту вспыльчивость, которая характерна для пожилого возраста. Он, как я заметил, утратил прежнюю любовь к общению и беседе с друзьями»³.

Это настроение, видимо, уже не носило эпизодический характер. Сердце поэта было охвачено глубокой грустью, невысказанной печалью. «Иногда, — писал Лайст, — по вечерам он долго сидел молча на балконе. Раньше, бывало, одно мое веселое замечание оживляло его, теперь же все мои попытки были тщетны. За все шесть дней моего последнего пребывания в Сагурамо я не видел улыбки на его лице. Прогуляйтесь немного, сказал я ему однажды вечером, моцион очень полезен. Что может принести мне пользу, когда, возможно, жить мне осталось всего каких-нибудь два года, задумчиво отвечал мне Илья»⁴.

К сожалению, Илье Чавчавадзе оставалось всего каких-нибудь два дня до приближения страшного мгновения. «Я не узнавал Илью, — писал Артур Лайст, — его уже не увлекала природа» (хотя, как пишет сам Лайст, «солнце весело освещало горы Сагурамо, лес и сады, уютный домик ласково выглядывал из зелени деревьев»). Его уже не занимали беседы, и он почти ни разу не заговорил о литературе»⁵. С его уст, оказывается, часто слетало слово «неблагодарность», как единственный ответ по адресу тех, которые отравили великому поэту последние годы жизни.

Трудно без волнения читать последние страницы воспоминаний Лайста. За три дня до убийства поэта, в понедельник, «27 августа утром Илья, княгиня

¹ М. Болквадзе. Из недавнего прошлого. — Журн. «Ганатлеба», 1908, № 3—4, с. 132 (на груз. яз.).

² Артур Лайст, Последние дни Ильи Чавчавадзе. — Сборн. «Смерть и похороны Ильи Чавчавадзе», 1907, с. 86 (на груз. яз.).

³ Там же, с. 86—87.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Слыга и я, — пишет Лайст, — отправились на фаэтоне в Тифлис. Утро было хмурое, облачное, и вскоре после нашего отъезда начался сильный дождь. Фаэтон был открытый, и мы сильно промокли.

В том месте, где через три дня произошло ужасное убийство, по обе стороны дороги расстел редкий лес. Когда мы там проезжали, у меня почему-то дрожь прошла по телу. Илья был с нами, и я, разумеется, не мог себе представить, что кто-либо дерзнет поднять руку на престарелого поэта, гордость грузинского народа.

Илья задумчиво сидел напротив меня и несколько раз повторил, что боится простудиться. Княгиня Ольга сидела бледная и печальная, и вообще эта наша последняя поездка была грустной. Когда подъехали к железнодорожному мосту, погода улучшилась, и настроение у нас немного поправилось.

В дигомском духане мы отдохнули и перекусили. Илья повеселел и стал более разговорчивым. Показалось солнце и озарило знакомую местность, где мы часто вместе гуляли. Развеселившись, мы сели за неприхотливый стол и вспоминали о прошлом. Это была наша последняя сердечная беседа. И когда он улыбался, мне казалось, что сердце его смеется, но как-то несмело, в смятении¹.

Через час старые друзья расстались на Ольгинской улице. Был понедельник. Во вторник или в среду И. Чавчавадзе должен был возвратиться в Сагурамо. Ослабевший организм его плохо переносил тбилисскую августовскую жару. Роковое возвращение было отложено до четверга, несмотря на то, что поэт хотел вернуться в Сагурамо в тот же вечер, в понедельник.

Даже если бы он уехал на второй день, его убили бы 28 или 29 августа, потому что убийцы были уже готовы и укрылись в Цицамурском лесу, поджидая свою жертву. В понедельник, вторник и среду Илья Чавчавадзе вместе с супругой находились в Тбилиси. После возвращения из Петербурга поэт почти все время жил в Сагурамо и 27 августа, перед отъездом в Тбилиси, сказал: сегодня же вечером вернусь обратно. В Сагурамо остался моурав Дмитрий Джаши (который уточнял план убийства), а также родственник поэта князь З. Чавчавадзе, гостивший у него целый месяц. В тот же день Джаши принял все меры для того, чтобы И. Чавчавадзе был убит во время возвращения, но поскольку поэт задержался в Тбилиси, осуществить этот план не удалось. Соучастники убийства уже не знали точно, когда он вернется. Но произошло непредвиденное: преданный слуга поэта Яков Битарашвили неожиданно в среду возвратился в Сагурамо и во всеуслышание сообщил, что Илья вернется в четверг 30 августа в час дня². Яков в тот же день отправился обратно в Тбилиси, а Джаши принял меры к тому, чтобы убийцы, которые находились в засаде в Цицамурском лесу, были наготове к моменту появления экипажа.

30 августа, в четверг, в 10 часов утра Илья Чавчавадзе и его супруга в том же экипаже, в котором они три дня назад вместе с Лайстом ехали в Тбилиси, направились в Сагурамо. Ольга возражала против этой поездки, считая ее опасной, но поэт, не послушавшись своей супруги (как уже отмечалось выше, она не хотела уезжать даже из Петербурга). Когда они подъехали к тому месту, где ныне находится площадь Героев (в то время там был овраг), неожиданно поднялся ветер и сорвал с Ольги головной платок. Суеверная Ольга сочла это дурным предзнаменованием и попросила мужа вернуться, но он вновь отказался. Примерно в час дня они подъехали к роднику, носящему ныне имя поэта. Здесь их должен был встретить моурав Джаши. Илья Чавчавадзе дождал его немного, а затем, обиженный на то, что моурав не встретил его, приказал кучеру Тедо Лабаури ехать дальше. Лабаури был подкуплен, он знал, что жить Илье Чавчавадзе оставалось недолго: от родника до того места в Цицамурском лесу, где погиб поэт, было 15—20 минут езды. Джаши нарочно не явился к роднику, не желая быть непосредственно замешанным в убийстве. В тот день, оказывается, с самого утра он время от времени залезал на дерево, чтобы увидеть, везут ли убитого поэта.

¹ Артур Лайст. Последние дни Ильи Чавчавадзе. — Собрн. «Смерть и похороны Ильи Чавчавадзе», 1907, с. 88—89.

² Собрн. «Смерть и похороны Ильи Чавчавадзе», с. 17.

Продолжение следует

Баски и грузины

В конце XVIII и начале XIX века многие западноевропейские ученые касаются проблемы родства грузинского языка с языком древнейшего населения Испании. Они опираются на выдвинутую в памятниках античной литературы точку зрения о возможном родстве восточных и западных иберов и высказывают ряд определенных соображений относительно связей между грузинским и баскским языками.

Высказывания древнегреческих и римских авторов засвидетельствованы в энциклопедии Петити, где признано, что родство древних иберов вызывает в науке огромный интерес и эта проблема нуждается в дальнейшем исследовании.

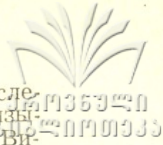
О родстве между языком испанской Иберии и грузинским сравнительно подробное рассуждение представлено в изданном на итальянском языке в 1784 году «Каталоге языков» испанского филолога Лоренцо Эрваса, где говорится о единстве языков иберов Азии и Европы. Эрвас ссылается на авторов античной эпохи и придерживается гипотезы, согласно которой Восточная Иберия была колонией Западной Иберии. По его мнению, древние испанцы, представлявшие собой активную силу в средиземноморском бассейне, достигли Востока и основали колонию на Черноморском побережье. Автор приходит к выводу, что в словаре Паолини лексические материалы, сходные с баскским языком, представлены весьма скудно, да и то, что представлено, еще нуждается в проверке, тогда как интересные аналогии следует искать в диалектах грузинского языка. В дальнейшем Эрвас отказался от баскско-грузинских исследований и даже считал сомнительным родство древних иберов. И все же Эрвас явился первым европейским исследователем, четко поставившим вопрос о необходимости сопоставительного изучения грузинского и баскского языков¹.

Баскско-кавказские параллели приводятся также и в трудах других ученых начала XIX века.

Выдающийся ориенталист Генрих Клапрот, адъюнкт Российской Императорской Академии наук, а впоследствии — профессор Парижского университета, в своем известном «Путешествии», где, между прочим, излагается история грузинского народа с древнейших времен до присоединения к России, приводит баскско-грузинские лексические соответствия. Аналогичный характер носят наблюдения А. Абада, приведенные во «Введении к баскской грамматике». Испанский филолог и историк Фидель Фита на основе анализа глагольных форм и системы счета ставил вопрос о баскско-грузинских генетических связях (1879).

Вильгельм Гумбольдт отмечал: «Баски — племя иберийского происхождения; кавказские и пиренейские иберы имеют общее происхождение. Баски — выходцы из кавказской Иберии через Малую Азию».

¹ Ср.: Н. К. Орловская. Грузия в литературах Западной Европы XVII—XVIII веков. Тбилиси, 1965, с. 284.

Профессор Венского университета Фридрих Мюллер выдвинул следующее положение: «Кавказские языки не связаны с индоевропейскими языками, но мы не сможем отнести их и к семейству урало-алтайских языков. Видимо, кавказские языки — наподобие баскского в Западной Европе — являются остатками гораздо более крупной группы языков, распространенной на Кавказе и к югу от него до тех пор, когда здесь распространились семитические, арийские и урало-алтайские племена». Таким образом, по концепции Мюллера, на Кавказе и к югу от него наиболее древний — по времени распространения — языковой мир образовала многочисленная группа кавказских языков.

В известной книге Ф. Мюллера «Введение в языковедение» (1885) говорится о характерных чертах кавказских языков и проводятся некоторые параллели с баскским языком (отмечены показатели объекта в глаголе).

Положения, выдвинутые Ф. Мюллером, разделял профессор Петербургского университета А. Цагарели.

В 1872 году он говорил: «Грузинский язык (равно как и другие кавказские языки) не имеет генетической связи с индоевропейскими языками, но не может быть причислен и к урало-алтайским. Он подобно баскскому в Европе, по всей вероятности, есть остаток некогда весьма многочисленной группы, распространенной на Кавказском перешейке еще до прихода семитских, сирийских и урало-алтайских племен на Кавказ и на юг от него»¹. Как видим, эта формулировка представляет собой редакционную разновидность положения Мюллера. Профессор Цагарели признавал, что вопрос о родстве грузинского языка решится тогда, когда в результате сравнительно-исторического анализа будет восстановлен архетип картвельских языков.

Большой интерес к проблеме родства баскского и картвельско-кавказских языков проявляют видные ученые конца XIX и XX веков — баскологи, картвелологи, специалисты языков древнего Востока.

По словам известного норвежского лингвиста профессора Ганса Фогта, «баскско-кавказская гипотеза вообще пользуется большой популярностью не у одного и двух поколений исследователей. Она как гипотеза часто упоминается в трудах и учебниках популяризаторов, и с этим нужно считаться. Популярность этой гипотезы объяснить нетрудно. Одной из причин бесспорно является тот факт, что, несмотря на настоятельные попытки, никто не смог связать баскский и упомянутые кавказские языки с какой-либо другой известной лингвистической семьей. Такое положение может возбудить только любознательность лингвистов, тогда как находящаяся в центре внимания сравнительной лингвистики гипотеза о связи двух групп, изолированных друг от друга и лежащих к западу от древнейшего мира, сама по себе кажется нам, — продолжает Фогт, — так сказать, красивым решением. Вместо двух изолированных групп у нас была бы большая баскско-кавказская семья, охватывавшая все то огромное пространство, которое впоследствии заняли индоевропейские языки. Зато идея переселения на иберийский полуостров прото-баскских азиатских языков не была бы абсурдной. По археологическим данным пиренейских стран III тысячелетия до н. э. мы считали ее допустимой».

Надлежащее место уделялось и уделяется баскско-кавказской проблеме в энциклопедиях, словарях и справочной литературе исторического, географического, этнографического характера и т. д., опубликованных на русском, западноевропейских языках и в Америке.

Особенно большие заслуги в исследовании баскских и картвельско-кавказских взаимоотношений принадлежат известным лингвистам Западной Европы (академикам и профессорам) — Шухардту, Тромбетти, Уленбеку, Винклеру, Дюмезилу, Боуда, Лафону, Брауну, а также Фита, Диру, Полаку, Фогту и другим. Из советских баскологов надо назвать Марра (в особенности), Шишмарева, Быховского, Жиркова, Зыцаря. Баскский считает родственным картвельско-кавказским языкам А. Чикобава.

Твердую основу сравнительному изучению баскского и грузинского языков заложил величайший авторитет лингвистической науки XX века, исследователь романских языков, член Академии наук Грац Гуго Шухардт, который обратил внимание на баскский как на попавший в окружение романских языков языковой мир абсолютно отличной типологии. Ему было известно, что была высказана мысль о родстве древних иберийцев, и вот с целью исследования баскского языка он взялся за изучение грузинского языка, опубликовал замечательные картвелологические исследования, которые и сегодня не утратили своей ценности и научных достоинств.

¹ Журнал Министерства Народного Просвещения, 1872 (сентябрь).

В 1895 году Гуго Шухардт опубликовал в Вене труд о грузинском языке, где отметил, что у грузинского есть «внутреннее родство» с баскским. Позднее Шухардт говорил: «Грамматика — это костяк языка, тогда как лексика — его мышцы. Где же, в этом случае, нервы? Здесь им соответствуют внутренние формы. Но внутренние формы свидетельствуют об изначальном родстве», а не о своеобразных особенностях, выработанных в результате исторического развития языков. Думаем, этот аспект подразумевается автором, когда он говорит, что «внутреннее родство» связывает баскский и грузинский языки.

Г. Шухардт отмечал, что грузинский — единственный литературный язык среди кавказских языков, его памятники относятся к очень раннему времени, и поэтому грузинский язык должен быть исходным для сравнительного изучения картвельских языков (термину «картвельские» мы отдаем предпочтение перед «иберийскими»). Во избежание двусмысленности Шухардт добавлял: «Этой моей работой я обращаюсь к грузинам: я попытался убедить их в том, насколько большое значение имеет их язык для нас, иностранных исследователей, и хотел бы, чтобы они откликнулись на наши научные стремления, оказав конкретную помощь».

Г. Шухардт ставит вопрос о том, какое место принадлежит грузинам (и вообще кавказцам) в средиземноморской расе. По его мнению, с кавказским миром связаны три расы: индоевропейская, семито-хамитская и баскская. В связи с тем, что, по заключению некоторых ученых, кавказские языки не родственны ни одной языковой семье, Шухардт замечает, что «мы можем доказывать только родство, а не отсутствие родства между восточноиберийским и западноиберийским. Не говоря уже о названиях, чему я не придаю значения, имеет место своеобразное внутреннее единство», — добавил Шухардт. «Между грузинским и иберийским (в Испании) языками в некоторых отношениях существует тесная связь, но и баскский язык на совершенно ясных основаниях был отнесен к хамитской группе языков. Потому возможно, что эти языки имеют один общий корень». В более поздних работах Шухардт отмечал, что восточные иберы в глубине веков проявляют определенную связь с западными иберами, но, несмотря на некоторую субъективность мнения, согласно которому названия «мосхов» и «абхазов» можно считать вариантами названия «басков», я все же полагаю, что западная «Иберия», возможно, происходит из названия реки «Иберус», а восточная «Иберия», возможно, представляет собой модификацию названия «ибер» (множ. «иберни»)¹. Автор обосновывал положение о том, что «баскский по существу представляет продолжение и развитие иберийского». «Идентичность иберийского и баскского была принята под влиянием огромного авторитета Шухардта» (Фогт).

Г. Шухардт обратил внимание на то, что грузинский и баскский глаголы имеют ряд одинаковых особенностей; в частности, это можно сказать о структуре переходного глагола. В баскском, подобно грузинскому (и некоторым другим кавказским языкам), реальный субъект переходного глагола ставится в эргативе. Падеж субъекта же отличается в соответствии с тем, переходен глагол или непереходен. При непереходном глаголе субъект ставится в именительном падеже, а при переходном — в специфическом падеже — эргативе.

Объект переходного глагола (ближайший объект, т. н. «прямой объект») стоит в именительном, то есть в том падеже, в котором при непереходном глаголе стоял субъект. Это — тоже общее свойство баскского и иберийско-кавказских языков. Данная особенность свидетельствует о структурной однородности этих языков, об их внутреннем родстве. Г. Шухардт основательно изучил особенности строения грузинского языка и сделал ряд заслуживающих внимания наблюдений. Он является сильным теоретиком, обладающим широким кругозором, а также выдающимся мастером глубокого анализа языковых фактов².

Г. Шухардт подробно останавливается на вопросах ударения и отмечает, что ударный слог в грузинском языке отличается так же слабо, как в лабурдском диалекте баскского языка. Отысканы параллели и в системе склонения. Отмечено, что падежные окончания и послелого сливаются как в грузинском, так и в баскском и т. п.

Г. Шухардт подчеркивал сложность строения грузинского и баскского глаголов и говорил, что было бы хорошо, если бы грузинское товарищество, которое преодолело рамки изящной словесности и издало «Полную книгу»

¹ Г. Шухардт. Баскский язык и языкознание.— «Избр. статьи по языкознанию», перевод с немецкого, М., 1950.

² А. Чикобава. История изучения иберийско-кавказских языков, 1965, с. 262—264.

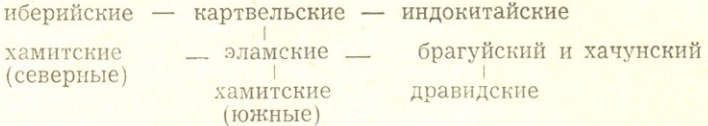

грузинской и европейской пище», преподнесло европейским гурманам грузинский глагол так, как его понимают сами грузины. Даже если бы это не дало быстрых результатов (у него — блестящего металла), это все же была бы еще одна ступень той лестницы, с вершины которой когда-нибудь станет возможно увидеть происхождение своего народа.

Г. Шухардт «установил несколько поразительных соответствий между баскским и кавказскими языками и вместе с тем везде указал на менее ощутимые соответствия между баскским и хамитскими языками» (Фогт).

Работы Шухардта положили начало целому этапу в баскологии. Этот авторитетный исследователь общего языковедения неоднократно отмечал, что данные баскского языка позволяют пролить свет на целый ряд вопросов теоретической лингвистики, имеющих кардинальное значение. Среди тех проблем, которые возникают при исследовании баскского языка, по словам Шухардта, особое значение имеют узловые вопросы, связанные со временем древнейшей истории и предыстории европейских народов.

Профессор Болонского университета, выдающийся итальянский языковед Альфредо Тромбетти разделяет положение Шухардта о «внутреннем родстве» грузинского и баскского языков («Письма к профессору Гуго Шухардту», 1902, и др.). Он помещал картвельские языки в одной плоскости с семито-хамитскими и баскским языками. По мнению Тромбетти, кавказские языки вместе с баскским, этрусским и древними исчезнувшими языками Передней Азии образуют один общий круг. Знаменитый ученый углубляет свою теорию в нескольких специальных работах и представляет генеалогическую схему определенного круга языков. Вот эта схема:

Родственными кавказским языкам Тромбетти считал, в частности, урартский, митаннийский, хеттский, килийский вместе с баскским.

Для Тромбетти из исходным положением было общее происхождение языков всех народов. Отсюда понятно, что проделанные им баско-кавказские противопоставления несколько теряют свою ценность, поскольку эта точка зрения отрицает резкое различие между общностью структуры и лексическим сходством, которое вызвано общим происхождением. Говоря словами Н. Марра, А. Тромбетти уже геометрическими фигурами изображает генеалогические взаимоотношения между языками Южной Африки, Пиренейского полуострова и кавказскими. Он свободно (упрощенно) подходил к проблеме родства языков и потому легко находил тесное родство между египетско-берберской или северо-хамитской группой и баско-кавказскими языками. Таким образом, он получал своеобразный треугольник, вершина которого (т. е. место возникновения трех наиболее близко стоящих этнических единиц) могла находиться в Северной Африке!

И. Джавахишвили при оценке этой концепции отмечает, что А. Тромбетти допустил большую ошибку, захотев сразу доказать родство грузинского, баскского, кавказских и хамито-семитских языков, и усложнил тем самым и без того сложный предмет, — настолько захватила и очаровала его мысль, мимоходом высказанная Шухардтом (который, как известно, защищал и баско-хамитскую теорию).

После Шухардта и Тромбетти баско-кавказские взаимоотношения языков исследовал известный голландский ученый К. Уленбек. Его первая работа о баском языке была опубликована в 1904 году.

Уленбек дает следующую оценку своим предшественникам, исследователям-баскологам:

«Ученые, которые, по исключении Шухардта, требуют к себе наибольшего внимания, это Тромбетти и Винклер. Одновременно решительно указываю на то, что сравнения Винклера были сделаны им самим независимо от Тромбетти. Невнимание к своим предшественникам, как то наблюдается у Винклера, имеет, может быть, одну ту хорошую сторону, что эти самостоятельные изыскания различных языковедов приводили многократно к одним и тем же результатам. Как знать также, в сколь многочисленных случаях петербургский яфетитолог Марр приходил, независимо от Тромбетти, к тождественным выводам».

Несколько ниже сказано:

¹ Н. Марр. О яфетическом происхождении баскского языка, — Известия Академии наук, 1920, с. 191.

УДК 37.013.3
1933

«Не будем, однако, поспешны, скорее подождем, какой свет бросят яфетологи (имеется в виду школа Н. Марра. — Ш. Д.) на баскско-кавказскую и связи с нею и баскско-хамитические проблемы».

Научное кредо К. Уленбека хорошо видно из приводимой таты:

«То обстоятельство, что баскская лексическая сокровищница проявляет очень много точек связи с языками Северной Африки, естественно не исключает того, что между баскским и палеокавказскими языками может также находиться довольно значительное число схожих слов. В самом деле имеются бесспорно некоторые слова в баскском, которые сравнивались с палеокавказскими. Я не думаю утомлять вас перечнем всех (22) сближений; я считаю, однако, своим долгом по крайней мере выбрать из них наиболее меткие и предложить на ваш суд и размышление».

С точки зрения исследования взаимоотношений между баскским и палеокавказскими языками, особенно важными являются следующие замечания Уленбека, имеющие методологический характер:

«Нужно признать, что грамматическая система баскского, поскольку дело касается внутреннего его существа, проявляет поразительные психологические аналогии, но, мы повторяем это, аналогии сами по себе ни в малейшей степени не доказывают генетического родства. Они должны быть поддержаны доказуемыми возможностями тождества материальных, грамматических элементов и т. д. ...Однако звуки баскского и между собою расходящихся палеокавказских языков выявляют в такой степени осложненную историю изменений, что закономерность звуковых соответствий ускользает от нашего взора из-за этой сложности, так что порой заметное закономерное течение звуков в большом масштабе нарушается нарочитой или намеренной неприкосновенностью их. Подобные нарушающие влияния действительно должны быть учтены нами при сравнении баскского с хамито-семитическими языками, а также, может быть, при сравнении с палеокавказскими. При их наличии иначе никогда нельзя доказать строго методически генетическую связь».

К. Уленбек одним из первых дал систематическое сопоставление лексического материала баскского и кавказских языков. Ему принадлежит до семидесяти баскско-кавказских этимологических наблюдений, определенная часть которых разделяется специалистами и в настоящее время. Его работа для многих исследователей послужила стимулом к проведению работы аналогичного характера.

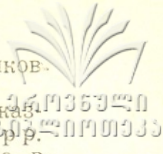
Академик В. Шинмарев отметил, что Уленбек недостаточно хорошо разобрался в вопросах сравнительной грамматики кавказских языков и что данное обстоятельство наложило определенный отпечаток на его баскско-кавказские штудии.

Начиная с 1909 года баскологическая литература обогатилась важными работами немецкого лингвиста Генриха Винклера.

Следует особо отметить наблюдения Винклера над баскско-абхазскими местоимениями, показателями лица в глаголе, над образованием каузативных форм и другие.

Академик Н. Марр в книге «Чем живет яфетическое языкознание?» (1923) подробно останавливается на достоинствах и недостатках работ Винклера, посвященных исследованию баскского и кавказских языков. Здесь, возможно, не будет лишним сослаться на одно его высказывание из этой книги (с. 22):

«Такой во многих отношениях заметной работой является маленькая, но весьма содержательная книжка немецкого профессора Генриха Винклера «Баскский язык и переднеазиатско-средиземноморской круг народов и культур». В статье, которая вскоре увидит свет, я отдельно касаюсь слабых сторон этой книжки, причем вынужден обличить большую несправедливость ученых кругов в отношении совершенно справедливого положения Винклера: Винклер доказывал родство между баскским и кавказскими языками. Его упрекали в незнании языков Кавказа. И правда, Винклер не обладал глубоким знанием кавказских яфетических языков, как мы это теперь понимаем, и в частности — не имел даже начального знания грузинского языка, но у противников его не было даже такого понимания кавказских языков, какое было у Винклера, и поэтому получилось так, что они объявили работу Винклера бесплодной для научного исследования, хотя в ней был правильно поставлен интересующий нас вопрос и прекрасно освещены некоторые явления. Винклеру мешало главным образом то, что, как и все языковеды, представляющие господствующее учение, он искал простое родство, распознавал в баскском и кавказских языках простые типы и не имел представления о типах скрещиваемых языков и об их правильном анализе, а также о том, что

скрещивание надлежит выяснять и среди языков одной семьи, и среди языков разных семей».

В истории изучения взаимосвязи между баскским и картвельско-кавказскими языками особое место занимает советский ученый академик Н. Я. Марр.

Из баскологов старшего поколения Н. Марр был единственным, кто в совершенстве владел сопоставляемым языковым материалом: он великолепно знал иберийско-кавказские языки (особенно картвельские) и вместе с тем неплохо разбирался в структуре и лексике баскского языка, по тогдашнему уровню его изучения, был знаком со специальной литературой и во время длительных научных командировок в страну басков на месте проводил наблюдения над особенностями баскской живой речи.

Вместе с этим нужно сказать следующее.

Яфетическая теория Н. Марра претерпела известную эволюцию. В первом периоде ее развития «яфетическими» были картвельские или иберийские языки (некоторые выродившиеся языки Передней Азии также относились к этой группе, но из живых языков только картвельские назывались яфетическими). Хронологические рамки этого этапа — 1908 — 1916 гг. В течение второго периода круг яфетических языков расширяется: помимо картвельских в него входят также абхазско-адыгейский, чеченский и дагестанские языки. Этот кавказологический период продолжался с 1916 по 1920 год. В третьем периоде яфетический круг выходит за пределы Кавказа: в него входят мертвые языки Передней Азии и Средиземноморского бассейна (пеласгийский — на Балканском полуострове, этрусский — на Апеннинском полуострове) и живой баскский язык (на Пиренейском полуострове). Этот период эволюции яфетической теории получил название медитерренского. Продолжался он с 1920 по 1923 год. В 1923 году было выдвинуто принципиально новое положение: индоевропейские языки — трансформация яфетического языка. Это означает, что не существует языковых семей, отличающихся своим происхождением, — различия вызваны не генезисом, а степенями развития, представленными в той или иной группе языков. Генеалогической классификации языков была противопоставлена классификация стадияльная¹.

Проблема баскского языка входит в круг научных интересов Н. Я. Марра в так называемый медитерренский период развития яфетической теории. С точки зрения исследования генетического соотношения баскского и иберийско-кавказских языков, именно этот период — наиболее интересный и в своей существенной части — ценный для науки. В период стадияльной классификации языков, когда на смену сравнительно-историческому методу пришел так называемый палеонтологический (четырёхэлементный) анализ, баско-кавказские параллели лишились научной основы и в указанную проблематику была внесена полная путаница, вызванная фантастическими этимологиями. Понятно поэтому, что мы обойдем стороной этот период развития марровского учения и остановимся лишь на тех работах, в которых вопрос взаимоотношения языков (resp. баскско-кавказская гипотеза) рассмотрен в аспекте генеалогической классификации.

Н. Марр посвятил проблемам баскологии немало работ, опубликовал специальные исследования²; кроме того, отдельные соображения и высказывания встречаются и во многих других его работах.

Баскологическими проблемами Н. Марр заинтересовался еще в студенческий период. В 1920 году он говорил: «Еще студентом пробовал я ознакомиться с баскским языком. Руководимый знаниями и исходя из материалов лишь грузинской речи... я тогда отошел от него без сколько-нибудь яркого впечатления в пользу яфетидизма. В то время, впрочем, яфетидизм сводился у меня собственно к грузинизмам в зависимости от указанной материальной моей подготовки»³.

В протоколах заседаний Российской Академии наук отмечено, что в 1920 году Н. Марр приступил к составлению грамматики баскского языка⁴.

¹ Ср.: А. Чикобава. История изучения иберийско-кавказских языков, 1965, с. 327—328 (на груз. яз.).

² К этим специальным работам относятся: «О яфетическом происхождении баскского языка» (1920), «Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию» (1921), «К вопросу о префиксовых образованиях в баскском языке» (1924), «Из поездки к европейским яфетидам», «Две работы по баскскому языку», «Из Пиренейской Гурни» (1927) и другие.

³ Н. Марр. О яфетическом происхождении баскского языка. — Известия Российской Академии наук, VI серия, том XIV, 1920, с. 131.

⁴ Известия Российской Академии наук, VI серия, том XIV, 1920, с. 129.

В 1917—1918 гг. Н. Марр продолжает начатую в студенческие годы работу в области баскологии. Он дважды ездил за границу для изучения баскского языка и для работы над баскологической литературой (1920 — 1921 и 1922 — 1923).

Общее время пребывания в заграничных командировках в 1920 — 1923 гг. составляет примерно полтора года. За это время Н. Марр собрал богатейшие материалы, хранящиеся в настоящее время в его кабинете (в Ленинграде). Здесь имеются тексты, карточки, выписки, конспекты баскологических работ, неоконченные статьи, отдельные замечания и т. п. Опубликовать их ученый не успел¹.

Первую работу по интересующему нас предмету Н. Марр опубликовал в 1920 году в Известиях Российской Академии наук. Здесь сказано:

«Утверждаю, что баскский язык есть яфетический. Яфетически разъясняется не только по типологическим категориям грамматики, но и по воплощающим эти категории материалам — его фонетика, его морфология, в частности сложная система глагольных образований, в которой лингвисты до сих пор с особенным увлечением находили опору для сближения, и в пределах одних аналогий с некоторыми американскими языками. Яфетического же происхождения, при том определенной группы, и коренной состав лексического богатства живой речи басков»².

В начале двадцатых годов Н. Марр отмечал, что он в основном призван исследовать баскско-кавказское родство. В связи с характеристикой А. Тромбетти как басколога он говорил:

«Для нас, исходивших при построении всей системы теории яфетического языкознания из фактических данных родства яфетических языков с семитическими, связь коренных языков Кавказа, т. е. кавказских яфетических языков с хамитическими, понятно, не исключается, но сейчас, когда речь о баскском, у нас есть возможность утверждать более тесное и определенное родство с ним яфетических языков Кавказа».

Отсюда видно, что Н. Марр разделяет ранее выдвинутую в баскологии гипотезу о родстве баскского с хамитическими языками (вспомним, например, положение Гуго Шухардта о том, что баскский родствен в одно и то же время кармельско-кавказским и хамитическим языкам), только признает более глубокое родство между баскским и кавказскими языками.

Исходным моментом для исследований Н. Я. Марра служил постулат о скрещивании (смешивании) языков, красной нитью проходящий через его баскологическо-кавказологические штудии. Скрещенными являются яфетические языки Кавказа, скрещенным является баскский язык.

«Яфетическое языкознание утверждает о скрещенном типе яфетических языков Европы, в числе их и баскского; независимо от яфетического языкознания, о смешанности племенного типа басков, в связи с весьма ранним скрещением, говорят этнографы, уже о скрещении физическом говорят и антропологи. В иберском племени антропологи признают этническое скрещение тройное, брахицефальных с двумя видами долихоцефальных, и вторым долихоцефальным типом население Пиренейского полуострова объединяется с такими средиземноморскими островами, как Корсика, Сардиния и Сицилия»³.

Баскский язык, по концепции Н. Я. Марра, язык гибридный, спирантно-сибилянтный, в частности — сибилянтной разновидности шипящей группы, то есть именно такой, как сванское ответвление кавказских языков.

В книге, опубликованной в 1923 году, Н. Я. Марр отмечал, что в баскском языке сразу же ясно видны по крайней мере два письменных языка, один — подлинно баскско-месхский, а второй — иберийский, объясняемый более из мегрело-чанской группы. «Баскский, повторяю, не является простым типом первоначального племенного языка; это — сложный, скрещенный язык, и в нем один слой, один осадок состоит из иберийских элементов, смешанных с баскским. Однако на Пиренейском полуострове не одни только иберы и баски были яфетоязычными»⁴.

Сошлемся еще на одно высказывание из той же работы.

¹ Указываем фонды: 225, 346, 521, 342, 515, 345, 986, 349, 337, 522, 328, 1865, 336, 3141, 545 и многие другие (В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. Очерки его жизни и деятельности. Ленинград, 1949, с. 311).

² Н. Марр. О яфетическом происхождении баскского языка, с. 133.

³ Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры, 1920 (цитируем по изданию: «По этапам развития яфетической культуры», 1926, с. 85).

⁴ Н. Я. Марр. Чем живет яфетическое языкознание, Петроград, 1923, с. 34.

«Теперь уже недостаточно сказать, — пишет Н. Марр, — что баскский принадлежит к семье яфетических языков и, между прочим, родствен яфетическим языкам Кавказа, например, грузинскому, мегрельскому, сванскому, абхазскому, бацбийскому (цова-тушинскому), лезгинскому и другим. Некоторые кавказские племена, говорящие на яфетическом языке, составляют часть басков или месхов, например абхазы и бацбийцы или цова-тушины, и следует полагать, что родство их языков с баскским — теснее, ближе. Некоторые кавказские народы, говорящие на яфетическом языке, представляют племя, смешавшееся с басками или месхами», — например карты и сваны, и «отношение к ним баскского в одной части тоже более тесное, особенно близкое и, конечно, нуждается в соответствующем сложном исследовании». Баскский можно связать и с доарийским слоем гибридного армянского, который по своему строению относился к яфетическому типу¹.

Н. Марр подчеркивает, что генетическое увязывание баскского с картвельско-хамитическими языками сталкивается с большими трудностями, поскольку вследствие исторического развития баскский язык в значительной мере изменил свой облик и заметно отклонился от своей первоначальной структуры, — разве что только путем углубленного анализа можно выявить его генезис. «Тот, кто не предупрежден о действительности, сочтет разыскание баскских элементов в смешавшихся с ним кавказских языках... легким делом. Ожидания такой легкости действительно следует остерегаться», поскольку «баскский язык в своей дошедшей до нас воплощенности... является сложным, скрещенным языком и действительный баскский представляет собой только одно, коренное отложение в этой сложности, причем и оно, конечно, в значительной мере отошло от своего первоначального вида» (с. 34). Иначе говоря, в структуре баскского языка, благодаря различным языковым наслоениям, настолько стерты и затемнены черты субстрата, что восстановление первоначального облика и его генетических связей с другими языками сталкивается с большими трудностями.

¹ Н. Я. Марр. Чем живет яфетическое языкознание, Петроград, 1923, с. 32.

Продолжение следует

50 лет назад, 26 июня 1927 года, вступила в строй первая крупная гидроэлектростанция Советской Грузии и Закавказья — Земо-Авчальская ГЭС, построенная по ленинскому плану ГОЭЛРО. Постановлением ЦИК ССР Грузии ей было присвоено имя В. И. Ленина.

Нугзар ГОГИБЕДАШВИЛИ

ПЕРВЕНЕЦ

МОИ отец, Георгий Семенович Гогибедашвили — ветеран строительства ЗАГЭСа, проработал электрослесарем всю жизнь на этой гидроэлектростанции. Я вырос в поселке загэсовцев, многие из которых первыми пришли на болотистую землю, заросшую непроходимым колючим кустарником, чтобы построить на ней электростанцию. Все, кто сейчас знают большой, городского типа поселок ЗАГЭСа, благоустроенный, утопающий в зелени, с заасфальтированными улицами, прекрасными жилыми домами, школами, детскими садами, клубами, спортплощадками и магазинами, наверное, с трудом представляют себе, с чего все начиналось.

Жизнь и труд загэсовцев, их славная история привлекли меня как историка, и я начал собирать материалы и документы, связанные с рождением и становлением этой первой крупной электростанции Советской Грузии.

Советская Грузия получила весьма тяжелое наследство. Империалистическая война, а затем господство буржуазно-националистических партий и иностранных империалистов довели экономику Грузии до катастрофы. Это создало невероятные трудности для трудящихся республики, взявшихся с первых дней победы Советской власти за восстановление разрушенного хозяйства.

В 1921 году, в результате национализации электростанций, в ведомство управления ими перешло 17 объектов малой мощности. Большая часть этих станций выбыла из строя по причине полного обветшания их технологического оборудования.

Со всей остротой встал вопрос снабжения Тбилиси электроэнергией. Возни-

кала также опасность прекращения доставки питьевой воды горожанам из-за плохой обеспеченности Авчальского водопровода электроэнергией.

Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии, осуществляя мероприятия по снабжению столицы электроэнергией, поручил Гидрострою ВСНХ Грузии немедленно приступить к разработке проекта мощной гидроэлектростанции для города Тбилиси. На основе предложения инженера Н. Н. Мелик-Пашаева был разработан проект мощной гидроэлектростанции, которую предполагалось выстроить между Мцхета и Авчала.

«Не дай мне бог заночевать между Мцхетой и Авчалой», — говорили когда-то местные жители.

Еще с давних времен эти места именовались «АВИ ЧАЛА» (Злая роща).

Существовала легенда о том, как солнцеликая царица Тамар посетила Крестовый монастырь. Спускаться с горы царица изволила напрямик, пешком, по крутой тропке. Труден был путь через топи и густой колючий кустарник. Выйдя на безопасное место и оглянувшись, царица увидела колючее поле, усеянное ключьями нарядов сопровождавших ее придворных красавиц.

— Что за злая роща! — молвила Тамар, продолжая путь.

Память людская сохранила этим местам название, данное Тамар, и народ издавна знал, что эти места — недобрые. Расположенные близ реки болота наводили ужас на путников. В народе распространилось поверье о злых духах, живущих в долине. Мало находилось смельчаков, рисквавших пройти близ этих мест.

В злом поле необузданно бесновался холодный ветер. От Авчала до «Пациант-Хеви» и дальше, вплоть до горных склонов, землю покрывал непроходимый кустарник, что делало невозможным использование этих мест для человеческих нужд.

Ветеран ЗАГЭСа, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Давид Геладзе вспоминает: «Я первый навсегда поселился на ЗАГЭСе. Полвека назад вокруг все было покрыто колючим кустарником, не было ни одного дерева, под сенью которого можно было бы спастись от зноя. После меня сюда помаленьку потянулись люди. Приезжайте сегодня к нам, чтобы увидеть, как преобразились эти места...».

Схема строительства ЗАГЭСа, представленная И. Н. Мелик-Пашаевым, в сравнении с другими существующими проектами, имела большое преимущество. Во-первых: строительный участок, расположенный между Мхета и Земо-Авчала, имел выгодные гидрографические, топографические и географические условия, в том числе такое преимущество, как близость к столице. Немаловажным фактором являлась и близость строительного участка к железнодорожному полотну и автомагистрали, что облегчало доставку строительных материалов.

По сравнению со станцией, работающей на дорогостоящем топливе, ЗАГЭС, построенная на белом угле, обещала большую экономическую выгоду.

Общая мощность ЗАГЭСа определялась в 36 тысяч киловатт, но при конечной детальной обработке проекта общая ее мощь была доведена до 54 тысяч киловатт.

Для полной нагрузки гидроэлектростанции предполагалось развитие города и близлежащих районов, снабжение дешевой энергией главных трамвайных мастерских, водопровода, железной дороги и имеющихся мелких промышленных предприятий города. Кроме того, была предусмотрена более далекая перспектива: применение гидроэнергии для орошения Дигомской и Самгорской долин, что способствовало бы развитию ценных культур в сельском хозяйстве. И самая дальняя перспектива учитывала электрификацию Сурамского перевала.

Задачи экономического развития Тбилиси и близлежащих районов легли в основу решения Президиума исполкома Тбилисского Совета от 17 мая 1922 года о строительстве Земо-Авчальской гидроэлектростанции на реке Куре.

Прошло 50 лет с тех пор, как Земо-Авчальская гидроэлектростанция вступила в строй, а мы мысленно возвращаемся к незабываемым событиям той поры.

20 июля 1922 года под председательством Ш. З. Элиава был создан Комитет по сооружению гидроэлектростанции в Земо-Авчала — КомЗАГЭС. Начальником работ был назначен выдающийся грузинский инженер, ученый и общественный деятель В. А. Чичинадзе, его помощником — автор проекта — инженер И. Н. Мелик-Пашаев.

На комитет были возложены организация всего строительства и ответственность за него.

10 сентября 1922 года для начала прокладки главного канала будущей электростанции под руководством С. Орджоникидзе и Ф. Махарадзе был проведен массовый субботник, в котором приняло участие свыше 4000 трудящихся республики. Субботник имел большое идейно-политическое значение — была заложена прочная основа строительства ЗАГЭСа.

Архитектурное решение центральной части ЗАГЭСа и некоторых других электросооружений принадлежало архитекторам А. Кальгину, М. Мачавариани и К. Леонтьеву.

В обсуждении проектов в свое время участвовали знаменитый грузинский историк И. Джаваишвили, профессор Г. Чубинишвили и архитектор Н. Северов.

Великий вождь Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин проявлял большой интерес к строительству ЗАГЭСа.

Шла оживленная переписка с руководителями нашей республики. 16 октября 1922 года В. И. Ленин писал С. Орджоникидзе: «Особенное внимание обратите на строительство ЗАГЭСа... Пришлите все материалы (для управления делами) и краткие отчеты (лично для меня)».

В. И. Ленин внимательно знакомился с материалами о ходе строительства ЗАГЭСа и счел необходимым незамедлительно выделить крупную сумму денежных средств в помощь строительству. Такая значительная помощь сыграла большую роль в своевременном и успешном завершении строительства ЗАГЭСа.

Главные работы по сооружению ЗАГЭСа начались в мае 1923 года: велась выемка деривационного канала, возводились вспомогательные и гражданские сооружения, прокладывались узкоколейные и железнодорожные пути, сооружались бараки, склады, конторы.

Для участия в строительстве главной плотины была приглашена на консультацию известная немецкая фирма «Сименс Баунион».

Молодому советскому инженерно-техническому персоналу и рабочим необходимы были опыт и навыки сильных специалистов в тех или иных, иногда, казалось бы, мелких, но весьма важных

с точки зрения успешного ведения работ новых методов и приемов производства. Ведь у нас еще не было опыта сооружения крупных электростанций. Сегодня же самый богатый в мире опыт энергостроительства — у Советского Союза.

Осенью 1925 года успешно закончилась постройка всех ответственных частей главной плотины. 6 августа 1925 года был заложен фундамент генераторного здания и начались работы по бетонной и железобетонной кладке всасывающих труб, спиральных камер турбин, подиума генераторов и стен самого здания, представляющего железобетонную рамную конструкцию с заполнением пустотелым кирпичом.

Работы эти были закончены к лету 1926 года. С того времени начался монтаж турбин и генераторов. В том же году были закончены земляные и скальные работы в напорном бассейне, приступили к устройству железобетонной передней стены бассейна, боковых бетонных подпорных стен и так далее. Этим и были завершены все работы на ЗАГЭСе. Таким образом, на выполнение основных работ по сооружению ЗАГЭСа понадобилось три с половиной года — с мая 1923 года по 1 сентября 1926 года. Срок рекордный.

По утвержденной в 1928 году финансово-технической смете фактическая стоимость Земо-Авчальской гидроэлектростанции составила 15.315.822 рубля 10 копеек.

Специальная экспертная комиссия под председательством профессора Веденева, прибывшая из Москвы в конце 1926 года, высоко оценила работы на ЗАГЭСе и сочла возможным скорейший пуск электростанции.

Торжественное открытие ЗАГЭСа, состоявшееся 26 июня 1927 года, вылилось в подлинно всенародный праздник.

На открытие ЗАГЭСа приехали председатель ЦИКа СССР Михаил Иванович Калинин, руководители Грузинской республики М. Орахелашвили, Ф. Махарадзе, Ш. Элиава, М. Цхакая, М. Кахиани, иностранные гости.

В 7 часов 15 минут вечера М. И. Калинин перерезал ленту на первой турбине и повернул руль, приводящий ее в движение. Вслед за первой заработали остальные турбины.

Участники митинга вспоминают: «Оркестр под управлением заслуженного артиста республики И. Палиашвили исполнил «Интернационал» и специально к открытию ЗАГЭСа написанную кантату «Слава ЗАГЭСу» композитора Мелитона Баланчивадзе. Сняли белое покрывало, и перед присутствующими предстал монументальный памятник великому вождю пролетариата Владимиру Ильичу Ленину».

О монументе, созданном выдающимся советским скульптором Иваном Шадром, профессор Паата Пугушвили пишет: «Монументальный скульптурный памятник В. И. Ленину, воздвигнутый в кольце гигантских сооружений ЗАГЭСа, не только произведение скульптуры; в глазах народа нашей эпохи это величественный символ ленинского плана электрификации нашей страны».

Постановлением Президиума ЦИК Грузинской ССР Земо-Авчальской гидроэлектростанции было присвоено имя В. И. Ленина.

За заслуги в деле строительства ЗАГЭСа инженеры В. Чичинадзе, И. Мелик-Пашаев, Б. Микеладзе по Указу Союзного ЦИКа были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Ввод в действие ЗАГЭСа заложил основу создания энергетической базы народного хозяйства Грузии. Источник дешевой электроэнергии способствовал развитию почти всех отраслей народного хозяйства. В 1926 году началось строительство Тбилисской суконной фабрики, а летом 1927 года — Каспского цементного завода. Началось и строительство предприятий местной промышленности Тбилисского исполкома. Была проложена сельская сеть электрификации Мцхета — Авчала — Глдани. Как и предусматривалось, началось орошение Дигомской долины. ЗАГЭС оказала большое влияние на ускорение электрификации Закавказской железной дороги. Известен и тот факт, что вслед за ЗАГЭСом началось осуществление второго смелого замысла — сооружение РионГЭСа, с пуском которой возникла Грузинская энергетическая система.

ЗАГЭС имела большое международное значение. Она наглядно отразила способность молодой Советской страны к великим свершениям, начисто опровергнув утверждение врагов Страны Советов, что большевики умеют лишь разрушать, а не созидать.

На этом полувековом пути у славного коллектива ЗАГЭСа — множество примечательных трудовых побед. Он героически трудился в суровые годы Великой Отечественной войны и после ее победоносного окончания прославил себя на поприще мирного строительства.

ЗАГЭС неоднократно занимала почетные места во Всесоюзном социалистическом соревновании. С честью провел коллектив ЗАГЭСа трудовую вахту в ознаменование 60-й годовщины Великого Октября, новой Конституции СССР. Сегодня ЗАГЭС держит верный курс на досрочное завершение десятой пятилетки.

НЕИЗВЕСТНЫЙ МАСТЕР?

В ТБИЛИССКОМ государственном музее искусств экспозиция грузинской станковой живописи начинается с портрета царевича Александра (неизвестный мастер, 1696 г., холст, масло. 136 x 103), первого фельд-цейхмейстера Российской империи, талантливого грузинского литератора. Портрет относится к концу XVII века и представляет собой единственное живописное полотно этого периода. Такой факт еще более увеличивает значение портрета, являющегося не только редким экспонатом, но и источником весьма ценной для истории грузинского искусства информации.

Говорить о живописном произведении, рассматривая его вне той культурно-художественной среды, в которой оно создавалось, очень трудно. Поэтому в подобных случаях атрибуционные поиски следует начинать именно отсюда.

Как мы уже отметили, автор портрета неизвестен. Картина датирована на русском языке. Учитывая этот факт, а также биографические данные царевича Александра (большую часть своей сознательной жизни он прожил в Москве), можно заключить, что портрет исполнен в Москве. В тот период здесь работали как местные, русские, так и европейские мастера. Нам известно и то, что в конце XVII века в Москве возникает довольно большая грузинская колония из многочисленной свиты царевича Ираклия (1652 г.), ряды которой пополнялись вновь прибывшими из Грузии политическими эмигрантами царской фамилии и сопровождавшими их именитыми и мелкими дворянами, художниками и крестьянами, среди которых наверняка были разные умельцы: писари, художники. Со свитой прибыл в Москву и сам царевич Александр (1684 г.). Таким образом, теоретически автором его портрета мог быть как европейский или русский, так и грузинский мастер.

Но стоит ли ставить вопрос о принадлежности этого портрета кисти европейского мастера, пусть даже перво-

классного (как не нередко и приезжали в Россию в ту пору)? Скорее всего нет. Портрет царевича Александра написан в условной плоскостной манере, близкой к принципам монументальной живописи. По своим художественным качествам этот портрет, выполненный в «архаичной» манере, стоит значительно

Портрет царевича
Александра. 1696 г.
(Холст, масло. Неизвестный
мастер).

выше большей части произведений, которые создавались второстепенными и третьестепенными европейскими художниками, и тем не менее ни один из них не стал бы писать в такой манере в силу своих профессиональных навыков и

убеждений. Следовательно, нам надлежит искать автора портрета среди русских или грузинских мастеров, к сожалению, не все их имена сохранились.

Прежде чем приступить к решению этой проблемы, надо установить, не относится ли портрет царевича Александра к «Преображенской серии», создававшейся в 1690 — 1700 годы? Портреты этой серии были писаны с людей из окружения Петра I. Серия создавалась для украшения Преображенского дворца в Москве разными мастерами, в основном из художественной мастерской при Оружейной палате.

Лицо, сопровождавшее Петра I в заграничную поездку 1697—1698 годов, изучавшее вместе с ним военное дело в Голландии и Англии, а по возвращении в Россию получившее (несуществовавшую до того в России) должность генерала фельдцейхмейстера, могло быть только из числа ближайшего окружения императора.

Исходя из этого, вполне вероятно, что портрет царевича Александра относился к «Преображенской серии». А если даже не принадлежал к ней, то, поскольку создавался в те же годы, его следует рассматривать на фоне той же культурно-художественной атмосферы, в сравнении с другими живописными произведениями своего периода. Это дало бы возможность определить уровень и художественное своеобразие портрета, и в свою очередь помогло бы выявить и национальный характер манеры его исполнения.

В конце XVII века в русском искусстве впервые возникает светский станковый портрет, так называемая «парсуна» (под этим названием несколько условно объединяется все русское портретное искусство допетровского времени), композиция которой была близка к иконам типа «Спаса Эмануила» и «Нерукотворного Спаса». Художники уже явно пытаются решить проблему сходства, в этих портретах ощущается светское начало, которое начинает постепенно оттеснять условную иконописную форму изображения, хотя техника их исполнения еще иконописная. «Парсуна», в известной степени, являет собой попытку самостоятельного создания русского портрета на основе местных художественных традиций. Но становление русского портрета пошло по другому пути, через приобщение к европейскому искусству. Переходящий этап от «парсуны» к портрету европейского типа (развитие которого в России связано с культурными преобразованиями петровской эпохи) представлен интересующей нас в данном случае «Преображенской серией».

Основная часть портретов этой серии по манере исполнения близка к «парсуне», т. е. в них все еще наглядно про-

являются иконописные художественные принципы, держащие мастеров в плену многовековой привычки. Своеобразием иной является художественная основа портрета царевича Александра. Как мы отметили выше, она очень близка принципам монументальной живописи. Монументальная живопись в Грузии всегда преобладала над иконописью и миниатюрой, и художественные методы изображения, выработанные ею, доминировали в грузинской живописи так же, как в русской живописи — иконописное начало.

Ш. Я. Амиранашвили считает портрет Александра бесспорно грузинским произведением, правда, в одной из «Истории грузинского искусства» он никак не обосновывает это, но, надо полагать, что, кроме своего профессионального чутья, он опирался еще и на художественный анализ.

Атрибуцировать картину, конечно, можно при помощи художественного и сравнительного анализа; в данном случае, например, мы могли бы продемонстрировать серию сравнений портрета царевича Александра со всеми почти типичными портретами, созданными в те же годы русскими мастерами, и, опираясь на художественный анализ, без всякой натяжки сделать логический и даже вполне научный вывод. Но к такому методу обращаются обычно тогда, когда полностью исчерпана историческая информация о предмете изучения, когда история оставляет без ответа поставленный вопрос. По-видимому, на сей раз мы имеем другой случай.

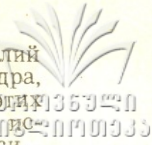
Опубликованные ленинградскими искусствоведами Н. Молевой и Э. Белютиным еще в 1965 году сведения о некоем художнике по фамилии Грузинец (не говоря о множестве других фактов непосредственно из грузинской истории) должны были натолкнуть исследователей истории грузинского искусства на мысль о фундаментальном изучении соответствующих фондов московского и ленинградского архивов. Судя по всему, работа эта не проделана (как нам известно, до сих пор нет ни одной специальной публикации, касающейся вопросов грузинской станковой живописи конца XVII—XVIII веков), а потому вопрос атрибуции портрета царевича Александра остается открытым.

Имя Грузинца выплыло на свет благодаря тому, что он оказался учителем известного русского художника И. Вишнякова. Им как художником еще никто не интересовался, а между тем, как свидетельствуют архивные документы, он принимал довольно активное участие в художественной жизни новой столицы Российской империи — Петербурга. До 1701 года Грузинец как живописец состоял в штате Оружейной палаты, где,

как было сказано, в 1690 — 1700 годы создавалась «Преображенская серия».

Имеет ли какое-нибудь отношение портрет Александра к «Преображен-

ской серии» и, в свою очередь, Василий Грузинец — к портрету Александра, покажет дальнейшее исследование вопросов, которое заложит основу теории грузинской станковой живописи.

Семен КОГАН

ИОСИФ ПРИБИК И ТИФЛИССКИЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

ВЫДАЮЩИЙСЯ дирижер, композитор и педагог Иосиф Вячеславович (Иозеф Вацлавович) Прибик вошел в историю русской, советской музыкальной культуры как представитель замечательной когорты музыкантов рубежа XIX—XX столетий. Более чем полувековая деятельность И. В. Прибика внесла неоценимый вклад в развитие музыкальной культуры Львова, Киева, Харькова, Тбилиси, Москвы и Одессы. С его именем связано становление русской оперы в России. Замечательный представитель чешского народа, Прибик, как и многие его соотечественники — Эдуард Направник, Осип Палечек, Вячеслав Сук, приехал в Россию и нашел здесь поддержку и сочувствие, а главное — верную оценку своего таланта. Россия, близкая по духу всем славянским народам, стала для него второй родиной. Через всю жизнь пронес И. В. Прибик горячую любовь к России, к ее народу, к ее культуре.

Родился И. В. Прибик в небольшом городке Прибрам, южнее Праги, в 1855 г. в семье учителя музыки, унаследовав от отца пламенную любовь к родине и своему народу, к его истории, песням и танцам.

И. В. Прибик получил блестящее музыкальное образование. Учился он в реальной гимназии, а затем поступил в знаменитую Пражскую органную школу, из стен которой вышли чешские композиторы Леош Яначек, Антонин Дворжак, И. Ферстер и др. Закончив с отличием органную школу по классу композиции и органа в 1872 г., Прибик поступил в фортепианную Академию Либенского, которую окончил в 1875 г.

С этого времени начинается его самостоятельная музыкальная деятельность. Он быстро завоевывает популярность как пианист-виртуоз и органист. В 1878 г. И. В. Прибик получает приглашение Главной дирекции Русского музыкального общества и приезжает в

Россию, в Смоленск. Здесь он начинает свою деятельность как директор отделения РМО, а также дирижер симфонического оркестра. Но административная работа не может удовлетворить Прибика. Его кипучая энергия жаждет большой творческой деятельности.

Работа в оперных театрах Киева, Львова, Харькова, Тифлиса и Москвы настолько увлекает Прибика, что он отказывается от должности директора Львовской консерватории, а в дальнейшем Тифлисского музыкального училища. До 1885 г. И. В. Прибик работал капельмейстером Киевской оперы.

Киевский оперный сезон 1885 г. подходил к концу, когда маэстро И. В. Прибик получил приглашение дирекции Тифлисской оперы занять должность второго дирижера.

Главным дирижером Тифлисской оперы в то время был замечательный композитор и дирижер М. М. Ипполитов-Иванов. Он привлек в Тифлис талантливых певцов, музыкантов, художников. Им были осуществлены постановки опер русских композиторов — Глинки, Даргомыжского, Рубинштейна и особенно Чайковского.

Не исключено, что находившийся в это время в Тифлисе П. И. Чайковский мог посоветовать М. М. Ипполитову-Иванову кандидатуру дирижера И. В. Прибика, которого знал как постановщика своих опер на Киевской сцене.

П. И. Чайковский высоко ценил талант И. В. Прибика, восхищался его умением работать с оркестром, добиваться ансамблевой точности и высокого художественного уровня спектаклей, быть настоящим вожаком оркестра.

В письме к И. П. Прянишникову П. И. Чайковский писал:

«Насколько и певцы, и хор, и оркестр играют увереннее и спокойнее, когда ими руководит привычная и испытанная рука истинного капельмейстера.

Особенно если капельмейстер такой талантливый и умный, как Прибик».

20 апреля 1886 г. открылся новый оперный сезон. Как и при закрытии предыдущего, была поставлена «Джюкконда» Понкиелли. За пультом театра стоял новый дирижер — И. В. Прибик.

Музыкальная критика Тифлиса заметила нового талантливого маэстро и в первых же рецензиях дала объективную оценку, не заглаживая, однако, недостатков.

Рецензируя спектакль «Гутеноты», газета «Кавказ» отмечала: «В заключение не можем умолчать о г. Прибике, нашем новом дирижере, который, кроме умения и опытности, выказал также и талантливость; вся опера была проведена с огоньком. Многие места благодаря живым темпам, взятым г. Прибиком, получили иную окраску — например, первый хор в первом акте».

Атмосфера творческого подъема царил в театре в сезоне 1886 г. Один за другим ставятся такие оперные шедевры, как «Аида» и «Трубадур» Верди, «Галька» Моношюкко и «Кармен» Бизе с М. Д. Смирновой в главной партии. 29 мая 1886 г. состоялось первое представление оперы А. Г. Рубинштейна «Маккавей».

Величественный образ Иуды создал артист Московской русской оперы Борисов, приглашенный на гастроль в Тифлис. Рецензенты утверждали, что Борисов в этой партии не уступал Корсову, создавшему этот образ на Петербургской сцене. Смирнова, Абрасси-Борисова (новая для Тифлиса левица, исполнившая партию Нозмии) и супруги Рядновы создали тот замечательный ансамбль, который так необходим в этой опере. Критика одобительно отзывалась и о постановщике спектакля И. В. Прибике. Это была первая постановка Прибика в Тифлисе. «Полного одобрения заслуживают хоры, которым в «Маккавейях» отведена первенствующая роль. Оркестр делал свое дело хорошо, и постановка такой сложной оперы делает честь опытности и талантливости нового дирижера Прибика». К концу весенне-летнего сезона были возобновлены давно не шедшая опера Мейербера «Африканка» и пользовавшаяся любовью тифлисской публики «Норма» Беллини. В конце августа 1886 г. Ипполитов-Иванов приступил к постановке своей новой оперы «Руфь». Первая постановка оперы состоялась 23 января 1887 г. в бенефис дирижера И. В. Прибика. Опера имела большой успех и вызвала интерес как у публики, так и у исполнителей. В спектакле были заняты ведущие солисты труппы. Дирижировал оперой, по просьбе автора, И. В. Прибик. М. М. Ипполитов-Иванов в своих мемуарах вспоминает:

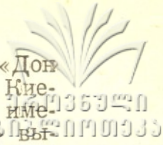
«Ансамбль был идеальный. Дирижировать я упросил моего друга И. В. Прибика, служившего тогда вместе со мной, талантливого и опытного дирижера, прекрасного, чуткого музыканта, которому я спокойно доверил свое первое оперное детище...».

Наряду с постановками новых опер возобновлялись давно не шедшие «Вильгельм Телль» Россини, «Динора» Мейербера, «Лючия ди Ламмермур» Доницетти. В весенний период между сезонами в Тифлисе устраивается ряд концертов, подчас с благотворительной целью. В афишах этих концертов очень часто стоит имя И. В. Прибика. Продолжаются концерты симфонической музыки, их репертуар значительно расширился. В программу включались произведения Чайковского, Рубинштейна, Бизе, Мендельсона, Листа, Балакирева, Шопена. В этих концертах Прибик выступал и как солист-пианист.

В начале 1888 г. было организовано Артистическое общество, и при нем из членов общества был сформирован струнный оркестр, которым дирижировали М. М. Ипполитов-Иванов и И. В. Прибик. Интересно проходили в Тифлисе и вечера камерной музыки, в которых принимал участие и Прибик как композитор и пианист. В 4-м квартетном собрании, которое состоялось 5 февраля 1887 г., был исполнен квинтет E-moll для фортепиано и струнного квартета Прибика. «Сочинение г. Прибика если и не отличается особенной оригинальностью, то во всяком случае обличает в авторе превосходного музыканта, хорошо владеющего композиторской техникой, обладающего вкусом и знанием инструментов... Партию фортепиано исполнял сам автор, причем он выказал себя отличным пианистом». Исполнение произведений И. В. Прибика в камерных вечерах было характерно и для киевского периода деятельности композитора. Композиторская деятельность И. В. Прибика еще мало изучена, но то, что известно о нем как о композиторе, говорит о таланте незаурядном, интересном и самобытном.

Сохранившиеся рукописи музыкально-сценических, инструментально-вокальных, оркестровых и камерных сочинений Прибика свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве композитора.

Дружба с выдающимися композиторами — П. И. Чайковским, М. М. Ипполитовым-Ивановым, деятелями «Могучей кучки», знакомство с их творческой практикой весьма благотворно сказывались на композиторской деятельности И. В. Прибика. Встречи с П. И. Чайковским оставили глубокий след в творческом сознании И. В. Прибика, чье мировоззрение, эстетические взгляды и творческие принципы формирова-

лись под значительным влиянием всей русской композиторской школы вообще и творчества П. И. Чайковского в частности. В период пребывания в Тифлисе (июнь—июль 1887 г.) Петр Ильич сделал в своем дневнике следующую короткую запись: «9 июня... квинтет Прибика у него».

В Тифлисе Прибик написал кантату «Памяти Пушкина» к 50-летию гибели великого поэта.

В дальнейшем И. В. Прибик создал много симфонических и камерных произведений: кантаты, увертюры, романсы, оркестровые переложения народных песен, балетные сюиты, квартеты, квинтеты, фортепианные пьесы. Особенно нужно отметить оперное творчество И. В. Прибика. Созданные по рассказам А. П. Чехова (либретто И. В. Прибика) оперы Прибика — это изящные миниатюры, «интересные по музыкальному языку и своеобразному осмыслению чеховских образов».

Отличительной особенностью опер Прибика является выразительность, эмоциональность звучания, тонкая нюансировка каждой музыкальной фразы. Музыкальный язык опер Прибика яркий, рельефный. «В операх он пошел по стопам представителей декламационного течения (Даргомыжский, Мусоргский, отчасти Римский-Корсаков), осуществляя труднейшую задачу музыкальной иллюстрации жанровых чеховских рассказов, почти без изменения их текста».

Тонкий юмор произведений А. П. Чехова был близок и понятен И. В. Прибiku, необычайно остроумному, жизнерадостному человеку. Для опер Прибика характерно верное ощущение чеховского стиля, колорита повестей писателя, бережно сохраненный Прибиком. В операх Прибика отсутствуют арии, дуэты, хоры, большие развернутые ансамбли, массовые сцены. Эти оперы отличаются интересной инструментровкой, камерностью звучания, своеобразием музыкальных характеристик персонажей, для обрисовки которых композитор применяет систему лейтмотивов.

Начало 1888 г. было ознаменовано постановкой давно не шедшей на тифлисской сцене оперы Мейербера «Роберт-Дьявол» в бенефис «симпатичного и любимого публикой дирижера нашей оперной труппы г-на Прибика» (газета «Кавказ»).

Говоря об оперном сезоне 1887-88 г., Ипполитов-Иванов подчеркивал, что «это было лучшее время оперы в Тифлисе. Большинство молодых артистов того времени завоевали себе почетные места в истории русской оперы, как, например, Лодий, Медведев, Тартаков, Яковлев, Зарудная, Смирнова...».

В следующем сезоне решено было поставить на тифлисской сцене оперу одес-

ского композитора Г. А. Лициана «Дон Сезар де Базан». Опера, шедшая в Киеве с Тартаковым в заглавной роли, имела большой успех. Газета «Кавказ» выражала надежду на успех оперы и в Тифлисе.

В декабре 1888 г. была поставлена опера Вагнера «Тангейзер». Как отмечалось в прессе, выбор Прибиком именно этой оперы «следует признать весьма удачным как по распределению партий, так и потому, что опера эта даст полную возможность дирижеру показать свое искусство в управлении оркестром».

Творческий, художественный уровень спектаклей настолько вырос, состав труппы настолько окреп, что тифлисская опера выдвинулась в число лучших провинциальных театров России. Но на фоне этих значительных художественных успехов театр поджидала другая опасность — финансовая несостоятельность антрепризы, удел многих периферийных актерских коллективов. «Оперное дело в дореволюционной русской провинции имело, как известно, свои большие недостатки. За исключением оперных антреприз в крупных городах (Киев, Тифлис, Одесса, Баку, отчасти Пермь и некоторые другие), получавших изредка небольшие субсидии из городского бюджета, большинство оперных трупп материально никем не поддерживалось, беспеременно кочевало, готовило спектакли наспех. О сценическом ансамбле спектакля не приходилось и думать¹. Несмотря на тяжелые условия, в которых находились провинциальные театры России, на постоянную нехватку времени и средств при выпуске спектаклей, Прибик с необыкновенной тщательностью и любовью готовил постановки русских опер, добиваясь удивительного ансамбля исполнения, синтеза вокально-сценической, музыкальной и драматургической линий произведения. В это время часть артистов труппы во главе с И. П. Прянишниковым задумала создать новое оперное предприятие, составить общину, артель для устройства оперных спектаклей на совершенно новых условиях. Спектакли товарищества отличались целостностью ансамбля, большим художественным вкусом, высокой культурой исполнения, единством сценического и музыкально-воплощения.

Огромная заслуга в этом была дирижера Иосифа Прибика, славного сына чешского народа. Тифлисский период деятельности Прибика длился три года (1886 — 1889), но за этот короткий срок он сделал немало для развития музыкальной культуры Грузии.

¹ А. М. Пазовский. Записки дирижера, М., 1968, с. 49.

«САНДРО ШАНШАШВИЛИ»

Это — том избранных произведений старейшего грузинского поэта и драматурга, выпущенный на русском языке издательством «Мерани» под редакцией Николая Тихонова, которому принадлежит и предисловие к книге. По тихоновскому определению, Сандро Шаншиашвили — выдающийся, старый, мудрый наш друг, могущий быть названным патриархом грузинской поэзии, поэтом с молодым сердцем.

В названный сборник включены стихотворения, поэмы, драмы С. Шаншиашвили в переводе таких крупных русских поэтов — друзей грузинской поэзии, как Н. Тихонов, А. Межиров, В. Звягинцева, В. Луговской и другие.

В книге есть стихотворения, датированные 1905 годом и 1972 годом. Такой широкий охват позволит русскому читателю составить довольно полное представление о творчестве поэта, которого другой могущий грузинский поэт Георгий Леонидзе назвал «трудолюбом», «садовником песен», «виноградарем стиха».

«СИНЕЕ НА ЖЕЛТОМ»

Так называется новая книга Эммануила Фейгина, составленная из трех его произведений: романа «Синее на желтом» и двух повестей — «Бульдоги Лапшина» и «Обида Егора Грачева».

В предпосланной сборнику статье известного грузинского критика и литературоведа Георгия Маргвелашвили, посвященной их анализу, говорится, что они «явили не только качественно новую веху в творчестве мастера, но и подключили его творчество к самой напряженной, к самой высоковольтной по нравственному и социальному накалу линии современной литературы».

Вышедшая недавно в свет с грифом издательства «Мерани» книга эта знаменит читателя с наиболее значительными произведениями последнего времени известного русского писателя, мно-

гие годы живущего в Грузии, связавшего свою творческую судьбу с грузинской литературой.

«ДЕСЯТЬ РАССКАЗОВ»

Автор этого сборника — известный грузинский писатель Нодар Думбадзе. Его романы «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце» и «Белые флаги» не только хорошо известны и грузинскому, и русскому читателю, но и стали его любимыми произведениями.

На этот раз новую книгу Н. Думбадзе, выпущенную в этом году издательством «Мерани», составили его рассказы, написанные в последнее время. Это — «Собака», «Дидро», «Кровь», «Мать», «Неблагодарный», «Птичка», «Не буди», «Коррида», «Солнце», «Желание». Все они, как и большинство других произведений писателя, переведены на русский язык Зурабом Ахвледзиани.

«ДЕНЬ ЧЕЛОВЕКА»

В эту книгу известного грузинского поэта Фридона Халваши вошли 23 его рассказа, переведенных на русский язык Э. Фейгиным, А. Эбановидзе, К. Коринтели, Н. Микава, В. Циклаури,

«Любовь», «А за рекой темным-темно» и другие его рассказы, составившие этот сборник, изданный «Мерани» в 1977 году, интересен тем, что представляет собой первое обращение поэта к прозаическому жанру.

В книге «День человека» читатель ощутит острый интерес писателя к проблемам современности, ко многим важным сторонам нашей действительности, показанным на примере жизни сегодняшней Аджарии — одного из цветущих краев нашей республики.

«М. ГОРЬКИЙ И ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ НАРОДОВ»

Автор этой книги, подготовленной московским издательством «Советский писатель», — литературовед, доктор филологических наук, профессор Гиви Гвенетадзе. Свою работу он посвятил светлой памяти ветеранов Великой Отечественной войны — брата Александра Доментьевича Гвенетадзе и друга Василия Ивановича Кириюшина.

Много лет Г. Гвенетадзе занимается исследованием процесса развития национальных литератур, изучением взаимосвязей Горького с грузинской культурой и искусством, что получило отражение в ряде его работ, вышедших в виде книг и опубликованных в периодике.

Тема «Горький и Грузия» стоит в центре внимания автора и в последней его книге, где он, опираясь на достижения своих предшественников, приводит новый, в том числе архивный материал, вводя в научный обиход многие ранее не известные факты и документы.

«ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ КРИТИКА О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Уже само приведенное выше название говорит о сути этой необычной книги, подготовленной детским и юношеским издательством республики — «Накадули» — и увидевшей свет на грузинском языке в этом году.

В сборник вошли статьи о книгах для детей, которые были выпущены в дореволюционное время. Их авторы —

великий грузинский поэт Акакий Церетели, великий грузинский педагог и писатель Якоб Гогешвили, а также Л. Боцвадзе, И. Ростомашвили, Т. Хулишвили, И. Перадзе, А. Мирианашвили и другие.

«ГОД У РОДЕНА»

Эта книга является вторым изданием воспоминаний замечательного грузинского скульптора Якоба Николадзе о его пребывании во Франции, в мастерской великого Родена.

Открывается книга, подготовленная издательством «Хеловнеба», портретом ее автора. Издана она в текущем году на русском языке (переводчик Н. Аккерман).

«ПОДТАЯВШИЙ СНЕГ»

На этот раз названный сборник рассказов и новелл Ростома Бежанишвили — автора романов-хроник и повестей о нашей современности — адресован юному читателю. Поэтому книга и издана детским издательством «Накадули».

В собранных здесь произведениях малой формы повествуется о молодых людях, преисполненных самых романтических устремлений и готовых бороться с изжившими себя, застывшими пережитками прошлого, чтобы приблизить и завоевать светлое будущее.

Вышла книга в этом году на грузинском языке.

ШЕКСПИР НА ГРУЗИНСКОМ

● ИЗДАТЕЛЬСТВО «Хеловнеба» («Искусство») готовит к выходу в свет полное собрание сочинений великого английского драматурга В. Шекспира на грузинском языке.

Это уникальное издание украсит свыше 300 оригинальных иллюстраций известных грузинских художников — народного художника СССР, Героя Социалистического Труда Л. Гудиашвили, члена-корреспондента Академии художеств СССР, народного художника Грузии С. Кобуладзе, заслуженных художников Грузинской ССР З. Нижарадзе, Т. Мирзашвили, М. Малазония, Д. Эристави, О. Кочакидзе, А. Словинского, Ю. Чикваидзе и других. Бессмертные произведения великого драматурга выходят в переводах И. Мачабели, Г. Гачечиладзе, В. Челидзе, Г. Джабашвили, М. Карчава, А. Гахонидзе, Т. Эристави, Н. Сакварелидзе...

Издание полного собрания сочинений В. Шекспира осуществлено под редакцией Г. Абашидзе, А. Алексидзе, Г. Джабашвили, Э. Маградзе, Н. Киасашвили, О. Тактакишвили, В. Челидзе, О. Черкезия, А. Чикваидзе, О. Эгадзе.

Над макетом издания работали художники О. Джиншариани и Д. Дундуа.

В будущем году грузинские читатели получат первые три тома сочинений В. Шекспира.

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

● В СЕНТЯБРЕ 1947 года по инициативе академика Н. Кецховели в стенах Тбилисского государственного университета образовался кружок молодых писателей, который возглавил известный грузинский критик Б. Жгенти. В 1950 году вышел его литературный альманах «Пирвели схи» («Первый луч») № 1, в котором были опубликованы произведения начинающих литераторов. За тридцать лет многие кружковцы стали известными грузинскими писателями. Восемьдесят из них теперь — члены Союза писателей Грузии, среди которых есть и лауреаты премии им. Ш. Руставели.

И сегодня кружок молодых писателей при ТГУ живет активной творческой жизнью. Новое поколение начинающих литераторов пробует свои силы в литературе, оттачивает мастерство. Произведения молодых авторов печатаются в республиканских периодических изданиях, их книги выходят на грузинском, русском и других языках братских народов СССР.

ОНИ ДАРЯТ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ

● С БОЛЬШИМ успехом прошли в США гастроли Государственного заслуженного ансамбля песни и танца Грузии. В течение трех месяцев мелодии солнечной Грузии звучали в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лос-Андже-

лесе, Денвере и многих других городах.

Выступления грузинских артистов проходили в переполненных залах, под нескончаемые овации зрителей.

Вся американская пресса единодушно отмечала зазор и темперамент, жизнеутверждающую силу и высокое профессиональное мастерство грузинского ансамбля.

ДЕКАДА ТЕАТРАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

● СТОЛИЦА Грузии стала местом проведения юбилейной декады театральных спектаклей, посвященных 60-летию Великого Октября. Тбилисцы познакомились со спектаклями восемнадцати театральных коллективов республики, повествующих о революционном прошлом нашей страны, о ее сегодняшнем дне.

Спектаклем В. Вишневого «Оптимистическая трагедия» декаду открыл Сухумский государственный драматический театр имени С. Чанба. Кутаисский государственный драматический театр им. Л. Месхишвили показал спектакли «Шестое июля» А. Шатрова и «За горизонтом» В. Якашвили.

В дни декады зрители познакомились с лучшими постановками театров имени Ш. Руставели, А. Грибоедова, К. Марджанишвили, Метехского молодежного театра - студии... Лучшие спектакли были отмечены премиями и дипломами Министерства культуры Грузинской ССР и Театрального общества Грузии.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ“ ЗА 1977 ГОД

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

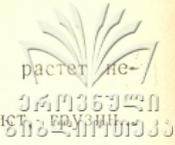
- АБАШИДЗЕ Г. Дружба — превыше всего! XI, 9.
 БОГОМОЛОВ И., КОБИДЗЕ Р. Интерес. Признание. Резонанс. (Грузинская советская литература в зарубежной критике), VI, 69.
 ВОЛКОВ Г. Воспевая Грузию, XI, 79.
 ЛОМИДЗЕ Г. Детище Октября, XI, 69.
 ЧЕРКЕЗИЯ О. Дорогой Октября, XI, 4.
 ЧИЛАЯ С. Великий Октябрь и грузинская литература, III, 67; IV, 62; V, 72; VII, 51; IX, 44; XI, 74.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КП ГРУЗИИ И СОВЕТА МИНИСТРОВ ГРУЗИНСКОЙ ССР «О ПРИСУЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ ГРУЗИНСКОЙ ССР ИМЕНИ ШОТА РУСТАВЕЛИ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ ЗА 1977 ГОД», IV, 4.

ПОЭЗИЯ

- АБАШИДЗЕ Г. С Новым годом! I, 4; Память. «Я сам не знаю, что со мной творится...», VII, 7.
 АБДУЛЛИН Х. Грузия, страна мечтаний. О чем же человеку петь, V, 9.
 АРТУНЯН Д. Суровые стали времена, V, 9.
 АСАТИАНИ Л. На Карталинской дороге. Разгульное. Проспект Руставели. Мак. А. В. Крданисские маки, XI, 25.
 АХМАДУЛИНА Б. Победа. «Помню — как вижу, зрачки затемню...». «Я столько раз была мертва...», VIII, 16.
 БЕГИАШВИЛИ А. Если б мое молчанье... «Дерево зелено...». Радость. «Дарю тебе розу — тоски моей отзвук...», II, 6.
 БЕРУЛАВА Х. Весеннее, V, 2-я стр. обложки.
 БОБОХИДЗЕ К. Песнь труда. Плодородная осень. Яков Гогебашвили, V, 8.
 ГАГУА Х. Апрель. «Кто знает — за окном цветет миндаль...». Семья. Мороженое послевоенных лет. Сомнение. Августовский дождь. Солнце заходит — солнце

- всходит. Баллада спасения. Исповедь. Видение. Тропинка. «Еще в снегах звенит синица...», V, 4.
 ГЕГЕЧКОРИ Г. Священные призраки наших отцов. Приближение ночи. Слуга. Стихи о воскресном дне. Возвращение, VI, 4.
 ГЕНИНА Н. «К истории прищипливаю дни...». «Когда мой отец...». «Какой дороге поклониться?..» Декабристы. О рождении. Старость. «Ветвистый день корнями в землю врос...» Свиданье. «Дорогой ледяной...», VIII, 30.
 ГОЛЬЦМАН Я. «Когда одолевает зной...». «Свадебную дудку вскинула желна!...». «Голубой квадратик...». «И куда тебя к черту тянет?!». «Белый голубь. Стая сизарей...». «Снег летел и шелестел...». «Зачерпнул — озерной воды испил...». «Неслышно подошел Покров...». Памяти Дмитрия Голубкова, VIII, 26.
 ГОМИАШВИЛИ А. Вновь зовут Германию. Две вершины. Лети, мой стих, в орлиные высоты, IV, 5.
 ДАДАШИДЗЕ И. Сумерки на Мтацминде. Улица Субхи. Август. Прогулка по ночному Тбилиси. «Страшусь в стихах пророчеств роковых...», VIII, 28.
 ЕВТУШЕНКО Е. Из Руставели (Завещание Автандила царю Ростевану), VIII, 17; Долголетие. Завтрашний ветер, XII, 9.
 ИЗ ГРУЗИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА, III, 4.
 КАХИДЗЕ М. Весна идет! О, когда бы могла... Твоя прекрасная страна, IV, 11.
 КОЧЕТКОВ А. Из «Грузинских элегий», VIII, 53.
 КОРИНТЭЛИ К. «Я, как дерево, вся земная...». «Какие странные расцветки...». Дорога. «Уйду, уйду!.. Закроюсь в темной келье...». «Августа ночью бессонной...», VIII, 28.
 КУДИМОВА М. Блок. «Как ни кренились, назревая, ливни...». Бабье лето. «Мазок дыханья на стекле...». Отрывок. «Это руки твои все слышны...». «Кровоточи, моя любовь...». «По ком я хмелела, по ком...». Точная наука, VIII, 31.
 КУНЯЕВ С. «От своих переулков кривых...». «Стал один знаменитый король...», XII, 9.
 КУТАТЕЛИ А. Наш гимн, II, 2-я стр. обложки.

ЛЕОНИДЗЕ Г. «Как в Каспийской воде
изнывает лосось...». Читая «Картлис
цховреба...». Нине Чавчавадзе, VII, 6.

ЛЕОНОВИЧ В. Здесь! «О чем ты думал?
Образ мысли...». «Ты погляди, как ветви
спи...». «Шел, кажется, я на вокзал...».
«Нагое плоскогорье...». «Узнает все — и
переврет...». Из цикла «Вторая треть».
Монахине Офелии. «Я знаю без искусства
ва...». «Одна черешенка стоит...». «Вижу
я в рассудке здравом...». «На похмелье
покупаю...». «Друзья мои, вы есть, вы бы-
ли...». «Это что же?...». «Переводчик, сло-
май карандаш...». «Здесь переждем-перей-
дем...». На мосту, VIII, 20.

ЛУКОНИН М. Грузинским поэтам, VIII, 6.

МАМПОРИЯ О. Колесница мира, X, 10.

МАЧАВАРИАНИ М. Владимир Ленин, XI,
12.

НАДИРАДЗЕ К. Ленин, IV, 2-я стр. облож-
ки; Песня родине. Кто была она. Сон
поэта. Автопортрет. Язык природы.
«...Было солнечным лето...». Имеретия, X,
7; Красная площадь, XI, 17.

НЕКРОШЮС Ю. Уроки. Завершенная кар-
тина, XII, 13.

НИШНИАНИДЗЕ Ш. Песнь о капитане.
Геройская эпитафия. «Везде...». «Не соч-
ти, что это — только...». Жатва на Ал-
гети. «Ты мастер...», IX, 7.

ОРДЖОНИКИДЗЕ И. Май. Картли. Ут-
ро. Сквозняк. Каменное изголовье. Мта-
цминда. Счастье. Не обещай... Письмо.
Перрон. Идиллии. Разговор с дочерью.
«Хочется...», IX, 9.

ПОЛЕТАЕВ В. «Там, где на языке орли-
ном...». «Глаза ладонью закрываю...».
«...а в доме музыка жила...». Нарикала
ночью. «В полнеба огненный лоскут...».
Плач о Гургаме Рчеулишвили, VIII, 62.

ПОЦХИШВИЛИ М. Есть. Антиматематика.
Точка. Спокойствие. Лист. Конечная ос-
тановка. «Года прошли. И годы снова...»
Кара. «С ума сойдя...». Монотонная мо-
зайка, II, 4.

РЕЗНИКОВ Б. Зрелость. «В эти месяцы
по возвращеньи...». «Это — новости о
феврале...». Экзерсис. Из Рильке. «Его
прославлю без конца и края...». «Ты бу-
дущее, утренний восход...». «Слово страж
предутреннего дола...». «Плеск родника о
камни...», VIII, 24.

РЕХВИАШВИЛИ Ш. Болгарии. Санах-
шо, VI, 8.

РЗА Р. Песня, XII, 8.

СИНЕЛЬНИКОВ М. Ветер. Элегия. Тбили-
си. Балет. Кирпич. Космогония. Ковров-
щица. «В стране волшебной Сакартве»
РЗА Р. Песня, XII, 8.

ТАБИДЗЕ Г. Примирение. Тополи в сне-
гу. Ты ждешь? Утешение. «Вино туман-
но-голубое...». «Сугроб нарциссов и фиал-
лок...». Старые жернова. Горы Гурии. Бе-
лый пеликан. «Легли у порога нечистые
силы...». Который час? Роза на песке.
Ветер, I, 23.

ТАРКОВСКИЙ А. 1914. Григорий Скоро-
да. «Где целовали степь курганы...». «Я
тень из тех теней, которые однажды...».
Адам, VIII, 19.

ТИХОНОВ Н. «Работы гром растет не-
удержимо...», VIII, 6.

ХАЛВАШИ Ф. Я — коммунист
XI, 8.

ХОШТАРИЯ И. Отчизна. В лучах света.
Хвалебное. Судьба. И я когда-нибудь...
VI, 6.

ЦЫБУЛЕВСКИЙ А. Черный диск, VIII,
60.

ЧИЛАДЗЕ О. Первый день осени. Сон.
Бессонница. Белое поле. Комната. «Бог
памяги, бог забыванья!», VII, 7.

ШАЛАМБЕРИДЗЕ О. Апология великой
ночи, XI, 12.

ШАНШИАШВИЛИ С. Мравалжамьер!
I, 2-я стр. обложки.

ЭМИН Г. Из цикла «Америка, Америка».
XII, 8.

ПРОЗА

ВОРОБЬЕВ Л. Свет тех сосен, V, 10.

ГАБАШВИЛИ Е. Душевные тревоги Нато,
V, 58.

ГОГОЛАДЗЕ Т. Свет добра, V, 47; VI,
39; VII, 17.

КИПИАНИ Э. Вся твоя жизнь, VII, 10.

КОБИДЗЕ Р. Листья папоротника, II, 33;
III, 10; IV, 13.

МАГРАДЗЕ Э. Стенание, III, 32; IV, 31;
V, 40; VI, 9.

МРЕВЛИШВИЛИ М. Герой ее картины,
XII, 16.

ФЕЙГИН Э. Тбилиси, предвечернее небо,
I, 27.

ХАРАИДЗЕ Г. Повесть о моем предке, VII,
35; IX, 13.

ЦИЦИШВИЛИ Г. Дольше всего живет
надежда, XII, 21.

ЦУЛЕЙСКИРИ Н. Как Чватия женился,
II, 20.

ЦЫБУЛЕВСКИЙ А. Родничок. Пиросма-
ни. Приехав в столицу... Воспоминание
о Навтлугском вокзале. А те дни — ку-
да? VIII, 54.

ЧЕИШВИЛИ Р. Запоздалый ответ. Нобель.
Открытое письмо, IX, 35.

ЧИДЖАВАДЗЕ О. Когда кричит павлин,
VI, 56; X, 14; XI, 44, XII, 59.

ЭЛИОЗИШВИЛИ М. Коровий вор, II, 8.

ЯШИН А. «Открывать здесь», XI, 29.

ОЧЕРК

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. Вахта у огненного
ручья, II, 49.

ГУФЕЛЬД Э. Ранний восход, VII, 91.

ДОНЖАШВИЛИ Т. ...И в беде, и в ра-
дости, XI, 50.

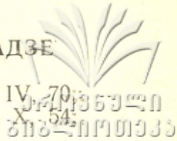
ПЕТЕРС В. Скала Мужества, III, 47.

ЧХЕЙДЗЕ Б. Была такая пустыня... IV,
49.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АСАТИАНИ Г. Галактика Галактиона, III,
51.

БАТИАШВИЛИ Г. О том, как Зеснахе ста-
новится личностью, I, 79; Строгая доб-

рота. (Раздумья о пьесах Тамаза Чиладзе), X, 41.

БЕНАШВИЛИ Г. Прекрасные просторы гуманизма, III, 61.

ВАСАДЗЕ А. Об импульсах творческого процесса, II, 61.

ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Книга поисков и раздумий, VII, 60.

ГВИНДЖИЛИЯ Д. Боли и беды Бедиа, II, 70.

ГОРБАТОВА Е. Тайны искусства и «хитрости ремесла», VIII, 82.

ДАДАШИДЗЕ Д. Записки толмача, VIII, 64.

ДЕЛИТЬСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ И НОВЫМ... (Беседа критика К. Имедашвили с писателем Ч. Амирэджиби), IV, 52.

ДУМБАДЗЕ Н. Добро пожаловать! V, 53.

ЖОРДАНИЯ С. Игра слов в языке художественных произведений, IV, 89.

ИМЕДАШВИЛИ К. Трудный путь к добру, IX, 49.

КАНКВА Г. Нравственность и свобода человека, IX, 55.

ЛАПЕРАШВИЛИ В. «Хотелось жить, творить», X, 52.

МАГРАДЗЕ Э. Гимн жизни всепобеждающей, X, 62.

МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. «Горы — Парнас беспокойного духа...», IV, 9; «Рассвет встречаю я на жаркой ниве слова...», V, 60; «Свидетельствует вещей знак...», VIII, 8.

МИТИН Г. Смеющийся да задумается! XII, 51.

ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ ГОЛОСА, II, 66.

РЕВИШВИЛИ Ш. Касаясь проблем грузинской литературы, XII, 57.

РЯШЕНЦЕВ Ю. О Мирзе Геловани и его стихах, XI, 20.

СЛОВО О ТИЦИАНЕ ТАБИДЗЕ. (Выступления Николая Тихонова, Павла Антокольского, Константина Симонова, Ираклия Андроникова и Беллы Ахмадулиной на вечере в Центральном Доме литераторов, посвященном поэзии Тициана Табидзе), VIII, 40.

ХИНТИБИДЗЕ А. Новейшая реформа грузинского стиха, IV, 57.

ХИНТИБИДЗЕ Э. Литературные связи древней Грузии, III, 75.

ХОТИМСКИЙ Б. Мятлев, «гуляющий сам по себе», VIII, 73.

ХРИТЕСАШВИЛИ М. Поиски героя, VI, 63.

ЦХОВРЕБОВ Н. Перерастая национальные и языковые границы. (Лирика Галактиона Табидзе и французская поэзия), X, 46.

ЧИЛЯЯ С. ...Песнь братства наполняет грудь, II, 53.

ЭБАНОИДЗЕ А. Обретая трезвую силу реальности... II, 67.

ДЖИБЛАДЗЕ Г. Илья Чавчавадзе, IV, 70; V, 78; VI, 81; VII, 65; IX, 59; XII, 67.

ПУБЛИЦИСТИКА

АБАШИДЗЕ И. Программа грядущих великих свершений, VIII, 4.

ГОГИБЕДАШВИЛИ Н. Первенец, XII, 82.

ГУРУЛИ В., МАЧАРАДЗЕ В. Яркий эпизод боевого содружества, V, 70.

ЖВАНИЯ Г. Великая хартия прав, X, 4.

ЛОРДКИПАНИДЗЕ К. Двадцать лет тому: назад... XII, 14.

МАЧАИДЗЕ Л. Школьная отметка: вчера, сегодня, завтра, IX, 75.

НАТРОШВИЛИ Г. По мысли и воле народа, IX, 4.

РОВЕСНИКИ РЕВОЛЮЦИИ (Воспоминания о Ладо Асатиани, Мирзе Геловани и Александре Саджая Юрия Ряшенцева, Ладо Гудиашвили, Серго Клдиашвили, Ники Агнашвили), XI, 18.

ЦИЦИШВИЛИ Г. Величайший документ нашей эпохи, VI, 4.

ЧИЧИНАДЗЕ В. Логика научно-технического прогресса, V, 65.

ИНТЕРВЬЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ»

ДЛЯ БЛАГА НАРОДА. (Интервью с министром легкой промышленности Грузинской ССР тов. Г. П. Гамцемлидзе), X, 38.

ШАНШИАШВИЛИ С. Источник вдохновения, XI, 14.

ШЕНГЕЛАЯ Д. Обновление, XI, 15.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

ПАНДЖИКИДЗЕ Г. Большая нефть Грузии, XI, 63.

ЦАИШВИЛИ С. Возродим прекрасный горный край, VII, 72.

НАУКА

БАНДЗЕЛАДЗЕ Г. Была ли у древних греков совесть? X, 91.

ДЗИДЗИГУРИ Ш. Баски и грузины, II, 82; III, 83; IV, 81; VI, 88; VII, 76; IX, 68; XII, 74; Жизнь в науке, V, 86.

ХАРАИДЗЕ Г. Об «открытии»... X, 93.

ИСКУССТВО

БАРАНОВ М. Грани таланта, VII, 82.

БЕРЕЗКИН В. Все цвета радуги, VIII, 88.

БУАЧИДЗЕ Г. Греза Фрески, IX, 85; X, 67.

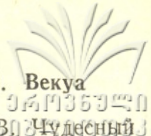
ГИЖИМКРЕЛИ М. Воспоминание об учителе, II, 79.

КОГАН С. Иосиф Прибик и Тифлисский оперный театр, XII, 87.

МАМУЛАШВИЛИ С. Призвание — нести людям радость, II, 81.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ЦВЕТАЕВА М. Слово о Бальмонте. (Выступление по поводу 50-летия литературной деятельности поэта), VIII, 34.

- НИШНИАНИДЗЕ Г. Сатира солдат революции, XI, 85.
 ТУРМАНИДЗЕ М. Неизвестный мастер? XII, 85.
 ЦИЦИШВИЛИ М. Поэзия творчества, XI, 89.
 ЧАНТУРИЯ Т. Запечатленная мысль, V, 92.

К 70-летию академика И. Векua
 ХАРАДЗЕ Е., КУПРАДЗЕ В. Чудесный
 слав таланта и труда, V, 83.

НОВЫЕ КНИГИ

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- БУБНОВА В. В памяти навсегда, VIII, 50.
 ДУРМИШИДЗЕ С. Казнохранитель нации, IV, 79.
 КЕРЕСЕЛИДЗЕ Г. «Не беспредметно и не формы ради...», VIII, 49.
 КОШУТ С. Сердце и труд публициста, VIII, 78.

- БЕСТАВАШВИЛИ А. Встреча с Пиросмани, IV, 92.
 ГРИНБЕРГ И. Под знаком «двойной радуги», V, 95.
 ГОЗАЛИШВИЛИ Ш. Многообразие тем и жанров, X, 84.
 ЛЕОНОВИЧ В. Звук осторожный, IX, 83.
 МЕГРЕЛИДЗЕ И. Словарь грузинского фольклора, I, 95.
 МИРЦХУЛАВА Б. Гимн труду и дружбе, XI, 95.
 ПОРАКИШВИЛИ Н. Приобщение к Грузии, VII, 86; В свете исследования грузинского ученого, X, 82.
 ТИХОНОВА Л. «Свободную сущность свою я спасаю...», III, 94; Сага о революционерках, VI, 95.
 ТУРНАВА С. Популяризатор грузинской культуры, X, 87.
 ЧАЧХАЛИА Д. Продолжение встречи, VII, 89.
 ШАМЕЛАШВИЛИ Р. Для желающих изучать язык Руставели, IX, 81.
 ЯРАЛОВ Г. Необходимое уточнение, X, 89.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 80-летию Николая Тихонова

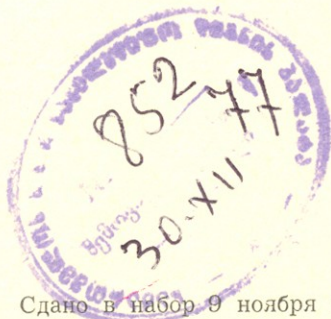
- АБАШИДЗЕ Г. Вершина любви и признательности, I, 7.
 АБАШИДЗЕ И. Друг и брат моей Грузии, I, 9.
 АЛПЕНИДЗЕ В. Под знаменем интернационализма, I, 16.
 ДЖИБЛАДЗЕ Г. «Вот он, Тихонов, таков, как он есть...», I, 10.
 МАРГИАНИ Р. Наш Тихонов, I, 13.
 СЛОВО ДРУГА. (Ответы Н. Тихонова на вопросы корреспондента М. Немировой), I, 20.
 ТИХОНОВ Н. На родине героя. Размышления на Мтацминде, I, 5.
 ЦИЦИШВИЛИ Г. Страница воспоминаний, I, 14.
 ШАНШИАШВИЛИ С. Мне дорога память о наших встречах, I, 11.
 ШЕНГЕЛАЯ Д. Многие лета! I, 13.
 ШОШИН В. Крылатого гонит коня... I, 12.

К 70-летию академика Д. С. Лихачева

- БАРАМИДЗЕ А., ШАДУРИ В., МЕНАБДЕ Л. Выдающийся советский ученый, II, 92.
 КОТЕТИШВИЛИ П., ТАЛИАШВИЛИ Г. Исследования, раздвигающие горизонт, II, 95.

АННОТАЦИИ

- КНИГИ К ВЕЛИКОМУ ЮБИЛЕЮ СТРАНЫ, XI, 92.
 «ПЕРЕВАЛ», «ПТИЦА РАЗДУМЬЯ», «ИХ ОДНИМ ЧЕКАНИЛИ ЧЕКАНОМ», I, 95.
 «САНДРО ШАНШИАШВИЛИ», «ДЕСЯТЬ РАССКАЗОВ», «СИНЕЕ НА ЖЕЛТОМ», «ДЕНЬ ЧЕЛОВЕКА», «М. ГОРЬКИЙ И ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ НАРОДОВ», «ГОД У РОДЕНА», «ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ КРИТИКА О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ», «ПОДТ А Я В Ш И И СНЕГ», XII, 90.
 ХРОНИКА VII, 95; VIII, 95; X, 94; XI, 96; XII, 92.

Сдано в набор 9 ноября 1977 г. Подписано к печати 19 декабря 1977 г.
 6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

26-77

77-882

ქართული
საბჭოთაობა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა